

ПСИХОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ

Journal of Modern Foreign Psychology

2019 . Том 8 . № 4
2019 . Vol. 8 , no. 4

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Т. 8, № 4 / 2019

Тема номера:
Современная семья: дети и родители

Тематический редактор
Е.В. Филиппова

JOURNAL OF MODERN FOREIGN PSYCHOLOGY

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology & Education

«СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Главный редактор
Т.В. Ермолова

Ответственный секретарь
В.В. Пономарева

Технический редактор
О.Н. Борисова

Редакционная коллегия

Ю.И. Александров, Т.В. Ахутина, Е.Л. Григоренко, О.В. Рубцова, Т.А. Баилова, И.А. Бурлакова, Т.М. Марютина, Е.А. Сергиенко, А.Б. Холмогорова, Е.Г. Дозорцева, Л.Ф. Обухова, Н.Г. Салмина, М.А. Сафронова, Е.О. Смирнова, Т.А. Строганова, Н.Н. Толстых, Е.В. Филиппова, В.С. Юркевич

Редакционный совет

Председатель
В.В. Рубцов

Заместитель председателя редакционного совета
А.А. Марголис

Члены редакционного совета
Г. Дэниэлс (Великобритания), П. Хаккарайнен (Финляндия)

Корректор Р.К. Лопина
Компьютерная верстка: М.А. Баскакова

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московский государственный психолого-педагогический университет

Все права защищены.
Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Введение

Е.В. Филиппова 5

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Межкультурные особенности связей чрезмерного родительства с психологическим благополучием современных старших подростков

Е.Ю. Чеботарева 7

Зарубежные исследования сверхвключенного типа родительства («overparenting»)

А.А. Прохорова 16

Проблема дисфункционального материнства в новейших зарубежных исследованиях

Т.В. Ермолова, Т.В. Иволина, О.В. Дедова, А.В. Литвинов 25

Факторы родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста:

анализ зарубежных исследований

С.С. Савеньшева, В.О. Аникина, Э.В. Мельдо 38

Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы

И.А. Калина 49

Образ тела и отношение к своему телу у подростков: семейные

и социокультурные факторы влияния (по материалам зарубежных исследований)

Е.А. Ерохина, Е.В. Филиппова 57

Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями

Н.Н. Авдеева, Б.Я. Хоффман 69

Родительские стратегии в использовании детьми цифровых технологий

Е.О. Смирнова, С.Ю. Смирнова, Е.Г. Шеина 79

Исследования роли привязанности в жизни человека. Обзор зарубежных исследований

Е.С. Дианова 88

Прародители и внуки (обзор зарубежных исследований)

М.В. Булыгина, С.В. Комарова 97

Вне тематики

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Методы диагностики эмоционального интеллекта

Ю.А. Кочетова, М.В. Климакова 106

Наши авторы

115

CONTENTS

NOTES FROM EDITOR

Introduction <i>E.V. Filippova</i>	5
---------------------------------------	---

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Cross-cultural peculiarities of interrelations between overparenting and psychological well-being of present time senior <i>E.Yu. Chebotareva</i>	7
Foreign studies of overparenting style of parenthood <i>A.A. Prokhorova</i>	16
The problem of dysfunctional motherhood in the latest foreign researches <i>T.V. Ermolova, T.V. Ivolina, O.V. Dedova, A.V. Litvinov</i>	25
Factors of parenting stress in mothers of young and preschool children: an analysis of foreign studies <i>S.S. Savenysheva, V.O. Anikina, E.V. Meldo</i>	38
Fatherhood as a psychological phenomenon. Review of modern foreign literature <i>I.A. Kalina</i>	49
Body image and attitude to one's body in adolescent: family and sociocultural factors (based on foreign researches) <i>E.A. Erokhina, E.V. Filippova</i>	57
Current research on adolescents' relationships with parents <i>N.N. Avdeeva, B.Ya. Hoffman</i>	69
Parents' strategies to use of digital technology by children <i>E.O. Smirnova, S.Yu. Smirnova, E.G. Sheina</i>	79
Research into the role of attachment in a person's life. Overview of foreign research <i>E.S. Dianova</i>	88
Grandparents and grandchildren (review of foreign studies) <i>M.V. Bulygina, S.V. Komarova</i>	97

Outside of the theme rooms

GENERAL PSYCHOLOGY

Methods for diagnosing emotional intelligence <i>Yu.A. Kochetova, M.V. Klimakova</i>	106
---	-----

Our authors	117
--------------------	-----

КОЛОНКА РЕДАКТОРА NOTES FROM EDITOR

Введение

Филлипова Е.В.,

*кандидат психологических наук, заведующая кафедрой детской и семейной психотерапии,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
e.v.filippova@mail.ru*

Детско-родительские и семейные отношения притягивают к себе внимание исследователей на протяжении многих десятилетий, но волнуют они не только ученых, а почти каждого человека — родителей, прародителей, тех, кто только собирается стать родителем. Развитие детской и возрастной психологии, психологической практики характеризуется все более отчетливым осознанием роли семьи и родителей не только в психическом развитии ребенка, но и в жизни взрослого человека на всем ее протяжении, пониманием того, что базисные основы отношения к себе и к миру закладываются в семье. Тем более актуальными эти исследования становятся в настоящее время, в период фундаментальных трансформаций семейной системы.

За рубежом количество публикаций по проблемам семьи и детско-родительских отношений огромно, и это понятно, поскольку исследования по этой теме берут начало еще с работы З. Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика» (1909). Тема эта вплоть до 50-х годов прошлого века разрабатывалась преимущественно психоаналитиками. Именно они внесли наибольший вклад в изучение отношений ребенка с родителями. Новый импульс исследования отношений родителей и детей получили благодаря появлению семейной психотерапии. В настоящее время эта область исследований представлена широчайшим спектром направлений и жанров. В нашей стране интерес к детско-родительским и семейным отношениям начал набирать силу в 80-х годах прошлого века, в русле развития консультативной практики и семейной психологии. Именно психологическая практика и запрос общества на психологическую помощь родителям и семье инициировали проведение исследований в этой области. Безусловно, фундамент исследований отношений детей и родителей был заложен классиками отечественной психологии в русле культурно-исторической традиции, они изучали общие закономерности и законы развития отношений «ребенок—взрослый, но это был обобщенный, общественный взрослый, а не мама и папа. Сейчас дефицит отечественных конкретных исследований отношений ребенка с близкими взрослыми успешно преодолевается, но зарубежные современные исследования детско-родительских отношений, несомненно, представляют чрезвычайно интересный и определяют тренды в этой сфере.

Одним из наиболее популярных направлений исследований детско-родительских отношений являются исследования стилей родительского воспитания. В 70-х годах прошлого столетия эти исследования были

чрезвычайно востребованны. В последние годы интерес к стилям родительского воспитания вспыхнул с новой силой. Вызван он, по-видимому, двумя причинами. Прежде всего, это озабоченность родителей профессиональным будущим своих детей. Другой причиной может являться новая тенденция в отношениях подростков с родителями, которая четко обозначилась в последние годы. Эти причины сопряжены и во многом обуславливают появление особого стиля родительского поведения, которое часто продолжается и за границами школы и университета.

Анализу современных тенденций в воспитательных родительских стратегиях, их причин и последствий, посвящена статья Е.Ю. Чеботаревой, которая открывает номер. В центре ее — обзор исследований сверхвключенного родительства, так называемого «вертолетного родительства». Рассмотрены связи этого стиля родительского поведения с психосоматическим благополучием и академическими успехами подростка. Осуществленный автором анализ кросс-культурных исследований стилей родительства позволяет на фоне культурных различий выделить универсальную, оптимальную модель родительского стиля воспитания. Отмечается, что, несмотря на многочисленные прикладные исследования, отсутствует понимание более глубоких психологических механизмов, лежащих в основе сверхвключенного родительства, что говорит о необходимости дальнейшего изучения этого феномена.

К этому мнению присоединяется и А.А. Прохорова. В ее статье тема сверхвключенного родительства находит свое продолжение. Описываются разные варианты сверхвключенного родительства, показаны масштабы исследований этого явления, его влияние на психическое развитие детей и подростков. Сверхвключенность родителей может проявляться на любом этапе развития ребенка, но наиболее отчетливо это происходит в период старшего подростничества, ставя под угрозу возможность решения подростками задач возраста. Последствия сверхвключенного родительства неблагоприятны не только для детей, но и для самих матерей.

К проблеме материнского поведения обращена и статья Т.В. Ермоловой, Т.В. Иволиной, О.В. Дедовой, А.В. Литвинова, которая сфокусирована на исследованиях, изучающих дисфункции материнства на ранних стадиях развития ребенка и его последствия. В первую очередь авторов интересует материнская холодность. Причины материнской дисфункциональности рассмотрены на раз-

ных уровнях. Представлены результаты новейших исследований, которые обнаружили возможные глубокие биологические предпосылки материнской холодности, — это нарушения и на уровне нейронных механизмов, и на генетическом уровне. Резюмируя обзор, авторы подчеркивают, что представленные данные, касающиеся причин дисфункционального материнства и его проявлений, весьма противоречивы, поэтому многие вопросы, и в частности, вопросы эффективности существующих превентивных и коррекционных мер, остаются открытыми.

В тему дисфункционального материнства естественно вливается тема родительского стресса (РС), который является серьезным фактором риска и для самих родителей, и для детско-родительских отношений, и, наконец, для самого ребенка. Проблематика РС широко представлена в зарубежных исследованиях, в то время как в нашей стране она практически отсутствует. Статья С.С. Савеньшевой, В.О. Аникиной и Э.В. Мельдо в некоторой степени восполняет этот дефицит, рассматривая феномен родительского стресса в разных аспектах — понятие родительского стресса, его структуру, факторы, приводящие к его возникновению, а также роль социальной поддержки в совладании с РС.

Если обратиться к истории изучения детско-родительских отношений, то мы увидим, что в первых работах в этой области (а первыми были работы психоаналитиков) именно отец предстал как главная фигура для ребенка (отец как объект идентификации, отец, налагающий запрет на желания), а эдипова стадия рассматривалась как решающий период в его жизни. С развитием теории объектных отношений интерес психоаналитиков сместился на первый год жизни ребенка и на диаду «мать—ребенок», именно мать стала рассматриваться как наиболее значимая фигура в развитии ребенка.

Интерес к отцовской фигуре стал возрождаться в последние десятилетия, что нашло отражение, прежде всего, в зарубежных публикациях. Подтверждение этому мы находим в обзоре И.А. Калина, посвященном феномену отцовства, в котором рассмотрено специфическое влияние отцов на развитие детей, анализируется понятие отцовской депрессии и отцовского родительского стресса. Понятия отцовской депрессии и отцовского родительского стресса ставят новые задачи в области гендерной психологии, побуждают к исследованию причин, стоящих за этой отцовской уязвимостью.

На одном из магистральных направлений в современной зарубежной психологии находятся исследования образа тела и отношения к своему телу. Внимание к этой теме вполне понятно, поскольку образ тела и отношение к телу являются фундаментальными понятиями, непосредственно связанными с проблемами самосознания и идентичности. В отечественной психологии проблематика телесности разрабатывается в основном на теоретическом уровне, явно ощущается дефицит эмпирических исследований. Обзор исследований, связанных с образом тела и отношением к нему, представлен Е.А. Ерохиной, Е.В. Филипповой. Рассмотрены факторы (СМИ, сверстники, родители), воздействующие на отношение к своему телу, а также влияние негативного отношения к своему телу на разные стороны жизни подростка. В фокусе статьи — отношение родителей к телесному облику своих

детей как основному фактору влияния на образ тела в подростковом возрасте. Авторы обращают внимание на необходимость профилактической работы с детьми и родителями, направленной на принятие уникальности и ценности своего тела, разрушение навязываемых обществом стереотипов.

Статья Н.Н. Авдеевой, Б.Я. Хоффман обращена к актуальным направлениям исследований взаимоотношений подростков с родителями. Особое внимание обращено на новое направление исследований в области детско-родительских отношений, а именно, изучение влияния технических средств (мобильные телефоны, гаджеты) на качество взаимодействия родителей с детьми. Рассматривается также дискуссионный вопрос о роли конфликта с родителями для становления автономии в подростковом возрасте. Описаны гендерная специфика поведения родителей и влияние супружеских конфликтов на развитие подростков.

В обзоре Е.О. Смирновой, С.Ю. Смирновой, Е.Г. Шеиной речь идет об исследованиях, направленных на изучение отношения родителей к использованию цифровых технологий детьми. Авторы подчеркивают, что в настоящее время происходящие изменения значительно опережают исследования в этой сфере, и как следствие, родители ощущают явную нехватку знаний о влиянии новых технологий не только на самих детей, но и на их отношения с родителями. В статье приводятся некоторые рекомендации Американской академии педиатрии по использованию цифровых технологий детьми, которые могут оказаться полезными и для читателей журнала.

Одним из фундаментальных психологических образований, которые формируются в рамках взаимодействия матери и ребенка, является привязанность к матери. Не будет преувеличением сказать, что исследования привязанности являются мощным трендом в современной западной психологии последних десятилетий; все больше этих работ появляется и у нас в стране. Исследования привязанности охватывают все новые сферы, интерес психологов вызывает и привязанность во взрослом возрасте, прежде всего, привязанность к партнеру, которая также влияет на отношения матери и ребенка. Анализу новых тенденций в изучении привязанности посвящен обзор Е.С. Диановой.

В соответствии с логикой возрастного развития и этапов развития семьи завершает тематический выпуск статья М.В. Булыгиной и С.В. Комаровой, посвященная исследованиям отношений внуков и прауродителей. История этих исследований насчитывает уже более 50 лет, в наши дни обозначился всплеск интереса к этой теме, поскольку гармоничные отношения прауродителей с внуками могут быть условием создания благоприятного психологического климата в семье, источником поддержки для внуков, особенно в кризисной для семьи ситуации. В статье рассматриваются факторы, влияющие на характер отношений прауродителей и внуков, своеобразие этих отношений в семьях разного типа.

Спектр направлений и тем современных психологических исследований в области семейных и детско-родительских отношений необычайно широк, выпуск журнала, конечно, не может их охватить, но наиболее интересные, новые и перспективные, с нашей точки зрения, мы постарались в нем представить.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Межкультурные особенности связей чрезмерного родительства с психологическим благополучием современных старших подростков

Чеботарева Е.Ю.,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры детской и семейной психотерапии
факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, доцент департамента психологии,
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
chebotareva@yandex.ru*

Представлен обзор исследований стиля родительского поведения, получившего в западной научной литературе название «helicopter parenting», отличающегося чрезмерной родительской заботой о подростке, начинающем самостоятельную жизнь. Обобщаются данные о связи этого стиля с психологическим благополучием и академическими успехами подростка. Показано, что при общей дисфункциональности данного стиля, его отдельные аспекты могут быть положительно связаны с психологическим благополучием подростка. Обзор кросс-культурных исследований показывает, что существует универсальная модель поведения родителей, которая обеспечивает подростку ощущение надежной привязанности в любой культуре, а также имеются существенные культурные различия. В тех случаях, когда дисфункциональные (с точки зрения западной культуры) характеристики родительского поведения соотносятся с культурными нормами, они не имеют такого негативного воздействия на психологическое благополучие подростка, как в западной культуре.

Ключевые слова: старший подростковый возраст, стратегии родительского поведения, родительство, сепарация от родительской семьи, индивидуация, кросс-культурные исследования родительства, helicopter parenting, родительский контроль, родительская поддержка.

Для цитаты:

Чеботарева Е.Ю. Межкультурные особенности связей чрезмерного родительства с психологическим благополучием современных старших подростков [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 7—15. doi:10.17759/jmfp.2019080401

For citation:

Chebotareva E.Yu. Cross-cultural peculiarities of interrelations between overparenting and psychological well-being of present time senior [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 7—15. doi: 10.17759/jmfp.2019080401 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Демографические и социально-экономические процессы последних десятилетий привели к изменению границ возрастных периодов. В частности, растущая продолжительность жизни, изменения качества жизни и условий труда привели к продлению периода социально и профессионально активной жизни; вместе с тем усложняющиеся технологии во всех областях жизни приводят к необходимости продления периода обучения, времени перехода к самостоятельной взрослой жизни [39]. Как указывает Sawyer, в современном мире молодые люди позже заканчивают учиться, создают семьи и рожают детей. Когда закон признает их взрослыми, полную ответственность за свою жизнь они нести еще не готовы [39].

Такие изменения процесса психологического развития не могли не повлечь за собой изменения в семейных отношениях, которые являются важным фактором становления личности ребенка и его психологического благополучия. Именно поздний подрост-

ковый возраст отличается радикальной перестройкой детско-родительских отношений, которая оказывает мощное влияние на процесс индивидуации, в ходе которого формируется целостное чувство собственной идентичности. Соответственно, важно исследовать, как меняются детско-родительские отношения старших подростков в современном мире.

Понятие и структура чрезмерной родительской заботы («Helicopter parenting»)

Ряд зарубежных исследователей считают важным изучать «средний подростковый возраст», к которому относят возраст 15—16 лет, когда в большинстве стран подростки еще учатся в старших классах школы, все еще находятся под довольно сильным контролем родителей, однако обычно детско-родительские отношения претерпевают изменения в сторону увеличения

автономии и независимости подростков, усиления влияния сверстников. С одной стороны, эта перестройка необходима для становления идентичности и личностной зрелости подростка, с другой стороны, она сопровождается ростом конфликтов между подростками и их родителями. В свою очередь, высокая конфликтность детско-родительских отношений в подростковом возрасте связана с рядом показателей психологического неблагополучия подростков [30].

В последние десятилетия отмечается новая тенденция в детско-родительских отношениях подростков и их родителей: конфликтность и борьба подростков с родителями за независимость сменяются очень близкими и эмоционально теплыми отношениями, сопровождающимися большой эмоциональной и поведенческой зависимостью подростков от родителей, которая отмечается на протяжении всего студенческого периода, а нередко продолжается и с началом профессиональной деятельности молодых взрослых людей. Такая стратегия поведения родителей в научной литературе получила обозначение как *чрезмерное родительство*, но чаще используется метафора «*helicopter parenting*» (буквально «вертолетное родительство» или «родители-вертолеты»). В общем, это понятие обозначает стиль родительского поведения, при котором родитель уделяет чрезвычайно пристальное внимание жизни и проблемам ребенка, особенно когда ребенок уезжает из дома в колледж, либо, поступив в колледж (университет и пр.), пытается вести более самостоятельный образ жизни, заводит новых друзей, новые увлечения и пр. Метафора вертолетов показывает, что родители, как вертолеты, «парят над головой», постоянно наблюдая за каждым аспектом жизни своего ребенка.

В научном обиходе этот термин появился в 1990-е, благодаря книге Ф. Клайн и Дж. Фэй «*Parenting with Love and Logic: Teaching Children Responsibility*», где обсуждалась проблема самостоятельности старших подростков. Начиная с 2009 г., в Scopus размещено 75 публикаций, представляющих исследование этого явления; в Web of Science — 62 публикации. Для обозначения явления чрезмерной родительской заботы также используют понятия «чрезмерное родительство» (*overparenting*) [12; 19], «интенсивное родительство» (*intensive parenting*) [15], «интенсивная поддержка» (*intensive support*) [14] и «навязчивое родительское участие» (*intrusive parental involvement*) [12]. К.-А. Квон с соавторами считают, что чрезмерное родительство близко к понятию родительского контроля, оба понятия описывают директивный стиль родительства, но первое предполагает более благожелательное отношение к ребенку, заботу о его психологическом благополучии, в то время как родительский контроль больше связывают с манипулированием чувствами ребенка [17].

Автор теории поколений Нил Хоу (Neil Howe) в 2008 г., обсуждая стратегии адаптации миллениалов к студенческой жизни, рассматривал чрезмерное родительство как позитивное явление, отличающее родителей детей поколения Y (миллениалов) от родителей

детей поколения X. Последних он описывает как «*родителей-невидимок*» из-за их склонности разрешать проблемы, «наносить удары без предупреждения». Родители же поколения Y постоянно участвуют в жизни детей. Н. Хоу говорит, что такие родители иногда бывают полезны, иногда раздражают, но всегда «парят над своими детьми и шумят». Эмоционально они гораздо ближе со своими детьми, чем родители детей поколения X.

Л. Падиля Уокер и Л. Нельсон утверждают, что чрезмерное родительство не является совершенно новым измерением родительского поведения. Оно представляет собой стиль, сочетающий высокий уровень *теплоты в отношениях, поддержки, контроля и низкий уровень автономии*. Авторы выяснили, что этот стиль родительского поведения прямо связан с эмоциональной вовлеченностью родителей в отношения с детьми и благоприятно влияет на другие аспекты детско-родительских отношений, в частности такие, как руководство, эмоциональная поддержка, но обратно связан с предоставлением родителями автономии ребенку [24].

Многие исследования показывают, что чрезмерный родительский контроль связан с внутренними психологическими проблемами подростка, а также с поведенческими проблемами, с детско-родительскими конфликтами, трудностями в адаптации подростков, снижает его самоуважение, способность к самоконтролю, к овладению конструктивными стратегиями совладающего поведения [26].

В *родительской поддержке* выделяются как положительные, так и отрицательные аспекты. К положительным относится то поведение, которое позволяет подростку чувствовать себя комфортно, принятым и одобряемым; к отрицательным — враждебность, пренебрежение и неприятие.

В дополнение к контролю и поддержке было выделено еще одно измерение родительского поведения, имеющее негативные последствия для психического здоровья ребенка: *тревожное родительство*, частично вызванное *сепарационной тревогой* (*separation anxiety*) родителей [3]. Такое родительское поведение негативно влияет на уровень тревожности подростков, их склонность к риску [42].

В общем, чаще всего чрезмерное родительство рассматривается как неконструктивная стратегия с точки зрения развития ребенка, особенно в подростковом и юношеском возрасте [12]. В многочисленных исследованиях, проведенных в США и в ряде европейских стран, доказано, что такая стратегия создает трудности в становлении идентичности подростка, тем самым оказывая негативное воздействие на психологическое благополучие детей [10; 2]; снижает ощущение самоэффективности студентов и тем самым их успеваемость [6], формирует преимущественно внешнюю учебную мотивацию, также не способствующую высоким академическим успехам [38]; в общем препятствует тому, чтобы дети учились принимать решения самостоятельно [9; 21; 23].

Однако некоторые исследования выявили нейтральное или даже позитивное воздействие чрезмерного роди-

тельства. В частности, большая вовлеченность родителей в жизнь их детей в юношеском возрасте связана с большей удовлетворенностью детей своей студенческой жизнью, лучшей адаптацией к обучению [3; 9]; с большей общей удовлетворенностью жизнью взрослых детей, но обратно — с удовлетворенностью жизнью родителей [14].

Отчасти, эти противоречия объясняются как раз тем, что в разных исследованиях измеряются разные аспекты чрезмерного родительства, описанные выше.

Также, в связи с необходимостью более точной оценки влияния разных аспектов детско-родительских отношений на благополучие подростка, исследователи выделяют и разные **аспекты психологического отделения (сепарации)** подростков от родителей. В частности, Дж. Хоффман (1984) выделяет 4 *аспекта (компонента) сепарации*: конфликтологический, аттитудный (когнитивный), эмоциональный и функциональный (поведенческий).

Также Дж. Хоффман подчеркивает важность учета *особенностей сепарации от отца и от матери*. До сих пор большинство исследований либо рассматривают только родительские стратегии матери, либо анализируют общие данные об отношениях подростка с обоими родителями вместе [например: 36]. Роль отца изучается гораздо реже. Те немногие исследования, которые рассматривали дифференцированно отношения подростков с отцами и матерями, представляют противоречивые результаты [29]. В некоторых исследованиях выявлено одинаковое влияние родительского поведения отцов и матерей на благополучие подростка [25; 35], в других обнаружены различия. Так, в некоторых исследованиях показано, что подростки оценивают свои отношения с матерями как более близкие, а отцов в большей степени воспринимают как авторитетную фигуру. В других — что со стороны матери как поддержка, так и контроль проявляются в большей степени во взаимоотношениях с подростком, чем те же стратегии со стороны отца [5].

С. Гаваззи с соавторами (1999) выделили три *аспекта индивидуации* подростка: финансовый, функциональный и психологический. В этой модели финансовая зависимость связана с потребностью в финансовой поддержке от родителей, функциональная зависимость — с потребностью в повседневной заботе и общении, психологическая зависимость понимается как степень лояльности и обязательств по отношению к родителям, а также степень эмоциональной зависимости от родителей. Современные эмпирические данные подчеркивают актуальность таких различий, демонстрируя, что некоторые аспекты индивидуации дифференцируются по своему влиянию на развитие и благополучие подростков [22].

Согласно теории индивидуации, успешная индивидуация от родителей происходит тогда, когда родители поощряют независимость, соответствующую возрасту, продолжая при этом обеспечивать адекватные социальной ситуации любовь, поддержку и сочувствие [8]. Фактически, эмпирические данные указывают на то, что низкий уровень поведенческого контроля и высокий уровень предоставления автономии со стороны

родителей при постоянном высоком уровне родительской отзывчивости способствуют развитию индивидуации [1]. Предполагается, что в странах с разными социально-экономическими условиями и, соответственно, разными возможностями для самостоятельной жизни молодежи, родительская поддержка в разных аспектах будет по-разному сказываться на психологическом благополучии подростков и молодых взрослых. Но эмпирические исследования в этом вопросе также дают противоречивые результаты [27].

Межкультурные особенности проявлений чрезмерного родительства

Основная масса исследований чрезмерного родительства фокусировались на подростках в западных индустриальных странах, аналогичные результаты были получены в немногочисленных исследованиях в Мексике [20; 32].

Исследователи в области кросс-культурной психологии ставят под сомнение универсальность выявленных закономерностей, особенно то, что чрезмерное родительство в восточных культурах имеет такое же негативное воздействие на психологическое благополучие подростка. Существенные различия в социально-экономических, политических, религиозных, этнических, культурных условиях и в культурных ценностях позволяют предположить, что в разных культурах различаются и родительские стратегии, а следовательно, и влияние этих стратегий на психическое состояние подростков.

В кросс-культурных исследованиях семейных отношений часто опираются на измерения культур, предложенные Г. Хофстеде и его коллегами (2001). В теории Хофстеде выделяется шесть измерений, по которым культуры различаются между собой: индивидуализм/коллективизм, мужественность/женственность, дистанция власти, избегание неопределенности, временная ориентация, индугенция. В общем, европейские/западные культуры в большей степени ориентированы на индивидуалистические цели, ценят автономию и независимость, а восточные культуры более ориентированы на коллективизм, придают большее значение социальным связям, следованию групповым нормам и ожиданиям. Поведение отдельного человека в коллективистской культуре руководствуется в большей степени взаимными обязательствами, подчинению авторитетным фигурам и общим целям, для психического благополучия молодых людей важно поддержание гармоничных отношений с социальным окружением. Эти измерения культур, в первую очередь индивидуализм—коллективизм, широко используются для объяснения культурных различий в процессе социализации молодежи и детско-родительских взаимоотношений.

Некоторые исследования доказывают универсальность описанных выше механизмов функционирования семьи и индивидуального развития. Например, в межкультурном исследовании Д. Олсен с соавторами (2002)

показано, что родительский психологический контроль усиливает внутренние и внешние проблемы ребенка, а поведенческий контроль в сочетании с поддержанием автономии ребенка оказывает позитивное воздействие на академические успехи и эмоциональное благополучие ребенка во всех культурах. Другие исследователи утверждают, что родительство, степень родительской вовлеченности, применяемые родителями практики социализации оказывают разное воздействие на детей и их успехи в разных этнических группах в связи с разными культурными ценностями и социальными нормами и установками на воспитание [40]. С другой стороны, в ряде кросс-культурных исследований была доказана негативная роль родительской требовательности в благополучии подростков в индивидуалистских и развивающихся коллективистских культурах [42].

Большая часть межкультурных исследований родительства посвящена выявлению особенностей азиатских семей. Распространено мнение, что отличительной особенностью азиатских родителей является высокий уровень родительского контроля и вовлеченности, особенно в сферу образования детей, по сравнению с родителями из Западных стран. Под влиянием ценностей коллективизма и взаимозависимости азиатские и азиатско-американские родители часто воспринимают своих детей как продолжение самих себя, а успехи своих детей — скорее, как гордость семьи, чем как индивидуальные достижения [16]. Они предпочитают использовать критику, требуют подчинения власти (например, традиция почитания родителей — «filial piety»), напоминают своим детям о том, чем они ради них пожертвовали, оказывают давление, сравнивая достижения других с достижениями своих детей. Кроме того, азиатские семьи отличаются тем, что придают большое значение образованию и образу жизни, ориентированному на обучение. Многие азиатские родители убеждены, что дети могут достичь большего с помощью родительской поддержки, руководства и включенности родителей в процесс обучения [33]. Опыт интенсивного родительства [15] или интенсивной поддержки [14] отмечается в жизни многих азиатских студентов и продолжается и в более старшем возрасте.

Дети из азиатских культур могут интерпретировать чрезмерное родительство просто как продолжение традиционных родительских практик, в рамках которых они были воспитаны [34]. В Западных странах, ориентированных на индивидуализм, автономию и независимость, родители чаще поддерживают своих детей через взаимодействие с учебным заведением, предоставление ресурсов, участие в волонтерских проектах. Поэтому, когда западные родители проявляют чрезмерную вовлеченность в жизнь детей и в принятие ими решений, дети в этих культурах могут интерпретировать это как навязчивость, и это может иметь негативный эффект на успехи ребенка [41]. Так, исследование, проведенное на корейских студентах американских колледжей, показало, что чрезмерная родительская забота может и не иметь таких негативных последствий и даже может быть позитивно связана с успехами в обучении [18].

Однако, наряду с культурными различиями, также были выявлены и некоторые общие закономерности. Например, исследование в Китае дало результаты, схожие с полученными в Американских колледжах [13], т. е. показало, что чрезмерное родительство оказывает негативное воздействие на самооффективность студентов [19].

Проведенное Э. Юнг с соавторами сравнительное исследование американских и корейских студентов с учетом поведения матерей и отцов показало, что для корейских студентов только отцовская чрезмерная вовлеченность статистически значимо связана с более низкой успеваемостью. Чрезмерное родительство матерей связано с успеваемостью прямо, но не достигает уровня значимости. Для американских студентов в этом исследовании не было обнаружено значимых связей успеваемости с чрезмерной вовлеченностью ни отцов, ни матерей [34]. А в других исследованиях западных студентов, описанных выше, напротив, большее влияние на психологическое благополучие студентов оказывает материнский стиль родительского поведения.

Де Лос Рейес с соавторами изучали культурную специфику родительского поведения отцов и матерей подростков из 8 стран, культура которых существенно различается по ряду параметров (Аргентина, Германия, Греция, Пакистан, Перу, Польша и Турция), а также связь этого поведения с показателями психологического благополучия. Среди измерений родительского поведения рассматривались: поддержка, психологический контроль и тревожный стиль воспитания. Было выявлено, что тревожный стиль родительства сильнее всего выражен в Пакистане, далее — в Турции и Греции, наименее выражен — в Германии. Стиль родительства по-разному воспринимается детьми в разных культурах. Так, тревожные родители в Перу и Аргентине воспринимаются их детьми как более поддерживающие, чем в других странах. Психологический контроль наиболее высокий в Пакистане и Германии, самый низкий — во Франции. Психологический контроль со стороны обоих родителей — единственный из изучаемых показателей родительского поведения, устойчиво связанный с показателями психологического неблагополучия во всех странах. Хотя во всех этих странах подростки считают, что матери их контролируют в большей степени, чем отцы [7].

В сравнительном исследовании в Греции, Норвегии, Польше и Швейцарии показано, что между рассматриваемыми европейскими странами больше сходств, чем различий в этом вопросе. Предоставление подростку автономии и отзывчивость родителей прямо связаны с психологическим благополучием ребенка в старшем подростковом возрасте во всех этих странах, требовательность родителей к подростку не обнаружила значимых связей с благополучием подростка. Также обнаружено, что стили родительского поведения отцов и матерей играют разную роль в благополучии подростка. В Греции и Норвегии отзывчивость отцов в значительной степени и положительно связана с успехами подростков, а в Польше и Швейцарии связь между отзывчивостью отцов и благополучием подростков тоже положительная, но не достигает

уровня значимости. В Греции и Норвегии предоставление отцом автономии и его отзывчивость одинаково важны для благополучия подростков, тогда как в Польше и Швейцарии влияние предоставления отцом автономии было более сильным, чем влияние отзывчивости отца [27].

Исследование, проведенное в 8 Арабских странах [28], показало, что подростки, воспитывавшиеся в непоследовательном стиле, ощущают меньшую эмоциональную связь с родителями и имеют больше симптомов психологического неблагополучия, чем те, кто воспитывался родителями, придерживавшимися контролирующего либо гибкого стиля. Авторитарный стиль воспитания в арабских семьях связан с более высоким уровнем эмоциональной связи с семьей и лучшим психологическим благополучием подростков. Авторы исследования делают вывод, что в авторитарной культуре авторитарное воспитание не наносит вреда психологическому благополучию подростков, в отличие от западных либеральных обществ. Аналогичных исследований на африканском континенте в международных научных базах данных обнаружить не удалось. Имеются исследования, характеризующие общий стиль поведения африканских родителей, в частности, М.Ф. Петерс утверждает, что афроамериканские родители используют высокий уровень контроля и требуют от детей больше послушания и уважения [31].

Внимание к межкультурным аспектам данной проблемы привело к развитию еще одного направления — исследованию роли процессов *аккультурации* в детско-родительских отношениях и в их последствиях, т. е. исследуется то, как меняются детско-родительские отношения в процессе аккультурации, как сказываются разные родительские стратегии на поведении и благополучии подростка в зависимости от успешности его адаптации к новой культуре, какие отдаленные эффекты оказывают на успехи и благополучие детей. Отмечается, что латиноамериканские, азиатские и африканские родители-иммигранты в большей степени обеспокоены проблемами воспитания и взросления своих детей. Азиаты более склонны избегать более близких связей со своим инокультурным окружением; афроамериканцы чаще предвосхищают отвержение со стороны окружения. В частности обнаружено, что родители азиатского происхождения, иммигрировав в США, могут изменить свои паттерны родительского поведения, пытаясь адаптироваться к новому окружению, к ценностям принимающей культуры [4]. Родители-иммигранты, особенно в случае успешной адаптации, могут интегрировать в своем родительском поведении успешные стратегии из обеих культур, которые могут, в свою очередь, быть связаны с лучшей психологической адаптацией детей [16]. То есть родительские стратегии и их последствия могут зависеть и от других переменных (например, от уровня аккультурации, социального контекста).

Другие кросс-культурные исследования, проведенные в Австралии [24], Израиле [37], Финляндии [11], также выявили как общие механизмы влияния чрезмерной родительской заботы на благополучие подростков, так и определенную культурную специфику.

Однако выявленные культурные различия далеко не всегда объясняются измерениями культур, по Хофстеду, все еще требуется более тщательное изучение культурных факторов, определяющих детско-родительские отношения и их последствия.

Обсуждение и заключение

Представленный обзор исследований показывает, что по всему миру происходит трансформация детско-родительских отношений на этапе выхода подростка в самостоятельную жизнь. Ведущим стилем родительского поведения на этом этапе становится чрезмерное родительство (так называемое «helicopter parenting»). Эта стратегия сочетает в себе большую эмоциональную теплоту в детско-родительских отношениях, сильную эмоциональную вовлеченность родителей в отношения с детьми, сильный родительский контроль над всеми сферами жизни подростка (с особым вниманием к образованию и началу профессиональной карьеры), сильную поддержку (в ее позитивных и негативных проявлениях), высокую тревожность родителей и низкий уровень автономии ребенка.

В целом, чрезмерное родительство признается неконструктивной стратегией воспитания старших подростков, приводящей к снижению общего уровня благополучия подростков. В частности, это приводит к снижению самостоятельности у подростка, его самоуважения, способности к самоконтролю, совладания с трудными жизненными ситуациями, повышает риск эмоциональных расстройств. Особое внимание ученых привлекает связь чрезмерного родительства с академическими успехами студентов. Выявлено, что, с одной стороны, оно связано с более низкой успеваемостью детей, но сильная эмоциональная вовлеченность родителей способствует лучшей адаптации их детей к студенческой жизни и более высокой общей удовлетворенности жизнью.

Разные аспекты родительского поведения, составляющие описываемый стиль, по-разному связаны с психологическим благополучием подростка. В общем, для успешного развития современных подростков на этапе выхода в самостоятельную жизнь оптимально сочетание низкого уровня поведенческого контроля с предоставлением большой автономии со стороны родителей, при постоянном высоком уровне родительской отзывчивости.

В современных исследованиях признается необходимость дифференцированного учета отцовского и материнского стилей поведения во взаимоотношениях с подростком. Но имеющиеся на данный момент в литературе данные довольно разрозненны и противоречивы. Одни исследования доказывают отсутствие различий во влиянии родительских стилей отца и матери на благополучие старшего подростка, другие утверждают, что матери гораздо сильнее вовлечены в жизнь своих взрослых детей, чем отцы, третьи — что оба родителя вовлечены одинаково сильно, но решающим оказывается именно стиль поведения матери.

Общий обзор кросс-культурных исследований детско-родительских отношений современных старших подростков приводит к выводам о том, что существует универсальная модель поведения родителей, которая обеспечивает подростку ощущение надежной привязанности в любой культуре. Однако имеются и существенные культурные различия, обусловленные различием в культурных установках, ценностях традициях. В тех случаях, когда дисфункциональные (с точки зрения западной культуры) характеристики родительского поведения соотносятся с культурными нормами, они не имеют такого негативного воздействия на психологическое благополучие подростка, как в западной культуре.

Иммиграционные и аккультурационные процессы накладывают свой отпечаток на детско-родительские отношения старших подростков. Родители-иммигранты еще более, чем большинство других родителей, испытывают тревогу во время начала самостоятельной жизни их детей, стремятся их еще больше опекать и контролировать. Но при этом могут как усиливаться их традици-

онные модели родительского воспитания, так могут и заимствоваться паттерны принимающей культуры, также могут интегрироваться успешные родительские стратегии из обеих культур. Соответственно, важно в исследованиях этой проблемы учитывать социальный контекст жизни семьи.

Представленный обзор исследований чрезмерного родительства показывает, что, несмотря на многочисленные прикладные исследования данного явления, до сих пор нет понимания более глубоких психологических механизмов, лежащих в его основе, нет данных о личностных особенностях и мотивах родителей, демонстрирующих тот или иной стиль родительского поведения, характеристик семейной системы, что говорит о необходимости дальнейших исследований. Межкультурные исследования в данной области позволяют выявить как глубинные, инвариантные закономерности становления и развития того или иного стиля родительства, его влияния на психологическое благополучие подростка и его дальнейшую жизнь, так и факторы, определяющие его специфику в разных культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Autonomy and relatedness in adolescence and emerging adulthood: relationships with parental support and psychological distress / C. Inguglia [et al.] // *Journal of Adult Development*. 2015. Vol. 22. № 1. P. 1—13. doi:10.1007/s10804-014-9196-8
2. Back off?! Helicopter parenting and a retreat from marriage among emerging adults / B.J. Willoughby [et al.] // *Journal of Family Issues*. 2015. Vol. 36. № 5. P. 669—692. doi:10.1177/0192513X13495854
3. *Bradley-Geist J.C., Olson-Buchanan J.B.* Helicopter parents: an examination of the correlates of over-parenting of college students // *Education and Training*. 2014. Vol. 56. № 4. P. 314—328. doi:10.1108/ET-10-2012-0096
4. *Cheah S.L., Leung C.Y.Y., Zhou N.* Understanding “Tiger Parenting” through the perceptions of Chinese immigrant mothers: Can Chinese and U. S. parenting coexist? // *Asian American Journal of Psychology*. 2013. Vol. 4. № 1. P. 30—40. doi:10.1037/a0031217
5. Coming closer in adolescence: Convergence in mother, father, and adolescent reports of parenting / S. Mastrotheodoros [et al.] // *Journal of Research on Adolescence*. 2019. Vol. 29. № 4. P. 846—862. doi:10.1111/jora.12417
6. *Darlow V., Norvilitis J.M., Schuetze P.* The relationship between helicopter parenting and adjustment to college // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26. № 8. P. 2291—2298. doi:10.1007/s10826-017-0751-3
7. *De Los Reyes A., Ohannessian C.M., Laird R.D.* Developmental Changes in Discrepancies Between Adolescents’ and Their Mothers’ Views of Family Communication // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. Vol. 25. № 3. P. 790—797. doi:10.1007/s10826-015-0275-7
8. Does parental autonomy support relate to adolescent autonomy? An in-depth examination of a seemingly simple question / K. Fousiani [et al.] // *Journal of Adolescent Research*. 2014. Vol. 29. № 3. P. 299—330. doi:10.1177/0743558413502536
9. *Earle A.M., LaBrie J.W.* The upside of helicopter parenting: Engaging parents to reduce first-year student drinking // *Journal of Student Affairs Research and Practice*. 2016. Vol. 53. № 3. P. 319—330. doi:10.1080/19496591.2016.1165108
10. Helicopter parenting and emerging adult self-efficacy: Implications for mental and physical health / K. Reed [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. Vol. 25. № 10. P. 3136—3149. doi:10.1007/s10826-016-0466-x
11. Helicopter Parenting and Young Adults’ Well-Being: A Comparison Between United States and Finland / M. Cui [et al.] // *Cross-Cultural Research*. 2018. Vol. 53. № 4. P. 410—427. doi:10.1177/1069397118802253
12. Helicopter parenting, autonomy support, and college students’ mental health and well-being: The moderating role of sex and ethnicity / C.D. Kouros [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26. № 3. P. 939—949. doi:10.1007/s10826-016-0614-3
13. Helicopter parenting: The effect of an overbearing caregiving style on peer attachment and self-efficacy / D.J. Van Ingen [et al.] // *Journal of College Counseling*. 2015. Vol. 18. № 1. P. 7—20. doi:10.1002/j.2161-1882.2015.00065.x
14. Helicopter parents and landing pad kids: Intense parental support of grown children / K.L. Fingerman [et al.] // *Journal of Marriage and Family*. 2012. Vol. 74. № 4. P. 880—896. doi:10.1111/j.1741-3737.2012.00987.x
15. Intensive parenting: Does it have the desired impact on child outcomes? / H.H. Schiffrin [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2015. Vol. 24. № 8. P. 2322—2331. doi:10.1007/s10826-014-0035-0
16. *Kim E., Hong S.* First generation Korean American parents’ perceptions of discipline // *Journal of Professional Nursing*. 2007. Vol. 23. № 1. P. 60—68. doi:10.1016/j.profnurs.2006.12.002

17. Kwon K.A., Yoo G., Bingham G.E. Helicopter parenting in emerging adulthood: Support or barrier for Korean college students' psychological adjustment? // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. Vol. 25. № 1. P. 136—145. doi:10.1007/s10826-015-0195-6
18. Kwon K.-A., Yoo G., De Gagne J.C. Does culture matter? A qualitative inquiry of helicopter parenting in Korean American college students // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26. № 7. P. 1979—1990. doi:10.1007/s10826-017-0694-8
19. Leung J.T.Y., Shek D.T.L. Validation of the perceived Chinese overparenting scale in emerging adults in Hong Kong // *Journal of Child and Family Studies*. 2018. Vol. 27. № 1. P. 103—117. doi:10.1007/s10826-017-0880-8
20. Longitudinal relations among parenting styles, prosocial behaviors, and academic outcomes in U.S. Mexican adolescents / G. Carlo [et al.] // *Child Development*. 2018. Vol. 89. № 2. P. 577—592. doi:10.1111/cdev.12761
21. Mailhot B.A.E., Feeney S. Perceived parental involvement and academic achievement of college students: The mediating role of academic self-concept // *North American Journal of Psychology*. 2017. Vol. 19. № 3. P. 685—708
22. Mendonça M., Fontaine A.M. Late nest leaving in Portugal: its effects on individuation and parent-child relationships // *Emerging Adulthood*. 2013. Vol. 1. № 3. P. 232—244. doi:10.1177/2167696813481773
23. Overparenting is associated with child problems and a critical family environment / C. Segrin [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2015. Vol. 24. № 2. P. 470—479. doi:10.1007/s10826-013-9858-3
24. Padilla-Walker L.M., Nelson L.J. Black hawk down? Establishing helicopter parenting as a distinct construct from other forms of parental control during emerging adulthood // *Journal of Adolescence*. 2012. Vol. 35. № 5. P. 1177—1190. doi:10.1016/j.adolescence.2012.03.007
25. Parent child relationships, parental psychological control, and aggression: Maternal and paternal relationships / K.W. Murray [et al.] // *Journal of Adolescence*. 2014. Vol. 43. № 8. P. 1361—1373. doi:10.1007/s10964-013-0019-1
26. Parent relationship quality buffers against the effect of peer stressors on depressive symptoms from middle childhood to adolescence / N. Hazel [et al.] // *Developmental Psychology*. 2014. Vol. 50. № 8. P. 2115—2123. doi:10.1037/a0037192
27. Parenting and late adolescents' well-being in Greece, Norway, Poland and Switzerland: associations with individuation from parents / A. Filus [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2019. Vol. 28. № 2. P. 560—576.
28. Parenting Styles, Individuation, and Mental Health of Arab Adolescents: A Third Cross-Regional Research Study / M. Dwairy [et al.] // *Journal of cross-cultural psychology*. 2006. Vol. 37. № 3. P. 262—272. doi:10.1177/0022022106286924
29. Perceived mother and father acceptance—rejection predict four unique aspects of child adjustment across nine countries / D.L. Putnick [et al.] // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2015. Vol. 56. № 8. P. 923—932. doi:10.1111/jcpp.12366
30. Persike M., Seiffge-Krenke I. Stress with parents and peers: how adolescents from 18 nations cope with relationship stress // *Anxiety, Stress & Coping*. 2016. Vol. 29. № 1. P. 38—59. doi:10.1080/10615806.2015.1021249
31. Peters M.F. Parenting in Black families with young children // *Sage focus editions*. Vol. 41. Black families / Ed. H.P. McAdoo. New York: Sage Publications, 1988. P. 228—241.
32. Pinquart M. Associations of parenting dimensions and styles with externalizing problems of children and adolescents: An Updated Meta-Analysis // *Developmental Psychology*. 2017. Vol. 53. № 5. P. 873—932. doi:10.1037/dev0000295
33. Raghavan C.S., Harkness S., Super C.M. Parental ethno theories in the context of immigration: Asian Indian immigrant and Euro-American mothers and daughters in an American town // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2010. Vol. 41. № 4. P. 617—632. doi:10.1177/0022022110362629
34. Relationships among helicopter parenting, self-efficacy, and academic outcome in American and South Korean college students / E. Jung [et al.] // *Journal of Family Issues*. 2019. Vol. 40. № 18. P. 2849—2870. doi:10.1177/0192513X19865297
35. Rodrigues C.M., Tucker M. C., Palmer K. Emotion regulation in relation to emerging adults' mental health and delinquency: A multi-informant approach // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. Vol. 25. № 6. P. 1916—1925. doi:10.1007/s10826-015-0349-6
36. Rote W.M., Smetana J.G. Patterns and predictors of mother-adolescent discrepancies across family constructs // *Journal of Youth and Adolescence*. 2016. Vol. 45. № 10. P. 2064—2079. doi:10.1007/s10964-016-0515-1
37. Rousseau S., Scharf M. “I will guide you” the indirect link between overparenting and young adults' adjustment // *Psychiatry Research*. 2015. Vol. 228. № 3. P. 826—834. doi:10.1016/j.psychres.2015.05.016.
38. Schiffrin H.H., Liss M. The effects of helicopter parenting on academic motivation // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26. № 5. P. 1472—1480. doi:10.1007/s10826-017-0658-z
39. The age of adolescence / S.M. Sawyer [et al.] // *The Lancet Child & Adolescent Health*. Vol. 2. № 3. P. 223—228. doi:10.1016/S2352-4642(18)30022-1
40. The effects of positive and negative parenting practices on adolescent mental health outcomes in a multicultural sample of youth / P.R. Smokowsky [et al.] // *Child Psychiatry and Human Development*. 2015. Vol. 46. № 3. P. 333—345. doi:10.1007/s10578-014-0474-2
41. Weitkamp K. The association between parental rearing dimensions and adolescent psychopathology: a cross-cultural study // *Journal of youth and adolescence*. 2019. Vol. 48. № 3. P. 469—483. doi:10.1007/s10964-018-0928-0
42. Wicks-Nelson R., Israel A. Abnormal child and adolescent psychology. 8th ed. New York: Routledge, 2013. 576 p. doi:10.4324/9781315665184

Cross-cultural peculiarities of interrelations between overparenting and psychological well-being of present time senior

Chebotareva E. Yu.,

*candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of child and family psychotherapy,
department of psychological counseling, Moscow State University of Psychology & Education, associate professor
of the psychology department, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia,
chebotarevy@yandex.ru*

The article presents a review of studies on a specific style of parenting. This parenting style is called «helicopter parenting» in Western scientific literature and has got this name due to excessive parental care for an adolescent who begins his/ her independent life. The data on the interplay of this style with the psychological well-being and academic achievements of adolescents are summarized. It is shown that despite the general dysfunctionality of this style, it's certain aspects can be positively associated with the adolescents' well-being. A review of cross-cultural research shows that there are some universal models of parental behavior that provide an adolescent with a sense of secure attachment in any culture, as significant cultural -specific patterns. In cases when the dysfunctional (from Western culture point of view) characteristics of parenting are correlated with certain cultural norms, they do not have such a negative impact on the psychological well-being of an adolescent, as in Western culture.

Keywords: senior adolescent, parenting strategies, parenting, separation from the parental family, individuation, cross-cultural studies of parenting, helicopter parenting, parental control, parental support.

REFERENCES

1. Inguglia C. et al. Autonomy and relatedness in adolescence and emerging adulthood: relationships with parental support and psychological distress. *Journal of Adult Development*, 2015. Vol. 22, no. 1, pp. 1—13. doi:10.1007/s10804-014-9196-8
2. Willoughby B.J. et al. Back off"! Helicopter parenting and a retreat from marriage among emerging adults. *Journal of Family Issues*, 2015. Vol. 36, no. 5, pp. 669—692. doi:10.1177/0192513X13495854
3. Bradley-Geist J.C., Olson-Buchanan J.B. Helicopter parents: an examination of the correlates of over-parenting of college students. *Education and Training*, 2014. Vol. 56, no. 4, pp. 314—328. doi:10.1108/ET-10-2012-0096
4. Cheah S.L., Leung C.Y.Y., Zhou N. Understanding "Tiger Parenting" through the perceptions of Chinese immigrant mothers: Can Chinese and U. S. parenting coexist? *Asian American Journal of Psychology*, 2013. Vol. 4, no. 1, pp. 30—40. doi:10.1037/a0031217
5. Mastrotheodoros S. et al. Coming closer in adolescence: Convergence in mother, father, and adolescent reports of parenting. *Journal of Research on Adolescence*, 2019. Vol. 29, no. 4, pp. 846—862. doi:10.1111/jora.12417
6. Darlow V., Norvilitis J.M., Schuetze P. The relationship between helicopter parenting and adjustment to college. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 8, pp. 2291—2298. doi:10.1007/s10826-017-0751-3
7. De Los Reyes A., Ohannessian C.M., Laird R.D. Developmental Changes in Discrepancies Between Adolescents' and Their Mothers' Views of Family Communication. *Journal of Child and Family Studies*, 2016. Vol. 25, no. 3, pp. 790—797. doi:10.1007/s10826-015-0275-7
8. Fousiani K. et al. Does parental autonomy support relate to adolescent autonomy? An in-depth examination of a seemingly simple question. *Journal of Adolescent Research*, 2014. Vol. 29, no. 3, pp. 299—330. doi:10.1177/0743558413502536
9. Earle A.M., LaBrie J.W. The upside of helicopter parenting: Engaging parents to reduce first-year student drinking. *Journal of Student Affairs Research and Practice*, 2016. Vol. 53, no. 3, pp. 319—330. doi:10.1080/19496591.2016.1165108
10. Reed K. et al. Helicopter parenting and emerging adult self-efficacy: Implications for mental and physical health. *Journal of Child and Family Studies*, 2016. Vol. 25, no. 10, pp. 3136—3149. doi:10.1007/s10826-016-0466-x
11. Cui M. et al. Helicopter Parenting and Young Adults' Well-Being: A Comparison Between United States and Finland. *Cross-Cultural Research*, 2018. Vol. 53, no. 4, pp. 410—427. doi:10.1177/1069397118802253
12. Kouros C.D. et al. Helicopter parenting, autonomy support, and college students' mental health and well-being: The moderating role of sex and ethnicity. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 3, pp. 939—949. doi:10.1007/s10826-016-0614-3
13. Van Ingen D.J. et al. Helicopter parenting: The effect of an overbearing caregiving style on peer attachment and self-efficacy. *Journal of College Counseling*, 2015. Vol. 18, no. 1, pp. 7—20. doi:10.1002/j.2161-1882.2015.00065.x
14. Fingerman K.L. et al. Helicopter parents and landing pad kids: Intense parental support of grown children. *Journal of Marriage and Family*, 2012. Vol. 74, no. 4, pp. 880—896. doi:10.1111/j.1741-3737.2012.00987.x
15. Schiffrin H.H. et al. Intensive parenting: Does it have the desired impact on child outcomes? *Journal of Child and Family Studies*, 2015. Vol. 24, no. 8, pp. 2322—2331. doi:10.1007/s10826-014-0035-0
16. Kim E., Hong S. First generation Korean American parents' perceptions of discipline. *Journal of Professional Nursing*, 2007. Vol. 23, no. 1, pp. 60—68. doi:10.1016/j.profnurs.2006.12.002

17. Kwon K.A., Yoo G., Bingham G.E. Helicopter parenting in emerging adulthood: Support or barrier for Korean college students' psychological adjustment? *Journal of Child and Family Studies*, 2016. Vol. 25, no. 1, pp. 136—145. doi:10.1007/s10826-015-0195-6
18. Kwon K.-A., Yoo G., De Gagne J.C. Does culture matter? A qualitative inquiry of helicopter parenting in Korean American college students. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 7, pp. 1979—1990. doi:10.1007/s10826-017-0694-8
19. Leung J.T.Y., Shek D.T.L. Validation of the perceived Chinese overparenting scale in emerging adults in Hong Kong. *Journal of Child and Family Studies*, 2018. Vol. 27, no. 1, pp. 103—117. doi:10.1007/s10826-017-0880-8
20. Carlo G. et al. Longitudinal relations among parenting styles, prosocial behaviors, and academic outcomes in U.S. Mexican adolescents. *Child Development*, 2018. Vol. 89, no. 2, pp. 577—592. doi:10.1111/cdev.12761
21. Mailhot B.A.E., Feeney S. Perceived parental involvement and academic achievement of college students: The mediating role of academic self-concept. *North American Journal of Psychology*, 2017. Vol. 19, no. 3, pp. 685—708.
22. Mendonça M., Fontaine A.M. Late nest leaving in Portugal: its effects on individuation and parent-child relationships. *Emerging Adulthood*, 2013. Vol. 1, no. 3, pp. 232—244. doi:10.1177/2167696813481773
23. Segrin C. et al. Overparenting is associated with child problems and a critical family environment. *Journal of Child and Family Studies*, 2015. Vol. 24, no. 2, pp. 470—479. doi:10.1007/s10826-013-9858-3
24. Padilla-Walker L.M., Nelson L.J. Black hawk down? Establishing helicopter parenting as a distinct construct from other forms of parental control during emerging adulthood. *Journal of Adolescence*, 2012. Vol. 35, no. 5, pp. 1177—1190. doi:10.1016/j.adolescence.2012.03.007
25. Murray K.W. et al. Parent child relationships, parental psychological control, and aggression: Maternal and paternal relationships. *Journal of Adolescence*, 2014. Vol. 43, no. 8, pp. 1361—1373. doi:10.1007/s10964-013-0019-1
26. Hazel N. et al. Parent relationship quality buffers against the effect of peer stressors on depressive symptoms from middle childhood to adolescence. *Developmental Psychology*, 2014. Vol. 50, no. 8, pp. 2115—2123. doi:10.1037/a0037192
27. Filus A. et al. Parenting and late adolescents' well-being in Greece, Norway, Poland and Switzerland: associations with individuation from parents. *Journal of Child and Family Studies*, 2019. Vol. 28, no. 2, pp. 560—576.
28. Dwairy M. et al. Parenting Styles, Individuation, and Mental Health of Arab Adolescents: A Third Cross-Regional Research Study. *Journal of cross-cultural psychology*, 2006. Vol. 37, no. 3, pp. 262—272. doi:10.1177/0022022106286924
29. Putnick D.L. et al. Perceived mother and father acceptance—rejection predict four unique aspects of child adjustment across nine countries. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2015. Vol. 56, no. 8, pp. 923—932. doi:10.1111/jcpp.12366
30. Persike M., Seiffge-Krenke I. Stress with parents and peers: how adolescents from 18 nations cope with relationship stress. *Anxiety, Stress & Coping*, 2016. Vol. 29, no. 1, pp. 38—59. doi:10.1080/10615806.2015.1021249
31. Peters M.F. Parenting in Black families with young children. In McAdoo H.P. (ed.), *Sage focus editions. Vol. 41. Black families*. New York: Sage Publications, 1988, pp. 228—241.
32. Pinquart M. Associations of parenting dimensions and styles with externalizing problems of children and adolescents: An Updated Meta-Analysis. *Developmental Psychology*, 2017. Vol. 53, no. 5, pp. 873—932. doi:10.1037/dev0000295
33. Raghavan C.S., Harkness S., Super C.M. Parental ethno theories in the context of immigration: Asian Indian immigrant and Euro-American mothers and daughters in an American town. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2010. Vol. 41, no. 4, pp. 617—632. doi:10.1177/0022022110362629
34. Jung E. et al. Relationships among helicopter parenting, self-efficacy, and academic outcome in American and South Korean college students. *Journal of Family Issues*, 2019. Vol. 40, no. 18, pp. 2849—2870. doi:10.1177/0192513X19865297
35. Rodrigues C.M., Tucker M. C., Palmer K. Emotion regulation in relation to emerging adults' mental health and delinquency: A multi-informant approach. *Journal of Child and Family Studies*, 2016. Vol. 25, no. 6, pp. 1916—1925. doi:10.1007/s10826-015-0349-6
36. Rote W.M., Smetana J.G. Patterns and predictors of mother-adolescent discrepancies across family constructs. *Journal of Youth and Adolescence*, 2016. Vol. 45, no. 10, pp. 2064—2079. doi:10.1007/s10964-016-0515-1
37. Rousseau S., Scharf M. "I will guide you" the indirect link between overparenting and young adults' adjustment. *Psychiatry Research*, 2015. Vol. 228, no. 3, pp. 826—834. doi:10.1016/j.psychres.2015.05.016
38. Schiffrin H.H., Liss M. The effects of helicopter parenting on academic motivation. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 5, pp. 1472—1480. doi:10.1007/s10826-017-0658-z
39. Sawyer S.M. et al. The age of adolescence. *The Lancet Child & Adolescent Health*, 2018. Vol. 2, no. 3, pp. 223—228. doi:10.1016/S2352-4642(18)30022-1
40. Smokowsky P.R. et al. The effects of positive and negative parenting practices on adolescent mental health outcomes in a multicultural sample of youth. *Child Psychiatry and Human Development*, 2015. Vol. 46, no. 3, pp. 333—345. doi:10.1007/s10578-014-0474-2
41. Weitkamp K. The association between parental rearing dimensions and adolescent psychopathology: a cross-cultural study. *Journal of youth and adolescence*, 2019. Vol. 48, no. 3, pp. 469—483. doi:10.1007/s10964-018-0928-0
42. Wicks-Nelson R., Israel A. Abnormal child and adolescent psychology. 8th ed. New York: Routledge, 2013. 576 p. doi:10.4324/9781315665184

Зарубежные исследования сверхвключенного типа родительства («overparenting»)

Прохорова А.А.,

*магистрант кафедры детской и семейной психотерапии факультета консультативной
и клинической психотерапии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
anya.prokhorova@gmail.com*

В статье представлен обзор зарубежных исследований, посвященных популярному в последнее время сверхвключенному типу родительства («overparenting»), который очень подробно исследуется в последнее десятилетие. Показаны основные разновидности этого типа родительства, родительские убеждения, а также влияние этого типа воспитания как на психологические и социальные показатели развития ребенка, так и на его академическую успеваемость.

Ключевые слова: сверхвключенный тип родительства, тип родительства, интенсивное материнство, академическая успеваемость, стиль воспитания, перфекционизм, мотивация, развитие, социальный интеллект, эмоциональный интеллект.

Для цитаты:

Прохорова А.А. Зарубежные исследования сверхвключенного типа родительства («overparenting») [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 16—24. doi: 10.17759/jmfp.2019080402

For citation:

Prokhorova A.A. Foreign studies of overparenting style of parenthood [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 16—24. doi: 10.17759/jmfp.2019080402 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Зарубежные исследователи феномена родительской вовлеченности согласны с тем, что в течение XX века каждое последующее поколение родителей, тратят на своих детей все больше времени. Действительно, с 80-х годов XX века воспитание становится все более детоцентрированным.

В большинстве психологических исследований феномен родительской включенности в первую очередь оценивается положительно, так как благоприятно воздействует на когнитивные и психосоциальные показатели развития ребенка [44]. Психологи подчеркивают ценность поддержки детского обучения именно родителями. Особенно это касается разрешения сложных для учащихся школьных ситуаций, невозможного без участия семьи.

При этом исследователи едины во мнении о том, что отнюдь не любая родительская вовлеченность благоприятно влияет на академические успехи и психологическое состояние ребенка. Именно неблагоприятные родительские практики воспитания (родители, практикующие чрезмерную защиту, контролирующие и давящие на ребенка), которые выходят за рамки стандартных представлений о нормах родительской вовлеченности, особенно интересуют специалистов.

В современной зарубежной психологии самым широко обсуждаемым типом воспитания стал некогда стереотипный тип родительства, характерный для семей «верхушки среднего класса» второй половины XX века. Можно сказать, что такие родители занимались и занимаются «микроменеджментом» своих детей. Они планируют их жизнь до мельчайших деталей — от первых шагов до поступления в университет. Параллельно они пытаются уберечь своих детей от

опасностей реального мира, контролируя каждый их шаг.

Впервые о таком типе родительства заговорила Шэрон Хейз в 1996 году в своей книге о трансформации роли материнства «Культурные противоречия материнства» (The cultural contradictions of motherhood) [13].

Автор исследовала связь теории привязанности и материнского статуса. Она расспрашивала матерей дошкольников о том, как они относятся к роли родителя. В результате получился собирательный образ «интенсивной матери», которая выполняет роль главного родителя, отвечает за уход за ребенком, полностью отдает себя его развитию, а также считает себя ответственной за результаты этого развития.

Многие из опрошенных матерей говорили, что только методами «интенсивной вовлеченности», постоянным вниманием и интеллектуальной стимуляцией можно добиться нужных результатов в эмоциональном, социокультурном и когнитивном развитии ребенка. Ш. Хейз заметила, что для того чтобы добиться цели, такие матери ставили на первый план нужды ребенка, которого воспринимали как беспомощное существо, нуждающееся в постоянной защите и опеке. Есть исследования, которые показывают, что такие женщины забывали о себе, становились «заложниками своего статуса» и считали образ «интенсивной матери» равнозначным образу «хорошей матери» и, таким образом, стремились развить в себе нужные для этого качества [41].

Современные американские исследования подтверждают мнение Ш. Хейз и утверждают, что такой тип материнства и в целом родительства является гла-

венствующим в США на протяжении последних десятилетий.

Особую популярность эта тема получила благодаря обширным исследованиям психологов-бихевиористов, а также из-за широкого освещения в СМИ. Американская пресса полна историями о том, как родители вмешиваются в обучение детей, подтасовывая результаты экзаменов; составляют для своих подростков детей расписание на каждый день; звонят в университет с требованиями поменять оценку или пытаются договориться с будущими работодателями о размере зарплаты.

Для такого стиля воспитания у американских исследователей есть сразу несколько названий: «overparenting», «indulgent parenting», «intense/intensive mothering», «overbearing care-giving style», «helicopter parenting».

Детальное ознакомление с соответствующей литературой свидетельствует о том, что подобное количество разных терминов и определений говорит об отсутствии единой базовой концепции и стандартизированного понимания явления.

За последние годы феномен «сверхвключенности» («overparenting») неоднократно анализировался, измерялся и применялся, при этом на данный момент трудно определить состав его характеристик.

Несмотря на то, что в большинство исследований посвящено изучению этого феномена в среде американских родителей, можно говорить о его глобальности. «Overparenting» — широкий термин, имеющий аналоги в разных языках, а различия терминов обусловлены местными культурными особенностями.

В англоязычных странах для описания сверхвключенного стиля родительства чаще всего используется «helicopter parenting» (дословно — вертолетное родительство). «Вертолетное родительство» — разговорный термин, используемый для описания определенного типа родительской вовлеченности в жизнь ребенка. Подобно вертолетам, такие родители «парят» над своими детьми, в любой момент готовы броситься им на помощь и решить любую проблему, с которой может столкнуться их ребенок. Эти сверхвключенные и готовые пойти на любой риск родители стараются оградить своих детей от любых предполагаемых препятствий и, по-видимому, берут на себя огромный груз личной ответственности за заведомо запланированные ими счастье и успехи своих детей.

Существуют не менее оригинальные метафорически точные описания типов сверхвключенных родителей, встречающиеся в работах зарубежных исследователей:

- «lawnmowers parents» (родители-газонокосилки) или «bulldozer parents» (родители-бульдозеры) — такие родители пытаются оградить детей от любых неудач, буквально убирая все препятствия на пути ребенка;
- «tiger moms» (матери-тигрицы) — применяются для описания воспитания в азиатских семьях в отношении китайско-американских матерей; такие матери придерживаются авторитарного типа воспитания и

требуют от своих детей академических достижений, идеальных оценок, высоких результатов в дополнительных занятиях, например, в музыке;

- «curling parents» (родители, играющие в керлинг) — в скандинавских странах так называют родителей, которые, как в игре, мастерски манипулируют временем и пространством, расчищая для детей путь к их целям;

- «stage mother» — мать ребенка-актера (принято считать, что такая мать, вынуждая своего ребенка добиться успеха в Голливуде, реализует свои несбывшиеся мечты);

- «kyoki» — стереотипное представление о японской матери, которая все силы направляет на образование своих детей, не заботясь об их психологическом и физическом благополучии;

- «jewish mother» (еврейская мама) — тревожная, вездесущая, чрезмерная; мечтает, чтобы дети стали докторами или юристами;

- «blackhawk parents» (по названию американского вертолета «Черный ястреб») — такие родители рассматриваются как отряд специального назначения, который сделает все возможное, чтобы обеспечить благоприятный исход/выгодное положение.

Концептуализация и теоретические перспективы

Современная теория сверхвключенного типа родительства (overparenting) подкреплена результатами многочисленных исследований и основывается на теории стилей воспитания, теории семейных систем и передовых практик в воспитании детей.

Часто сверхвключенность (overparenting) является побочным эффектом запутанных семейных систем, в которых желания и цели родителей проецируются и путаются с детскими.

«Overparenting» — практика чрезмерной родительской опеки, при которой родители проявляют повышенное участие в жизни детей, применяют неподходящие и малоадаптивные для данной жизненной стадии развития ребенка тактики воспитания и не учитывают правомерную для конкретного возраста степень детской автономии [39]. В реальности «overparenting» будет проявляться в постоянных советах, директивном поведении, защите ребенка от негативных последствий, в инструментальной поддержке (материальная помощь или помощь конкретными действиями) и озабоченности счастьем ребенка.

Повышенная включенность может быть полезной и адаптивной в малых дозах, но в больших дозах может быть разрушительна для развития ребенка, отсюда и термин «overparenting» (чрезмерное родительство) [15; 36; 29].

Поэтому, несмотря на то, что сверхвключенное поведение родителей осуществляется с наилучшими намерениями, его выделяют как парадоксальное поведение, поскольку оно с большей вероятностью навредит, а не поможет ребенку.

В отличие от других, более неадекватных, мер воспитания (жестокое обращение), родители сверхвключенного типа все же преследуют благородные цели, пытаются выбрать подходящую стратегию воспитания.

В типологии родительских стилей воспитания Дианы Баумринд выделено три основных и различных между собой типа: авторитетный, авторитарный и либеральный, — самый благоприятный (для ребенка) из которых — авторитетный — обеспечивает наличие у ребенка здоровых границ и адаптивно функционирующих схем, развитие более позитивной самооценки и способности к самообучению.

Некоторые исследователи отмечают: несмотря на то, что сверхвключенный тип родительства занимает отдельное место, он похож на каждый из трех перечисленных стилей: авторитарный (жесткие ограничения и правила; отсутствие автономности; родители преследуют свои цели), авторитетный (выражение любви и поддержки; гордость за успехи детей) и либеральный (низкий уровень спроса, но чуткое реагирование на потребности ребенка (со слов родителей) [37]. Несмотря на то, что он имеет общие черты с каждым стилем воспитания по отдельности, он все равно остается уникальным феноменом [39].

Вопрос, почему именно этот популярный в прошлом веке стиль воспитания оказался очень востребованным в последнее время, занимает многих специалистов. Так, исследователь из Корнеллского Университета (США) Патрик Ишизука провел национальный опрос репрезентативной группы из 3600 родителей детей младшего школьного возраста. Опрос показал, что подобный родительской подход к воспитанию универсален, несмотря на образование, уровень заработка и расовую принадлежность [21]. Все родители выражали одинаковую поддержку интенсивного типа воспитания. Склонность к интенсивному воспитанию детей возникает отчасти из-за беспокойства родителей по поводу высокой конкуренции в плане учебы и работы (чем больше дополнительных занятий — тем больше шансов поступить в хороший колледж).

Было установлено, что этот «управляющий подход» («hands on parenting») — не просто тип родительства обеспеченных людей, а стандарт, к которому стремится большинство родителей.

Главными исследователями интенсивного родительства в США на данный момент являются американские ученые Холли Шифрин и Мириам Лисс, профессора университета Мэри Вашингтон. Вместе и независимо друг от друга на протяжении двух десятилетий они исследуют вопрос стилей родительского воспитания, особенно материнского.

За это время авторами разработан опросник для выявления общих тенденций и убеждений «вертолетного» родительства (The intensive parenting attitudes questionnaire (IPAQ), а их коллегами — еще несколько (для детей — Helicopter and autonomy supportive parenting scale (HASPS), Helicopter parenting (HP), Helicopter parenting scale (HPS), Over-parenting scale (OPS)) [23].

Как правило, во время проведения исследований «вертолетного» родительства специалисты интересовались поведением и установками обоих родителей, хотя некоторые фокусировались только на матерях. Также и некоторые дети, отвечая на вопросы о родителях, описывали, в первую очередь, поведение матерей [19].

Однако современные специалисты в этой области выбирают гендерный подход и исследуют родителей по отдельности [18; 23]. Результаты некоторых исследований говорят о том, что матери более склонны к «вертолетному» воспитанию, тогда как отцы предпочитают «появляться» для решения более серьезных проблем [38]. Также было выявлено, что именно материнская чрезмерная включенность может привести в последствии к возникновению у детей социальной дезадаптации (чувства отчуждения от сверстников) и низкой уверенности в своих силах [16].

Так, в 2012 году, когда Шифрин и Лисс проводили исследование, измеряющее отношение матерей к «интенсивному» материнству, они использовали разработанную ими методику IPAQ (The intensive parenting attitudes questionnaire). Она состоит из 5 категорий: Эссенциализм (положение, что мать — лучший родитель); Удовлетворенность детоцентрированным подходом к воспитанию; Стимуляция ребенка; Идея о том, что дети — священны, и должны приносить радость и счастье родителям; Идея о том, что процесс воспитания — сложный и утомительный. 181 мама детей младше 5 лет заполнила онлайн опрос.

В результате исследования Шифрин и Лисс, во-первых, удалось выделить основные убеждения «интенсивной матери»: «мать — основной родитель»; «воспитание полностью ориентировано на ребенка»; «удовлетворенность от процесса воспитания ребенка»; «постоянное интеллектуальное стимулирование ребенка»; «воспитание ребенка — очень сложная работа». Во-вторых, оказалось, что все равно придерживаются таких убеждений, несмотря на то что их действия могут иметь негативные последствия для них самих [6; 35].

Результаты опросов показали, что женщины, убежденные в том, что материнство — одна из самых сложных работ в мире, требующая экспертных знаний и навыков — находились в сильном стрессе, депрессии, а также отличались пониженной удовлетворенностью жизнью [35].

Тот факт, что матери, пытающиеся достичь идеала — страдают депрессией, подтверждают и другие исследования. Большинство исследований показало, что такой стиль родительства имеет отрицательные последствия для социального и эмоционального состояний обоих родителей: их общего состояния [19; 30], социального взаимодействия [27; 16; 39]. Вертолетное воспитание предполагает такой уровень обеспокоенности родителей, что они часто скорее сами будут выполнять домашние задания детей, таким образом транслируя, что неудачи нужно избегать любым способом, даже если придется прибегать к мошенничеству.

«Родители-вертолеты» отличаются тем, что они, как правило, интенсивнее включены в жизнь взрослого ребенка как непосредственно, так и удаленно (цифровая жизнь) [32; 22; 27]. Такой высокий уровень включенности связан с более высокими показателями поведенческого и психологического контроля [27]. Эти проявления прежде всего связаны с родительской тревогой [30].

Другие исследователи показывают, что такое поведение — попытка родителей избежать неудачи [29]. Так, в 2017 году был проведен эксперимент, в рамках которого нескольких матерей и их детей, некоторые из которых имели социальные сложности (социальное тревожное расстройство), попросили за 10 минут собрать как можно больше пазлов. Большинство матерей сразу же бросились помогать детям. Таким образом, родитель предупреждает угрозу и не предоставляет ребенку возможность попробовать справиться самому. В будущем такой ребенок не сможет самостоятельно достигать цели, а также у него может развиваться социальное тревожное расстройство [27].

Исследования влияния сверхвключенного типа родительства (overparenting) на жизнь ребенка

Американские исследователи убеждены, что любимым родителям свойственен сверхвключенный тип родительства вне зависимости от того, на каком этапе развития находится их ребенок [32].

При этом большинство исследований связано с изучением влияния такого типа воспитания на подростков и студентов колледжа [29]. Исследований посвященных изучению детей раннего возраста и детей младшего школьного возраста очень немного.

Специалисты, которые исследуют повышенную родительскую вовлеченность на выборке младших школьников и подростков, допускают, что некоторые аспекты такого поведения могут положительно влиять на развитие когнитивных и других способностей ребенка [19]. Во-первых, детям, испытывающим сложности в обучении, повышенное родительское внимание и включенность может пойти на пользу. Во-вторых, такой критерий, как высокие ожидания родителей коррелирует с улучшением общей академической успеваемости учащегося. Исследования говорят о том, что именно родительская вовлеченность (их ожидания) является самым важным критерием при поступлении в вуз. В данном случае родительские ожидания играют большую роль, чем их социально-экономический статус и академическая успеваемость учащегося [3].

Однако тут можно наблюдать и обратное. Сегрин [29] указывает, что в семьях, в которых родительские ожидания выводятся на первый план, родители не дают безусловное позитивное подкрепление, поэтому если в семье заведено, что ребенок может претендовать на любовь только в случае его школьных успехов, это может только внешне стимулировать его лучше учиться,

но при этом развить нездоровый перфекционизм. Исследователи называют это явление «неадаптивным перфекционизмом».

Таким образом, во-первых, у детей может возникнуть сложность самоопределения, причиной которого является замена внутренних стимулов к учебе внешними, навязанными родителями. Во-вторых, они могут бояться допустить ошибку и при этом винить себя в том, что они несовершенно. Как показало исследование Хонга, проведенное среди детей среднего подросткового возраста, это происходит из-за того, что родители своими словами и действиями убеждают детей в том, что они не способны сделать что-то хорошо [11].

Важное место отводится исследованиям того, как сверхвключенное поведение родителей влияет на мотивацию учащихся. Исследователи Тайваньского Университета заявляют, что чем больше родитель помогает ребенку, тем больше ребенок нуждается в его помощи, а значит, у него пропадает мотивация и он уже не в состоянии сам понять материал и добиться целей, что заставляет его обращаться к родителям [32]. Если ребенок чувствует, что ему «обязаны» помогать, у него может появиться «выученная беспомощность». Привыкшие к постоянной стимуляции и подкреплению, дети рассчитывают на помощь со стороны родителей и преподавателей. Исследования показывают, что даже мысль о возможности дополнительной помощи может привести к понижению мотивации и поощрению прокрастинации [11]. С другой стороны, если родители содействуют желанию ребенка самому разобраться в сложном материале, но в случае неудачи лишают его любви и поддержки, они тем самым не дают ребенку развить его собственную внутреннюю мотивацию [39]. Получается, что во всех случаях «вертолетное родительство» связано с неадекватно выстроенной мотивацией к учебе, которая может негативно сказываться на академической успеваемости.

Исследование сверхопекаемых подростков показало, что они отличаются пониженной самооценкой и низкой способностью демонстрировать лидерство. Формирование лидерских навыков связано с развитием уверенности в себе, чувства личной эффективности, в то время как сверхвключенность отрицательно влияет на эти процессы, о чем свидетельствуют оценки родителей, учителей и одноклассников. Кроме того, анализ половых различий выявил, что мальчики-подростки больше подвержены сверхвключенности матерей и показывают низкие результаты лидерского поведения по сравнению с девочками [28].

Сверхвключенность родителей может появиться в детско-родительских отношениях на любой стадии развития ребенка, однако сильнее всего оно проявляется, когда ребенок становится старше и необходимость постоянного родительского участия и сопровождения уменьшается. Поэтому так много исследований посвящено периоду ранней взрослости.

Родители выпускников школ и студентов колледжа отличаются повышенной озабоченностью, тревогой за

будущее своего ребенка. Чтобы справиться с неопределенностью, они берут вопрос поступления и дальнейшего обучения ребенка в свои руки, принимая решение за детей в тот критический момент их взросления, когда выросшие дети покидают дом и должны стать более независимыми от своих родителей [32].

Исследования показывают, что даже в поздний период отрочества родительское вмешательство особенно влияет на формирование социальных и интеллектуальных способностей детей, а также, что впоследствии дети таких родителей отличаются самостоятельностью в принятии решений и действий [32].

Одна из главных составляющих модели сверхвключенного типа родительства — постоянные советы и «менеджмент» родителей [39]. Некоторые родители берут на себя ответственность даже за эмоциональное благополучие своего ребенка. Со временем у таких детей могут появиться проблемы с регуляцией эмоций, так как всю их жизнь за это отвечали родители [2].

Есть исследования, в которых доказывается связь между сверхвключенным типом родительства и проблемами эмоциональной регуляции у молодых людей: депрессией [5; 15; 19], тревожными расстройствами [15; 30] и употреблением лекарственных препаратов (антидепрессантов) [15]. Также дети сверхвключенных родителей склонны использовать неэффективные копинг-стратегии (способы совладания и поведения), такие как замыкание в себе [29], «дистанцирование» и «интернализацию» [30], повышенный интерес к рискованному поведению [28].

Несмотря на то, что тема социального интеллекта остается малоизученной, уже есть убедительные доказательства того, что сверхвключенный тип родительства может разрушительно влиять на формирование некоторых важных способностей человека, определяющих успешность социального общения.

Так, одним из самых ярких примеров является связь между сверхвключенностью родителей с «sense of entitlement» (чувством дозволенности) [34; 36; 32; 40; 39] и нарциссизмом [30] у ребенка.

«Sense of entitlement» и нарциссизм имеют схожие проявления, когда человек ставит себя выше других, не способен считаться с другими, а также испытывает гнев и досаду, когда не оправдываются его грандиозные ожидания и надежды и когда его не ценят. Такие расстройства личности связаны с нарушением развития навыков эмпатии, что не позволяет человеку работать в команде и выстраивать нормальные отношения в стенах учебного заведения.

Также сверхвключенный тип родительства влияет на возникновение трудностей в общении с близкими людьми. Сюда прежде всего относятся проблемы в коммуникации в родительской семье [29], а также страх перед вступлением в собственные долгие отношения (специалисты говорят, что такие люди не заинтересованы жениться) [1].

В настоящее время меньше всего изучен вопрос о том, как такой тип воспитания связан с академической успеваемостью. Исследования в основном касаются детей более старшего возраста. Было несколько исследований детей старшего школьного и юношеского возрастов, результаты которых свидетельствовали о том, что сверхвключенность была связана с низкой академической успеваемостью [9], низкой уверенностью в своих силах [5; 16; 21;], академической дезадаптацией [5; 28], повышенной прокрастинацией [32], снижением мотивации к учебе [2; 5; 9; 36].

Заключение

Молодые люди, которых опекают родители, испытывают сложности перехода с одной стадии взросления на другую, сталкиваясь с проблемами во всех сферах жизни.

Развитие эмоционального и социального интеллекта — необходимое условие для решения задач роста и саморазвития ребенка, с которыми он должен справляться сам; при сверхвключенном типе родительства, успешное развитие этих способностей ставится под угрозу. В то время как родители пытаются взять на себя ответственность и оградить ребенка от проблем на сложном этапе жизни, их действия дают обратный эффект [19; 37] (и получается порочный круг).

На сегодняшний день тема сверхвключенности родителей в жизнь детей занимает особое место в зарубежных исследованиях. Среди данных исследований можно выделить две ветви работ: одни изучают взаимосвязь между сверхвключенным типом родительства и проблемами учащихся с успеваемостью, другие — с особенностями психического развития и состояния детей чрезмерно включенных родителей.

Можно предполагать, что исследовательский интерес к этой теме будет только усиливаться, так как многие ее аспекты еще не исследованы (отцовская включенность; влияние родительской сверхвключенности на детей младшего возраста; сравнительный анализ типов родительской вовлеченности, учитывающий культурные и социально-экономические аспекты).

ЛИТЕРАТУРА

1. Back Off! Helicopter Parenting and a Retreat From Marriage Among Emerging Adults / B.J. Willoughby [et al.] // *Emerging Adults*. 2015. Vol. 36. № 5. P. 669—692. doi:10.1177/0192513X13495854
2. *Burke T.J., Segrin C., Farris K.L.* Young adult and parent perceptions of facilitation: Associations with overparenting, family functioning, and student adjustment // *Journal of Family Communication*. 2018. Vol. 18. № 3. P. 233—247. doi:10.1080/15267431.2018.1467913
3. *College Choice and Access to College: Moving Policy, Research and Practice to the 21st century* / Ed. A.A. Bergerson // *ASHE Higher Education Report*. Wiley Periodicals, San Francisco, CA. 2009. Vol. 35. № 4. P. 1—141.

4. Correlates of Parent Involvement in Students' Learning: Examination of a National Data Set / D.P. Oswald [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2018. Vol. 27. № 1. P. 316—323. doi:10.1007/s10826-017-0876-4
5. *Darlow V., Norvilitis J., Schuetze P.* The Relationship between Helicopter Parenting and Adjustment to College // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26. № 8. P. 2291—2298. doi:10.1007/s10826-017-0751-3.
6. Development and validation of a quantitative measure of intensive parenting attitudes / M. Liss [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2013. Vol. 22. № 5. P. 621—636. doi:10.1007/s10826-012-9616-y
7. Developmental Trajectories of Maladaptive Perfectionism in Middle Childhood / R.Y. Hong [et al.] // *Journal of personality*. 2017. Vol. 85. № 3. P. 409—422. doi:10.1111/jopy.12249
8. Dimensionality of Helicopter Parenting and Relations to Emotional, Decision-Making, and Academic Functioning in Emerging Adults / A.M. Luebbe [et al.] // *Assessment*. 2018. Vol. 25. № 7. P. 841—857. doi:10.1177/1073191116665907
9. Does “tiger parenting” exist? Parenting profiles of Chinese Americans and adolescent developmental outcomes / S.Y. Kim [et al.] // *Asian American Journal of Psychology*. 2013. Vol. 4. № 1. P. 7—18. doi:10.1037/a0030612
10. Examining the Relationship between Helicopter Parenting and Emerging Adults' Mindsets Using the Consolidated Helicopter Parenting Scale / H.J. Schiffrin [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2019. Vol. 28. № 5. P. 1207—1219. doi:10.1007/s10826-019-01360-5
11. *Fitzsimons G.M., Finkel E.J.* Outsourcing Self-Regulation // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22. № 3. P. 369—375. doi:10.1177/0956797610397955
12. *Gagnon R., Garst B.* Examining Overparenting and Child Gender in Adolescence // *Journal of Child and Family Studies*. 2019. Vol. 28. № 10. P. 2876—2890. doi:10.1007/s10826-019-01467-9
13. *Hays S.* The cultural contradictions of motherhood. New Haven: Yale University Press, 1996. 252p.
14. Helicopter Parenting and Emerging Adult Self-Efficacy: Implications for Mental and Physical Health / K. Reed-Fitzk [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. Vol. 25. № 10. P. 3136—3149. doi:10.1007/s10826-016-0466-x
15. Helicopter parenting, autonomy support, and college students' mental health and well-being: The moderating role of sex and ethnicity / C.D. Kouros [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26. № 3. P. 939—949. doi:10.1007/s10826-016-0614-3
16. Helicopter Parenting: The Effect of an Overbearing Caregiving Style on Peer Attachment and Self-Efficacy / D.J. Ingen [et al.] // *Journal of College Counseling*. 2015. Vol. 18. № 1. P. 7—20. doi:10.1002/j.2161-1882.2015.00065.x
17. Helping or hovering? The effects of helicopter parenting on college students' well-being / H. Schiffrin [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2014. Vol. 23. № 3. P. 548—557. doi:10.1007/s10826-013-9716-3
18. Indulgent Parenting, Helicopter Parenting, and Well-being of Parents and Emerging Adults / M. Cui [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2018. Vol. 28. № 3. P. 860—871. doi:10.1007/s10826-018-01314-3
19. Intensive Parenting: Does it Have the Desired Impact on Child Outcomes? / H.H. Schiffrin [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2015. Vol. 24. № 8. P. 2322—2331. doi:10.1007/s10826-014-0035-0
20. *Ishizuka P.* Intensive Mothering or Intensive Parenting? How Gender Shapes Parenting Attitudes [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/6eae/6fa9ecb0f9264e365d48e963b1db473e1bd4.pdf> (дата обращения: 06.12.2019).
21. *Ishizuka P.* Social Class, Gender, and Contemporary Parenting Standards in the United States: Evidence from a National Survey Experiment // *Social Forces*. 2019. Vol. 98. № 1. P. 31—58. doi:10.1093/sf/soy107
22. *Kelly L., Duran R.L., Miller-Ott A.E.* Helicopter Parenting and Cell-Phone Contact between Parents and Children in College // *Southern Communication Journal*. 2017. Vol. 82. № 2. P. 102—114. doi:10.1080/1041794X.2017.1310286
23. *Kim S., Hill N.E.* Including Fathers in the Picture: A Meta-Analysis of Parental Involvement and Students' Academic Achievement // *Journal of Educational Psychology*. 2015. Vol. 107. № 4. P. 919—934. doi:10.1037/edu0000023
24. Leader Development Begins at Home: Overparenting Harms Adolescent Leader Emergence / Z. Liu [et al.] // *Journal of Applied Psychology*. 2019. Vol. 104. № 10. P. 1226—1242. doi:10.1037/apl0000402
25. *LeMoyné T., Buchanan T.* Does ‘hovering’ matter? Helicopter parenting and its effect on well-being // *Sociological Spectrum*. 2011. Vol. 31. № 4. P. 399—418. doi:10.1080/02732173.2011.574038
26. *Liss M., Schiffrin H.H.* Balancing the big stuff. Finding happiness in work, family, and life. Rowman & Littlefield Publishers, Incorporated, 2017. 264 p.
27. Maternal Parenting and Child Behaviour: An Observational Study of Childhood Social Anxiety Disorder / J. Asbrand [et al.] // *Cognitive Therapy and Research*. 2016. Vol. 41. № 4. P. 562—575. doi:10.1007/s10608-016-9828-3
28. *Nelson L.J., Padilla-Walker L.M., Nielson M.G.* Is hovering smothering or loving? An examination of parental warmth as a moderator of relations between helicopter parenting and emerging adults' indices of adjustment // *Emerging Adulthood*. 2015. Vol. 3. № 4. P. 282—285. doi:10.1177/2167696815576458
29. Overparenting is associated with child problems and a critical family environment / C. Segrin [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2015. Vol. 24. № 2. P. 470—479. doi:10.1007/s10826-013-9858-3
30. Parent and child traits associated with overparenting / C. Segrin [et al.] // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2013. Vol. 32. № 6. P. 569—595. doi:10.1521/jscp.2013.32.6.569

31. Parent relationships, emotion regulation, psychosocial maturity and college student alcohol use problems / J.L. Fischer [et al.] // *Journal of Youth and Adolescence*. 2007. Vol. 36. P. 912—926. doi:10.1007/s10964-006-9126-6
32. Parental monitoring and helicopter parenting relevant to vocational student's procrastination and self-regulated learning / Jon-Chao Hong [et al.] // *Learning and Individual Differences*. 2015. Vol. 42. P. 139—146. doi:10.1016/j.lindif.2015.08.003
33. Policy statement on family engagement: From the early years to the early grades [Электронный ресурс] / U.S. Department of Health and Human Services, U.S. Department of Education. 2016. 25 p. // U.S. Department of Education. URL: <https://www2.ed.gov/about/inits/ed/earlylearning/files/policy-statement-on-family-engagement.pdf> (дата обращения: 06.12.2019)
34. Richardson E.W., Simons L.G., Futris T.G. Linking family-of-origin experiences and perpetration of sexual coercion: College males' sense of entitlement // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26. № 3. P. 781—791. doi:10.1007/s10826-016-0592-5
35. Rizzo K.M., Schiffrin H.H., Liss M. Insight into the parenthood paradox: Mental health outcomes of intensive mothering // *Journal of Child and Family Studies*. 2013. Vol. 22. № 5. P. 614—620. doi:10.1007/s10826-012-9615-z
36. Schiffrin H., Liss M. The Effects of Helicopter Parenting on Academic Motivation // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26. № 5. P. 1472—1480. doi:10.1007/s10826-017-0658-z
37. Segrin C., Flora J. Fostering social and emotional intelligence: What are the best current strategies in parenting? // *Social and Personality Psychology Compass*. 2019. Vol. 13. № 3. 14 p. doi:10.1111/spc3.12439
38. Somers P., Settle J.S. The Helicopter Parent: Research toward a Typology (Part I) [Электронный ресурс] // *College and University*. 2010. Vol. 86. № 1. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-2148808521/the-helicopter-parent-research-toward-a-typology> (дата обращения: 06.12.2019).
39. The Association Between Overparenting, Parent-Child Communication, and Entitlement and Adaptive Traits in Adult Children / C. Segrin [et al.] // *Family Relations*. 2012. Vol. 61. № 2. P. 237—252. doi:10.1111/j.1741-3729.2011.00689.x
40. The Effects of Maternal and Paternal Helicopter Parenting on the Self-determination and Well-being of Emerging Adults / H.H. Schiffrin [et al.] // *Journal of Child and Family Studies Online First*. 2019. Vol. 28. № 12. P. 3346—3359. doi:10.1007/s10826-019-01513-6
41. Wall G. Mothers' Experiences with Intensive Parenting and Brain Development Discourse // *Womens Studies International Forum*. 2010. Vol. 33. № 3. P. 253—263. doi:10.1016/j.wsif.2010.02.019
42. Wang M., Sheikh-Khalil S. Does parental involvement matter for student achievement and mental health in high school? // *Child Development*. 2014. Vol. 85. № 2. P. 610—625. doi:10.1111/cdev.12153
43. Why do parents become involved? Research findings and implications / K.V. Hoover-Dempsey [et al.] // *Elementary School Journal*. 2005. Vol. 106. № 2. P. 105—130. doi:10.1086/499194
44. Wilder S. Effects of parental involvement on academic achievement: a meta-synthesis // *Educational Review*. 2014. Vol. 66. № 3. P. 377—397. doi:10.1080/00131911.2013.780009

Foreign studies of overparenting style of parenthood

Prokhorova A.A.,

*master degree student at the chair of child and family psychotherapy, department of psychological counseling,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
anya.prokhorova@gmail.com*

The article provides analysis of foreign studies on the problem of «overparenting» (a separate parenting style), which has become popular lately and is thoroughly studied nowadays. The article describes the main variants of this type of parenthood; parental beliefs, as well as the impact of this type of upbringing on both the psychological and social indicators of child development and his/her academic performance.

Keywords: overparenting, type of parenthood, intense motherhood, academic performance, parenting style, perfectionism, motivation, development, social intelligence, emotional intelligence.

REFERENCES

1. Willoughby B.J. et al. Back Off! Helicopter Parenting and a Retreat From Marriage Among Emerging Adults. *Emerging Adults*, 2015. Vol. 36, no. 5, pp. 669—692. doi:10.1177/0192513X13495854
2. Burke T.J., Segrin C., Farris K.L. Young adult and parent perceptions of facilitation: Associations with overparenting, family functioning, and student adjustment. *Journal of Family Communication*, 2018. Vol. 18, no. 3, pp. 233—247. doi:10.1080/15267431.2018.1467913
3. College Choice and Access to College: Moving Policy, Research and Practice to the 21st century / Ed. A.A. Bergerson. *ASHE Higher Education Report*. Wiley Periodicals, San Francisco, CA, 2009. Vol. 35, no. 4, pp. 1—141.
4. Oswald D.P. et al. Correlates of Parent Involvement in Students' Learning: Examination of a National Data Set. *Journal of Child and Family Studies*, 2018. Vol. 27, no. 1, pp. 316—323. doi:10.1007/s10826-017-0876-4
5. Darlow V., Norvilitis J., Schuetze P. The Relationship between Helicopter Parenting and Adjustment to College. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 8, pp. 2291—2298. doi:10.1007/s10826-017-0751-3.
6. Liss M. et al. Development and validation of a quantitative measure of intensive parenting attitudes. *Journal of Child and Family Studies*, 2013. Vol. 22, no. 5, pp. 621—636. doi:10.1007/s10826-012-9616-y
7. Hong R.Y. et al. Developmental Trajectories of Maladaptive Perfectionism in Middle Childhood. *Journal of personality*, 2017. Vol. 85, no. 3, pp. 409—422. doi:10.1111/jopy.12249
8. Luebke A.M. et al. Dimensionality of Helicopter Parenting and Relations to Emotional, Decision-Making, and Academic Functioning in Emerging Adults. *Assessment*, 2018. Vol. 25, no. 7, pp. 841—857. doi:10.1177/1073191116665907
9. Kim S.Y. et al. Does “tiger parenting” exist? Parenting profiles of Chinese Americans and adolescent developmental outcomes. *Asian American Journal of Psychology*, 2013. Vol. 4, no. 1, pp. 7—18. doi:10.1037/a0030612
10. Schiffrin H.J. et al. Examining the Relationship between Helicopter Parenting and Emerging Adults' Mindsets Using the Consolidated Helicopter Parenting Scale. *Journal of Child and Family Studies*, 2019. Vol. 28, no. 5, pp. 1207—1219. doi:10.1007/s10826-019-01360-5
11. Fitzsimons G.M., Finkel E.J. Outsourcing Self-Regulation. *Psychological Science*, 2011. Vol. 22, no. 3, pp. 369—375. doi:10.1177/0956797610397955
12. Gagnon R., Garst B. Examining Overparenting and Child Gender in Adolescence. *Journal of Child and Family Studies*, 2019. Vol. 28, no. 10, pp. 2876—2890. doi:10.1007/s10826-019-01467-9
13. Hays S. The cultural contradictions of motherhood. New Haven: Yale University Press, 1996. 252 p.
14. Reed-Fitzk K. et al. Helicopter Parenting and Emerging Adult Self-Efficacy: Implications for Mental and Physical Health. *Journal of Child and Family Studies*, 2016. Vol. 25, no. 10, pp. 3136—3149. doi:10.1007/s10826-016-0466-x
15. Kouros C.D. et al. Helicopter parenting, autonomy support, and college students' mental health and well-being: The moderating role of sex and ethnicity. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 3, pp. 939—949. doi:10.1007/s10826-016-0614-3
16. Ingen D.J. et al. Helicopter Parenting: The Effect of an Overbearing Caregiving Style on Peer Attachment and Self-Efficacy. *Journal of College Counseling*, 2015, vol.18, no. 1, pp. 7—20. doi:10.1002/j.2161-1882.2015.00065.x
17. Schiffrin H. et al. Helping or hovering? The effects of helicopter parenting on college students' well-being. *Journal of Child and Family Studies*, 2014. Vol. 23, no. 3, pp. 548—557. doi:10.1007/s10826-013-9716-3
18. Cui M. et al. Indulgent Parenting, Helicopter Parenting, and Well-being of Parents and Emerging Adults. *Journal of Child and Family Studies*, 2018. Vol. 28, no. 3, pp. 860—871. doi:10.1007/s10826-018-01314-3.
19. Schiffrin H.H. et al. Intensive Parenting: Does it Have the Desired Impact on Child Outcomes? *Journal of Child and Family Studies*, 2015. Vol. 24, no. 8, pp. 2322—2331. doi:10.1007/s10826-014-0035-0

20. Ishizuka P. Intensive Mothering or Intensive Parenting? How Gender Shapes Parenting Attitudes [Elektronnyi resurs]. 2016. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/6eae/6fa9ecb0f9264e365d48e963b1db473e1bd4.pdf> (Accessed 06.12.2019).
21. Ishizuka P. Social Class, Gender, and Contemporary Parenting Standards in the United States: Evidence from a National Survey Experiment. *Social Forces*, 2019. Vol. 98, no. 1, pp. 31—58. doi:10.1093/sf/soy107
22. Kelly L., Duran R.L., Miller-Ott A.E. Helicopter Parenting and Cell-Phone Contact between Parents and Children in College. *Southern Communication Journal*, 2017. Vol. 82, no. 2, pp. 102—114. doi:10.1080/1041794X.2017.1310286
23. Kim S., Hill N.E. Including Fathers in the Picture: A Meta-Analysis of Parental Involvement and Students' Academic Achievement. *Journal of Educational Psychology*, 2015. Vol. 107, no. 4, pp. 919—934. doi:10.1037/edu0000023
24. Liu Z. et al. Leader Development Begins at Home: Overparenting Harms Adolescent Leader Emergence. *Journal of Applied Psychology*, 2019. Vol. 104, no. 10, pp. 1226—1242. doi:10.1037/apl0000402
25. LeMoynes T., Buchanan T. Does 'hovering' matter? Helicopter parenting and its effect on well-being. *Sociological Spectrum*, 2011. Vol. 31, no. 4, pp. 399—418. doi:10.1080/02732173.2011.574038
26. Liss M., Schiffrin H.H. Balancing the big stuff. Finding happiness in work, family, and life. Rowman & Littlefield Publishers, Incorporated, 2017. 264 p.
27. Asbrand J. et al. Maternal Parenting and Child Behaviour: An Observational Study of Childhood Social Anxiety Disorder. *Cognitive Therapy and Research*, 2016. Vol. 41, no. 4, pp. 562—575. doi:10.1007/s10608-016-9828-3
28. Nelson L.J., Padilla-Walker L.M., Nielson M.G. Is hovering smothering or loving? An examination of parental warmth as a moderator of relations between helicopter parenting and emerging adults' indices of adjustment. *Emerging Adulthood*, 2015. Vol. 3, no. 4, pp. 282—285. doi:10.1177/2167696815576458
29. Segrin C. et al. Overparenting is associated with child problems and a critical family environment. *Journal of Child and Family Studies*, 2015. Vol. 24, no. 2, pp. 470—479. doi:10.1007/s10826-013-9858-3
30. Segrin C. et al. Parent and child traits associated with overparenting. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2013. Vol. 32, no. 6, pp. 569—595. doi:10.1521/jscp.2013.32.6.569
31. Fischer J.L. et al. Parent relationships, emotion regulation, psychosocial maturity and college student alcohol use problems. *Journal of Youth and Adolescence*, 2007. Vol. 36, pp. 912—926. doi:10.1007/s10964-006-9126-6
32. Hong Jon-Chao et al. Parental monitoring and helicopter parenting relevant to vocational student's procrastination and self-regulated learning. *Learning and Individual Differences*, 2015. Vol. 42, pp. 139—146. doi:10.1016/j.lindif.2015.08.003
33. U.S. Department of Health and Human Services, U.S. Department of Education. Policy statement on family engagement: From the early years to the early grades [Elektronnyi resurs]. 2016. 25 p. *U.S. Department of Education*. URL: <https://www2.ed.gov/about/inits/ed/earlylearning/files/policy-statement-on-family-engagement.pdf> (Accessed 06.12.2019).
34. Richardson E.W., Simons L.G., Futris T.G. Linking family-of-origin experiences and perpetration of sexual coercion: College males' sense of entitlement. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 3, pp. 781—791. doi:10.1007/s10826-016-0592-5
35. Rizzo K.M., Schiffrin H.H., Liss M. Insight into the parenthood paradox: Mental health outcomes of intensive mothering. *Journal of Child and Family Studies*, 2013. Vol. 22, no. 5, pp. 614—620. doi:10.1007/s10826-012-9615-z
36. Schiffrin H., Liss M. The Effects of Helicopter Parenting on Academic Motivation. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 5, pp. 1472—1480. doi:10.1007/s10826-017-0658-z
37. Segrin C., Flora J. Fostering social and emotional intelligence: What are the best current strategies in parenting? *Social and Personality Psychology Compass*, 2019. Vol. 13, no. 3. 14 p. doi:10.1111/spc3.12439
38. Somers P., Settle J.S. The Helicopter Parent: Research toward a Typology (Part I) [Elektronnyi resurs]. *College and University*, 2010. Vol. 86, no. 1. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-2148808521/the-helicopter-parent-research-toward-a-typology> (Accessed 06.12.2019).
39. Segrin C. et al. The Association Between Overparenting, Parent-Child Communication, and Entitlement and Adaptive Traits in Adult Children. *Family Relations*, 2012. Vol. 61, no. 2, pp. 237—252. doi:10.1111/j.1741-3729.2011.00689.x
40. Schiffrin H.H. et al. The Effects of Maternal and Paternal Helicopter Parenting on the Self-determination and Well-being of Emerging Adults. *Journal of Child and Family Studies Online First*, 2019. Vol. 28, no. 12, pp. 3346—3359. doi:10.1007/s10826-019-01513-6
41. Wall G. Mothers' Experiences with Intensive Parenting and Brain Development Discourse. *Womens Studies International Forum*, 2010. Vol. 33, no. 3, pp. 253—263. doi:10.1016/j.wsif.2010.02.01
42. Wang M., Sheikh-Khalil S. Does parental involvement matter for student achievement and mental health in high school? *Child Development*, 2014. Vol. 85, no. 2, pp. 610—625. doi:10.1111/cdev.12153
43. Hoover-Dempsey K.V. et al. Why do parents become involved? Research findings and implications. *Elementary School Journal*, 2005. Vol. 106, no. 2, pp. 105—130. doi:10.1086/499194
44. Wilder S. Effects of parental involvement on academic achievement: a meta-synthesis. *Educational Review*, 2014. Vol. 66, no. 3, pp. 377—397. doi:10.1080/00131911.2013.780009

Проблема дисфункционального материнства в новейших зарубежных исследованиях

Ермолова Т.В.,

кандидат психологических наук, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
yermolova@mail.ru

Иволина Т.В.,

старший преподаватель кафедры зарубежной и русской филологии,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
ivolina-tatyana@yandex.ru

Дедова О.В.,

старший преподаватель кафедры зарубежной и русской филологии,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
olgadedova2007@gmail.com

Литвинов А.В.,

кандидат педагогических наук, профессор кафедры зарубежной и русской филологии,
ФГБОУ ВО МГППУ; доцент кафедры иностранных языков экономического факультета, РУДН, Москва, Россия,
alial01@yandex.ru

В статье проанализированы обновленные зарубежные эмпирические разработки по проблеме раннего дисфункционального материнства. В основе статьи — представление о дисфункциональном материнстве как исторически сложившемся непрерывно трансформирующемся психологическом феномене с множественными факторами риска здоровью ребенка первых лет жизни. Ввиду дискретности выявленного доказательного материала, авторы ограничились фактическими сведениями о разнообразии внутренних и внешних причин раннего девиантного материнства. Это биологические (генетические) предпосылки «скрытой» материнской холодности, позволяющие считать теломеры плаценты биомаркерами стиля родительства, а период зачатия — объектом отложенного воздействия материнского раннего стресса на следующие поколения; латентные механизмы девиантности в период гестационной и послеродовой депрессии; нарушения нейронных механизмов эмпатии и деформация привязанности. В статье также обсуждается американская модель взаимосвязей стиля материнства с показателями токсического стресса у ребенка, с участием инновационного фактора рефлексивного функционирования родителя.

Ключевые слова: рефлексивное функционирование родителя, дисфункциональное материнство, холодная мать, гестационная депрессивность, биомаркеры, внутренние и внешние факторы риска.

Для цитаты:

Ермолова Т.В., Иволина Т.В., Дедова О.В., Литвинов А.В. Проблема дисфункционального материнства в новейших зарубежных исследованиях [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 25—37. doi: 10.17759/jmfp.2019080403

For citation:

Ermolova T.V., Ivolina T.V., Dedova O.V., Litvinov A.V. The problem of dysfunctional motherhood in the latest foreign researches [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 25—37. doi: 10.17759/jmfp.2019080403 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Введение

Как уникальная социальная система, институт материнства всегда был чувствителен к средовым воздействиям — социоэкономическим, экологическим, этнокультурным, претерпевая в связи с ними существенные трансформации. Одновременно на протяжении веков он сохранял и свои универсальные функции: обеспечивал максимально благоприятные условия безопасности ребенка и его развития.

Предметом научного исследования материнство стало относительно недавно, однако его разностороннее изучение историками, биологами, медиками, социологами, психологами не привело, по свидетельству зарубежных исследователей, к формулировке удовлетворяющего всех определения материнства и строго научному обоснованию его функции в жизни отдельного человека и общества в целом.

В то же время массив современных данных позволяет исследователям сделать однозначный вывод о

том, что ненадлежащее выполнение матерью своих функций провоцирует необратимые последствия для развития ребенка.

В психологии об этом говорилось еще в середине прошлого века в классических работах М. Эйнсворт, изучавшей тип привязанности ребенка к матери и его зависимость от материнского поведения, в том числе не учитывающего базальные и ситуативные потребности ребенка. В дальнейшем внимание исследователей было надолго приковано к типологизации материнского поведения в его гармоничных и девиантных проявлениях и к выявлению негативных стилей родительского воспитания. Последние рассматривались в психолого-педагогической практике как противовес либеральному, поддерживающему, отзывчивому родительству.

Основными признаками негативных родительских стратегий называли отвергающее воспитание с явным или скрытым неприятием ребенка, либо с безразличным к нему отношением. Такое поведение матери неизбежно приводит к эмоциональной, когнитивной и личностной депривации ребенка и в перспективе становится для него *жизне разрушающим* агентом.

В психологической литературе можно встретить обозначение негативных материнских стилей через такие образные выражения, как «токсичное материнство/родительство» (Сьюзен Форвард) или «синдром “мертвой” матери», лишь формально присутствующей в жизни ребенка» (Андре Грин). Не являясь строго научными понятиями, такие образы тем не менее отражают «внешний вид» проблемы негативного материнства и демонстрируют общественности, что ненадлежащее исполнение матерью своих функций имеет место не только из-за неблагоприятных внешних условий (бедность, отсутствие образования, многодетность, культурные традиции), но и из-за ее личностных особенностей. Причем если внешние (средовые) причины материнской несостоятельности являются ресурсом, который возможно корректировать с помощью государственной политики, то внутренние (клинические) причины не зависят от личности матери и являются слабо корректируемым ресурсом, к которому необходимо адаптировать как мать, так и общество [22; 23].

В настоящее время постепенно набирает силу тревожная тенденция к изменению установок на материнство, демонстрирующая постепенное размывание функции матери в качестве фундаментальной общественной ценности. В частности, речь идет о принятых в ряде стран решениях вносить в паспорт ребенка сведения об отце и матери в виде «гендерно-нейтральных» слов «родитель 1» и «родитель 2». Например, Госдепартамент США, на сайте которого размещено объявление об этом «усовершенствовании», считает его необходимым для уравнивания в правах традиционных и однополых браков, в которых роли «матери» и «отца» четко не определены.

Другая тревожная тенденция — формирование в современном обществе идеологии антиматеринства, детофобии; она выражена в набирающем силу движе-

нии «child-free family» (семья без детей), адепты которого делают сознательный выбор в пользу отказа от материнства (родительства).

На этом фоне проблема материнства и причины его дисфункциональности в современном мире остаются предметом системных исследований психологов разных направлений и научных школ. Основной посыл многих работ в том, что формирование гармоничного или дисгармоничного материнства начинается на самых ранних этапах формирования диады «мать—ребенок», включая пренатальный период. Оба участника пары являются очень уязвимыми в этот период как от внешних, так и от внутренних факторов, определяющих характер их взаимоотношений [21].

Целью данной статьи было проследить, в каком направлении движется современная психология материнства, изучающая *дисфункции раннего материнства* и их последствия для развития ребенка. Здесь имеется в виду не абсолютный возраст матери, а период раннего возраста ее ребенка, в ходе общения с которым дисфункциональность может возникнуть и закрепиться. Акцент данного материала на дисфункциональном материнстве, а не на более общем и все чаще используемом в психологии понятии «родительство» связан с тем, что дисфункциональное отцовство в гораздо меньшей степени определяет краткосрочные и долгосрочные нарушения в психическом статусе ребенка [21].

С учетом того, что диапазон проявлений дисфункционального материнства чрезвычайно широк, было принято решение отказаться от анализа тех его форм (также имеющих широкое освещение в литературе), которые связаны с делинкветными действиями матери (намеренным причинением ребенку вреда или смерти). Основной упор в данной статье сделан на «холодности матери» как наиболее часто встречающейся дисфункции во взаимодействии матери и ребенка в первые месяцы после рождения.

Внешние причины материнской дисфункциональности

В научной литературе к внешним факторам, провоцирующим материнскую дисфункциональность, чаще всего относят неблагоприятные социоэкономические, экологические и этнокультурные условия жизни матери и ребенка. Однако попытки снижения риска этих факторов для конкретной матери и ребенка даже при наличии целенаправленной государственной политики далеко не всегда оказываются успешными. Причиной этого может быть отсутствие достоверных знаний об индивидуальных траекториях девиаций в материнском поведении и причин, вызывающих их к жизни. Поиск достоверных маркеров влияния неблагоприятных условий на поведение матери и на психический статус ребенка постепенно становится острой актуальной задачей для психологов.

В 2018 г. Научно-исследовательский образовательный Центр по проблемам материнства США (National Institute of Nursing Research, NICR) совместно с Национальной Педиатрической ассоциацией (National Association of Pediatric Nurse Practitioners, NAPNAP) провели серию исследований в сфере охраны детства [8].

Авторы стремились выявить взаимосвязь материнского стиля родительства с токсическим стрессом у детей и установить, существуют ли простые, но специфичные биомаркеры ответной реакции ребенка на определенный вид стресса, создаваемый тяжелыми условиями жизненной среды.

Полученные ими данные были оформлены как экобихевио-биологическая модель последствий токсического стресса у ребенка на фоне неблагоприятных факторов жизненной среды и родительства. Данная модель не является полностью инновационной, но останавливает на себе внимание, поскольку в нее впервые был включен новый компонент — *рефлексивное функционирование родителя* (Parental reflective functioning, PRF), которое рассматривалось как способность родителя (матери) понимать психические статусы внутри диады и правильно оценивать их последствия.

Стили поведения матери в эксперименте были разделены на 4 основные категории: враждебный/принуждающий; поддерживающий/вовлекающий; с высоким уровнем рефлексивного функционирования; со сниженным типом рефлексивного функционирования.

Ожидаемые показатели реакции ребенка на стресс фиксировались на 3 уровнях: нейроэндокринном и иммунном — по содержанию кортизола в волосах и С-реактивного белка и цитокинов в слюне; сердечно-сосудистом — по уровню артериального давления; психофизиологическом — по показателю индекса массы тела, школьной успеваемости и/или поведенческим проблемам.

Оказалось (табл.), что враждебный/принуждающий стиль материнства чреват обострением проблем поведения; для него характерно снижение двух воспалительных маркеров слюны — туморнекротического TNF и интерлейкина IL-6. Авторы предварительно отнесли

этот фактор к защитному иммунному механизму, активируемому в условиях родительского диктата. Ослабление PRF, помимо поведенческих проблем, приводило к снижению успеваемости, в то время как высокий уровень PRF и поддерживающее материнство не провоцировали проблемы поведения, сложности в обучении и физиологические сдвиги.

Авторы пришли к выводу, что ранее неисследованные PRF — компоненты родительского стиля могут служить инструментами сдерживания последствий токсического стресса у детей, живущих в семьях социально-экономического риска.

Однако, учитывая небольшой объем выборки и субъективность данных, полученных с помощью анкетирования (риск смещения данных), следует считать полученные результаты предварительными, хотя, в случае дальнейшего подтверждения, они могут поставить новые задачи перед финансируемыми государством программами по охране детства, особенно в части патронажа семей с новорожденными на дому в уязвимых семьях. В частности, полученные сведения объективируют необходимость ввода в существующие стандарты патронажа объективных критериев оценки психологического состояния матери и стрессовых физиологических параметров состояния ребенка (суточных кривых сердечного ритма, некоторых ферментов и т. д.).

В исследованиях последних лет также говорится о необходимости как можно более раннего вмешательства в дисфункциональную модель поведения матери в группах риска. Например, в 2018 г. специалисты университета Йель [27; 6], анализируя риск ожирения ребенка в подростковом возрасте как одного из множества сдвигов, вызываемых неблагоприятными условиями жизни и отсутствием надлежащей материнской заботы, опубликовали сведения о том, что возраст двух лет является своеобразной «точкой невозврата» в профилактических вмешательствах периода раннего детства («tipping point»), до достижения которой стратегии профилактики наиболее эффективны. Эти данные находят свое подтверждение и в других исследованиях, в которых возраст до двух лет определяется как опти-

Т а б л и ц а

Обобщение выявленных взаимосвязей между стилем материнства и показателями токсического стресса у ребенка

Стили родительства	Показатели токсического стресса у ребенка
Враждебный/Принуждающий	<ul style="list-style-type: none">Снижение уровня цитокинов, типичных для воспалительных процессов (интерлейкина-6, опухолевый некротический фактор).Более выраженные проблемы общего и внешнего поведения
Поддерживающий/Вовлекающий	<ul style="list-style-type: none">Повышенная вероятность когда-либо оказаться в чрезвычайной ситуации.Сниженная вероятность обращения к специализированным образовательным услугам
Высокий уровень родительского рефлексивного функционирования	<ul style="list-style-type: none">Снижение уровня маркеров, типичных для воспалительного процесса (интерлейкина-6, С-реактивного белка).Меньшее число обращений за неотложной помощью
Ослабленное родительское рефлексивное функционирование	<ul style="list-style-type: none">Увеличение поведенческих проблем интерналистского и экстерналистского типов.Повышение вероятности эпизодов госпитализации и хирургических вмешательств.Повышение вероятности проблем с учебой

Примечание: жирным шрифтом выделены статистически значимые взаимосвязи [8].

мальный для реализации многих превентивных и профилактических программ в неблагополучных семьях с повышенным риском девиаций материнского поведения, например направленных на предотвращение проблем когнитивного развития ребенка и его неуспеваемости в школе [42].

Переходя от общих позиций к объекту обсуждения, можно отметить, что в подавляющем большинстве исследований последних лет особое место в паттернах дисфункционального родительства занимает «материнская холодность». Она чаще всего рассматривается в литературе как индивидуальная характеристика матери и фиксируется в диапазоне от относительной нормы (недостаточная выраженность и скорость эмоциональных и поведенческих реакций на сигналы, подаваемые ребенком) до тяжелых форм девиации (индифферентность, безразличие к состоянию ребенка и его запросам, нанесение ему физического ущерба или оставление его в опасности). Однако сформированная к настоящему времени доказательная база свидетельствует, что материнская холодность может возникать и в ответ на внешние обстоятельства, когда женщина оказывается неспособной реализовать свой потенциал «интенсивного материнства», столкнувшись с тяжелыми жизненными ситуациями, насилием, расовым неприятием, социальным неравенством, психологическим дискомфортом.

С этой точки зрения интересны данные группы авторов, опубликованные в журнале *Child Abuse & Neglect*, о трансляции раннего (младенческого и детского) опыта жестокого обращения молодой матери и степени ее холодности по отношению к собственному ребенку. Они дополняют уже имеющиеся данные о природе холодного материнства и вносят новые элементы в традиционные интерпретации последствий жестокого обращения с ребенком в детстве на его собственное будущее родительское поведение [12].

Общеизвестно, что опыт жестокого обращения в детском возрасте (физическое, сексуальное и эмоциональное насилие и пренебрежение) имеет краткосрочные и пролонгированные психологические последствия для социального и психоэмоционального развития ребенка, угрожая ему депрессиями, посттравматическими расстройствами и тревожными симптомами по мере взросления, а также угрожая качеству его межличностных отношений и регуляции эмоций. Если мать такого ребенка подвергалась в детстве подобному отношению, то эти риски усугубляются (она так же относится к собственным детям, выстраивая отношения по известному ей сценарию). Но злоупотребления могут и не передаваться из поколения в поколение. Что же провоцирует такую трансляцию? Проанализированные данные по этой проблеме показали, что триггерами трансляции могут быть возраст матери и характер пережитого ею насилия. В частности, сексуальное насилие, пережитое в возрасте до 21 года, может представлять собой фактор риска передачи травмы следующему поколению на фоне возмож-

ных утяжеляющих обстоятельств (алкоголизация, психический статус, бедность).

Аналогичные данные приводятся и другими исследователями, которые подтверждают, что в общении с собственными детьми возраста 18 месяцев молодые матери с опытом сексуального насилия равнодушны к ним; если же имел место опыт физического насилия (битья), то матери демонстрируют враждебный или навязчивый стиль общения с полуторагодовалым ребенком [41; 28].

Однако исследование Фукс (Fuchs, 2015), в котором анализировалась эмоциональная отзывчивость матерей, подвергавшихся физическому и сексуальному насилию, показывает несколько отличную картину. С собственными годовалыми детьми такие матери менее эмоциональны, чем матери, не имевшие такого опыта, но в более раннем возрасте детей (5 месяцев) их эмоциональная отзывчивость не отличается от эмоциональной отзывчивости матерей без опыта насилия в прошлом. [20].

Если сравнить эти данные с результатами Диксон с соавторами, полученными почти 15 лет назад (Dixon, 2005), картина предстает иная. Они показали, что и через 4—6 недель после рождения ребенка, и через 3—5 месяцев матери с насилием в анамнезе имели признаки дисфункциональности в поведении, демонстрируя менее позитивное отношение к младенцу, меньшую поддержку и низкую эмоциональную отзывчивость [15]. Эти данные сопоставимы с результатами Лессер и Кониак-Гриффин (Lesser и Koniak-Griffin, 2000), опубликованными почти 20 лет назад. По мнению этой группы исследователей, история жестокого обращения с матерью не связана с поведением по уходу в течение первых 12 месяцев [35].

Приходится констатировать противоречивость имеющихся данных о корреляции опыта насилия в жизни матери с ее отношением к собственному ребенку. Возможным объяснением такого резкого расхождения в оценках исследователей могут выступить признаваемые многими учеными различия в стратегиях мониторинговых и патронажных служб в разных странах в разные годы и объем оказываемой ими поддержки раннего материнства.

Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев раннее материнство подвергавшихся в детстве насилию женщин несет на себе отпечаток негативного опыта и начинается с достаточно типичных для многих матерей деструктивных стратегий ухода за ребенком и стиля поведения по отношению к нему. Эти форматы поведения матери хорошо описаны и доказаны. Особое место здесь отводится способности к регуляции эмоций, которая подвержена деформации в большей степени, чем другие [10; 26; 11].

Трудности в регулировании эмоций чаще обнаруживаются у матерей, которые подверглись жестокому обращению, и они в большей степени склонны применять неадаптивные стратегии ухода за своим ребенком, такие как агрессивное поведение или эмоциональные выплески [19].

Исследователи отмечают, что регуляция эмоций, характеризующая взаимодействие матери и ребенка, особо значима в первый год жизни ребенка. В этот период ребенок взаимодействует с матерью посредством выражения лица, взгляда, вокализации и жестов, передачи положительных и отрицательных эмоций. Мать с помощью общения помогает модулировать эмоции ребенка. Тем самым создается система взаимного регулирования, которая может отличаться взаимными интерактивными регулируемыми процессами, включающими координацию эмоциональных состояний (совпадений) матери и ребенка, чередующихся с некоординированными эмоциональными состояниями [40].

Эти механизмы взаимного регулирования формируют основу будущих моделей привязанности и последующей способности ребенка регулировать собственные эмоции. Они оказывают долгосрочное влияние на социально-эмоциональные навыки и психопатологический риск младенца [25]. В условиях рискованного материнства, таких как депрессия и перинатальная тревога, подобные модели не отвечают запросам ребенка [32].

Например, в одной из недавних работ, выполненной совместно сотрудниками университетов США и Бангладеш, приведены данные кросс-культурного исследования психологической дезадаптации детей вследствие отторжения со стороны матери и/или отца [39].

Авторы исходили из глобального характера проблемы детской психологической адаптации в ситуации отторжения родителями, гораздо более острой у детей, чем у взрослых. Они проанализировали такие формы отношения со стороны родителей, как эмоциональное тепло, привязанность, участие в жизни детей. Соответственно альтернативными формами были холодность, враждебность или агрессия, безразличие, недифференцированный отказ от контакта. Авторы впервые применили метаанализ, с тем чтобы проанализировать связь между воспоминаниями родителей о собственном опыте отторжения и о собственном опыте психологической адаптации в сравнении с тем, как они воспринимают своих собственных детей и как дети относятся к ним.

Было проанализировано содержание 102 исследований из 17 стран, в которых в разные годы (с 1976 по 2016 год) приняли участие более 24 тысяч человек. Методологической основой анализа выступила теория межличностного принятия—отторжения детьми своих родителей с отвергающими стилями воспитания, или IPARTtheory.

Авторы рисуют клиническую картину разрушений в структуре личности ребенка с синдромом IPART, в том числе тревожность, незащищенность; гнев, враждебность и проблемы с управлением ими; зависимость или, напротив, защитная (оборонительная) независимость; нарушенная самооценка; невыраженная самодостаточность; эмоциональная нестабильность; эмоциональная безответственность и другие искажения.

Эти нарушения могут проявляться как по отдельности, так и в виде синдромов, включающих в себя до 7—10 нарушений одновременно и в совокупности составлять индивидуальную картину психологической дезадаптации.

По их мнению, отрицание родителей является отражением родительского поведения, которое характеризуется одной или комбинацией четырех основных форм: (а) эмоциональная холодность и отсутствие привязанности, то есть отсутствие или снятие эмоционально выраженной привязанности; (б) враждебность и агрессия, в том числе чувства и проявления вражды, гнева или обиды, приводящие к вредным словесным и физическим действиям по отношению к детям; (в) равнодушие и пренебрежение, включая отсутствие заботы о физических, психологических, эмоциональных и социальных потребностях детей; (д) недифференцированный отказ в контактах, основанный на субъективных убеждениях детей в том, что их родители или опекуны на самом деле не заботятся о них, не хотят их ценить или не любят, даже если не существует очевидных поведенческих признаков того, что родители не ласковы, агрессивны, пренебрежительны или отвергают ребенка иным образом.

Эмоционально нечувствительная мать, часто характеризуемая как «холодная мать», в научной литературе рассматривается существенно шире, чем просто неспособная к адекватным эмоциональным откликам на запросы ребенка.

Холодность к ребенку может быть преходящим явлением раннего периода материнства под воздействием отягощающих факторов — психологической незрелости (неготовности) и низкого социально-экономического статуса. В этом случае она представляет собой некий культуральный диссонанс в системе социально одобряемых нормативов семьи.

Преходящий характер отстраненного отношения матери к маленькому ребенку в связи с депрессивностью матери в семьях с низкими доходами фиксируется многими психологами [29]; специалисты полагают, что депрессия на фоне отсутствия социальной защиты работает как фактор «не поддерживающего» родительского профиля, поскольку на ребенка переносятся внутрисемейные тяготы и происходит скрытое или явное его психологическое отторжение. Депрессивность как самостоятельный внутренний фактор риска холодного материнства будет обсуждаться далее.

Многие авторы не считают необходимым выделять холодное материнство в автономную научную проблему, «ретушируя» этот аспект и рассматривая его внутри общего контекста проблемного поведения столкнувшейся с проблемами материнства депрессивной, нуждающейся, мало(плохо)образованной женщины, очень часто психологически незрелой. Термин «дисфункциональность материнства» ими может не употребляться совсем или применяться не столько к самому поведению матери, сколько к его фону как триггеру холодного поведения.

Например, американские специалисты Медицинской школы и Школы психического здоровья г. Йель опубликовали в феврале 2019 г. в электронной версии *Infant Behavior and Development* статью [14], в которой изложены данные фетальной материнской привязанности (maternal fetal attachment, MFA), относящейся к внутриутробному периоду развития плода как фактору, коррелирующему с качеством складывающегося материнского поведенческого паттерна. Убедительных доказательств значимости этого фактора не получено, однако выявлена связь качества взаимодействия с младенцем после родов с восприятием матерью своего ребенка как не отвечающего ее ожиданиям. Такая дисфункциональность тем выше, чем выше субъективные расхождения ожиданий с реальностью, и это неприятие может сохраняться в течение трех первых лет жизни ребенка.

Одновременно в данном исследовании выяснилось, что материнская депрессивность, диагностируемая во время беременности и в первый год послеродового периода, не оказывает влияния на чувствительность матери в виде интрузивности (участия в деятельности ребенка) и позитивного отношения к нему в последующем.

В целом, депрессивность в предродовом (пренатальном) и послеродовом периодах сегодня представляет собой ведущее направление действий специалистов-превентологов в сфере материнства, поскольку перинатальное психологическое состояние женщины определяет качество ее будущих отношений с ребенком. Если сама депрессия может быть преходящей, то личностные конструкты будущей матери — более стабильны и по ним, как по предикторам, можно судить об уязвимости материнского стиля родительства.

Подтверждение этому можно найти в исследованиях специалистов университетов Сиднея и Брисбена, которые оценивали уязвимость в межличностных отношениях и симптомы депрессии у женщин среднего возраста 29 лет на 18-й неделе беременности и в течение года после родов. К эксперименту были привлечены 812 пар «мать—ребенок», принимавших на тот момент участие в лонгитюдном исследовании ALSPAC (Avon Longitudinal Study of Parents and Children) [31].

Авторы пришли к выводу о том, что на ранней и средней фазах беременности дисфункциональные материнские личностные качества чреваты неблагоприятными последствиями для психического здоровья ребенка в будущем. Решающими свойствами личности матери, определяющими качество ее взаимодействия с ребенком в будущем, могут быть: низкий уровень коммуникабельности, зависимость от мнения окружающих, неуверенность в своих знаниях о процедурах ухода за ребенком и нормативов его развития. В связи с этим австралийские ученые настоятельно рекомендуют учитывать эти признаки при скрининге будущих матерей, поскольку они выступают надежными предикторами качества взаимодействия матери с ребенком в будущем.

Внутренние причины ранней материнской дисфункциональности

Вернемся к вопросу о депрессивности матери как одной из причин ее дисфункциональности в период раннего материнства.

Полученные в последние 3—4 года данные показывают, что вследствие материнской депрессии баланс стратегий «принятие—отвержение» ребенка может сдвигаться в сторону отвержения еще в пренатальном периоде (с частотой от 7 до 20% в популяции детородного возраста) [7].

Как правило, это состояние преходящее, но может принимать хроническую форму, в связи с чем, по мнению ученых, решающая роль в предотвращении материнской дисфункциональности, вызванной депрессией, должна принадлежать патронажным службам, владеющим приемами противостояния пренатальной и постнатальной материнской депрессивности в социально неблагополучных семьях [18].

В исследовании Национального Института психического здоровья (NIMH, США) и регионального центра проблем развития человека (Университет Witwatersrand, Южная Африка) представлены данные мониторинга качества взаимодействия матерей (переживших и не переживших депрессию) со своими детьми через 2 недели, 6, 18 и 36 месяцев после рождения. Большинство обследуемых матерей не имели собственного жилья, постоянной работы и достаточных средств к существованию.

В раскрывающей эту работу мартовской публикации *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry* 2019 г. [18] указано, что действующие стандартизированные стратегии помощи эффективны в случаях материнских ВИЧ, недоедания и алкоголизации, но не работают или плохо работают с депрессивными матерями.

Неэффективность используемых мониторинговых моделей и стратегий помощи матерям, пережившим гестационную депрессию, авторы связывают с тем, что: а) взаимодействие матери с ребенком происходит на уровне «тонких психологических и физиологических настроек», требующих индивидуального а не стандартного подхода; б) модели взаимодействия матери с ребенком, выстраиваемые в ходе тренингов, должны выбираться специалистами в зависимости от состояния матери; в) разные модели взаимодействия в паре «мать—ребенок» требуют разного режима посещения на дому и коррекционного воздействия.

Нескорректированная своевременно депрессивность матери и ее пролонгация в ходе неэффективного вмешательства представляет собой «условно-токсичный» фактор, нивелирующий как эффективность патронажа на дому, так и развитие ребенка. В частности, в отсутствие антидепрессивных материнских тренингов дети меньше и хуже говорят с матерью и менее охотно идут на контакт с окружающими [30; 33].

Публикация 2019 года в *Frontiers in Psychology* отражает результаты исследования, проведенного группой авторов в университете Падуа (Италия). Авторы полагают, что им удалось впервые проанализировать эмоциональную чувствительность (восприимчивость) (*emotion availability*) матери во взаимоотношениях со своим первым ребенком на фоне рисков послеродовой депрессии и наркозависимости.

Была исследована степень выраженности привязанности, враждебности, эмоционального отклика на эмоции ребенка в 68 парах «мать—ребенок» (средний возраст соответственно — 26,5 лет — 2,3 месяца). Рабочая гипотеза была построена на рисках нарушений в раннем воспитании на фоне упомянутых негативных факторов [16].

Оказалось, что у матерей с риском наркозависимости выражены деформации привязанности и других параметров взаимодействия с ребенком. Такие матери неспособны правильно реагировать на сигналы младенца (плач), кричат на него, мимикой выражая раздражение и даже отвращение. Учитывая, что новорожденные подвергались пренатальному воздействию психоактивных веществ через плаценту, существуют риски их ближайшему развитию в когнитивной сфере (внимании, способности к координации ответных действий на раздражители, возбудимости). Следовательно, здесь можно ожидать трудностей «соответствия родительскому структурированию», т. е. ожиданиям социума и подчинения требованиям нового уклада жизни. Такие формы раннего взаимодействия реально токсичны.

Матери с риском послеродовой депрессии также оказались потенциально менее чувствительными и более враждебными по отношению к своим двухмесячным малышам, по сравнению с матерями без риска депрессии. Авторы предположили, что у женщин с риском послеродовой депрессии присутствуют латентные или слабо выраженные формы поведения, связанные со скрытой агрессией или враждебностью, которые вносят глобальный вклад в общую оценку эмоциональной чувствительности матери.

Авторы не считают результаты своих наблюдений безусловными. Подводя итог своему исследованию, они говорят о том, что из всех наблюдаемых матерей — потенциальных наркозависимых — ни одна женщина не была проблемной, хотя у 70% из них были осложненные отношения с ребенком. Время от времени и они были отзывчивыми, теплыми и добрыми, хотя непоследовательными или несогласованными в действиях, по отношению к ребенку.

Авторы пришли к промежуточному выводу о том, что матери с риском наркозависимости «каким-то образом» способны создавать эмоциональную связь со своими детьми, несмотря на постоянные трудности в поддержании чувствительности, ненавязчивости и невраждебности. Иначе говоря, для таких матерей характерны паттерны неустойчивой привязанности. Им может помочь терапевтическое сообщество со своими программами обучения и лечения как защитными инструментами. С другой стороны, почти половина

женщин с депрессивными симптомами проявляют минимальную эмоциональную связь с младенцами, т. е. фактически отстранена от них [24; 36].

Глубинные биологические механизмы ранней материнской дисфункциональности

В одной из публикаций текущего года в издании *Biological Psychology*, посвященной природе отзывчивости (сочувствия) к чужой боли, изложены результаты междисциплинарного эксперимента, проведенного в университете Шенжень (Китай) [17]. Авторы регистрировали у здоровых молодых женщин 18—24 лет электрофизиологические ответные реакции мозга на звуки, издаваемые при острой боли другими людьми. Авторы исходили из того, что эмпатия к боли, или способность к переживанию боли других (в частности, выраженной звуком, например, плачем новорожденных), характерна для адекватного межличностного взаимодействия, а также означает просоциальность поведения и отсутствие агрессии по отношению к переживающему боль. Такое человеческое качество соотносят с активацией коры в так называемом «болевым матриксом» мозга, имеющем сложную структуру.

Исследование показало, что люди с высокой чувствительностью к боли проявляют большую электрофизиологическую реакцию на звуки, исходящие от других людей, страдающих от боли, и активности определенных участков коры головного мозга в своих и чужих болевых точках совпадают [34].

Проведя условную аналогию этих данных с проблемой холодного материнства, мы можем допустить, что отстраненность, равнодушие матери могут быть обусловлены *объективно не зависящими от нее нарушениями нейронных механизмов эмпатии*.

Исследования новейшего времени (2018—2019) дополняют традиционное восприятие психологических проблем дисфункционального материнства, вскрывая их глубокие биологические предпосылки. Оказывается, что проблема холодного материнства не составляет проблему одной пары «мать—ребенок», а ретроспективна и «закамуфлирована» в недрах семейной истории.

Существует феномен «скрытой» материнской холодности, транслируемый в поколениях на генетическом уровне. Он проявляется следующим образом. Дисфункциональный стиль материнства, проявившийся у молодой женщины еще в гестационном периоде и переходящий в хроническую форму, провоцирует у плода сбой в развитии на клеточном уровне, продолжающийся на уровне соматики на протяжении всей жизни и передающийся по межпоколенным связям дальше. Изначальным же триггером служит именно опыт, пережитый молодой матерью [9].

Этот уровень понимания природы холодного материнства стал возможным благодаря использованию теории и технологии биомаркеров клеточного старения. Известно, что взрослению присущи неизбежные процессы клеточного старения: жизнь человека сопро-

вождается естественным процессом сокращения теломер — концевых участков хромосом. Хронические заболевания провоцируют так называемое истощение теломер, т. е. ускоренную потерю их линейных размеров. Насколько сохранены теломеры (т. е. насколько сохранен сам организм) после пережитого стресса? — на этот вопрос сегодня можно ответить.

Рабочие гипотезы о *теломерах как биомаркерах стиля родительства* были опубликованы независимо друг от друга и практически одновременно в разных журналах в первом полугодии 2019 года. Такая синхронность выхода на революционный результат в понимании природы психологического феномена — редкий прецедент в научном мире и свидетельство правоты гипотезы.

Одна из упомянутых работ опубликована в *Psychoneuroendocrinology*. Она раскрывает сущность исследования, выполненного в частном некоммерческом университете Тулейна (штат Луизиана, США) [38]. Авторы разработали и предложили к обсуждению концептуальную модель транспоколенной передачи материнских тяжелых жизненных переживаний потомству через ускоренное старение клеток плаценты. Они считают полученные ими материалы новым словом в концепции транспоколенной передачи материнского неблагоприятного опыта.

В этом эксперименте участвовали около 70 матерей от 18 лет с 4-месячными детьми-первенцами. Период гестации в выборке матерей составлял не менее 39 недель, т. е. младенцы были доношенными. Для матерей была разработана составная метрика рисков в перинатальном периоде, куда вошли тяжелые жизненные обстоятельства, социоэкономический статус, опыт курения, тревожные состояния, неблагоприятный опыт детства, а также отношение к собственному новорожденному (предвзятое холодное, безразличное или теплое и нежное).

При родах брали плацентарные тканевые пробы разного типа (амниона, хориона, ворсинок, пуповины), в которых анализировали длину теломер. Плацента была выбрана как модератор межфакторной связи между материнским детским неблагоприятным опытом и развитием вегетативной нервной системы плода. У детей проводили «тест безжизненного лица» (оценивающий настроенность матери и ребенка друг на друга), чередуя двухминутные периоды свободной игры и маски безразличия на лице матери. Известно, что при отсутствии эмоционального контакта с матерью у ребенка первых месяцев жизни моментально включаются защитные реакции протеста, быстро нивелируемые при восстановлении контакта. У детей снимали также параметры дыхательной синусовой аритмии (нормального состояния новорожденных, которое чувствительно к перинатальным стрессам).

Авторы пришли к выводу, что клеточное старение плаценты влияет на взаимосвязь между негативным отношением матери и реакцией физиологического стресса у младенца. Дети с более короткими плацентарными теломерами отличались повышенными показателями собственного раннего стресса. Также было уста-

новлено, что «клеточный стресс плаценты» провоцирует задержку развития вегетативной нервной системы плода, снижая регуляцию сердечной функции. Это может быть свидетельством того, что период до зачатия уже следует считать подверженным отложенному воздействию материнского раннего стресса на следующие поколения. Детальную проработку картины данного триггерного механизма авторы считают задачей будущего.

Аналогичные данные были получены в исследовании сотрудников университета Лома-Линда (Южная Калифорния) [13]. По сравнению с публикацией университета Тулейна, она более конкретна и рассматривает природу «холодного родительства» (cold parenting) с точки зрения стратегии профилактических вмешательств.

Авторы установили существование связи ускоренного старения клеток и холодного родительства, проведя когортное лонгитюдное исследование (Adventist Health Study) протяженностью 30 лет.

У 199 участников стартового возраста 35—45 лет сравнивали длину теломер в нескольких точках на протяжении нескольких лет. Все участники заполнили анкеты, где отразили свои субъективные ощущения от стиля родительства матери и/или отца в раннем возрасте и указали свое образование и вес на момент анализа теломер.

Оказалось, что спустя 30 лет наблюдения у лиц, опиравших стиль своего воспитания матерью как холодный (агрессивный, не поддерживающий, отвергающий, пренебрежительный), была выявлена тенденция к снижению длины теломер — в среднем на 26% за время эксперимента по сравнению с воспитанными отзывчивой матерью (усредненный условный показатель длины теломер составил соответственно 1,89 и 2,54 единицы); расхождение средней длины теломер у лиц, выросших без матери (1,74) и у холодной матери (1,89), составило лишь 8%. Пролонгированная реакция на наличие отцовской заботы была также выражена, но слабее: параметры теломер составили соответственно у «холодного» отца 2,29, у отзывчивого — 2,59, у не имевших отца — 2,18.

Заключение

Проблема дисфункционального материнства разрабатывается в мире системно как научными коллективами, так и отдельными авторами. Стремительное обновление фактических и теоретических материалов и огромное количество опережающей информации в глобальном информационном пространстве свидетельствует о том, что данная проблема актуальна и вызывает большой интерес. Постоянно обогащаемый опыт диагностики и предотвращения дисфункций в раннем материнском возрасте помогает скорректировать определенные формы девиаций в отношении матери к ребенку в первые месяцы и годы его жизни. Однако он все еще не создает предпосылок построения целостной и научно выверенной модели системного анализа дисфункционального материнства с целью выявления его внутренних механизмов в полном объеме.

Представленные в статье данные, касающиеся проанализированных к настоящему моменту причин дисфункционального материнства и его проявлений, плохо сопоставимы между собой, поскольку они получены в разных условиях и разными методами. Это не позволяет делать однозначные выводы о структуре дисфункционального материнства, единицах (оценочных элементах) анализа этого феномена, результативности рекомендованной патронажной практики в неблагополучных семьях и эффективности предлагаемых превентивных и коррекционных мер.

В отечественной психологии проблема материнства и его девиаций стоит так же остро, как и во всем мире. К числу наиболее фундаментально представляющих эту проблему можно отнести исследования Г.Г. Филипповой [5], посвященные анализу основных

свойств материнства и аспектов его исследования в психологии. Однако данная проблема прямо или косвенно всегда затрагивалась в отечественной психологии и педагогике, например, в цикле исследований М.И. Лисиной и ее учеников, касающихся вопросов развития ребенка в условиях дефицитарного и полноценного общения с матерью, или работах, посвященных проблемам личностного развития индивида [1], развития безопасной жизнедеятельности ребенка в подростковом возрасте [3; 4], в исследовании психологической неустойчивости школьников как причины их неуспеваемости [2] и многих других.

Представители разных наук всегда стремились вскрыть его причины и по возможности устранить их. Проанализированные в статье данные свидетельствуют о существенном продвижении ученых в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психологическая неустойчивость как причина неуспешности школьников / Н.В. Савицкая [и др.] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 64—75. doi:10.17759/jmfp.2019080107
2. Пьянкова Л.А. Материнство как феномен развития общества и личности. Новокузнецк: КузГТУ, 2016. 46 с.
3. Савицкая Н.В. Социально-педагогическое сопровождение развития безопасной жизнедеятельности обучающихся учреждений среднего профессионального образования: дисс. ... канд. пед. наук. М., 2013. 253 с.
4. Савицкая Н.В., Торохтий В.С. Методика социально-педагогического сопровождения развития безопасной жизнедеятельности обучающихся учреждений среднего профессионального образования: Социальный инструментарий. М.: Московский городской педагогический университет, 2013. 70 с.
5. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Институт психотерапии, 2002. 240 с.
6. A Home Visiting Parenting Program and Child Obesity: A Randomized Trial / M.R. Ordway [et al.] // Pediatrics. 2018. Vol. 141. № 2. doi:10.1542/peds.2017-1076
7. Ahun M.N., Côté S.M. Maternal depressive symptoms and early childhood cognitive development: A review of putative environmental mediators // Archives of Women's Mental Health. 2019. Vol. 22. № 1. P. 15—22. doi:10.1007/s00737-018-0870-x
8. Associations Between Maternal Caregiving and Child Indicators of Toxic Stress Among Multiethnic, Urban Families / E.M. Condon [et al.] // Journal of Pediatric Health Care. 2019. Vol. 33. № 4. P. 425—436. doi:10.1016/j.pedhc.2018.12.002
9. Bale T.L. Epigenetic and transgenerational reprogramming of brain development // Nature Reviews Neuroscience. 2015. Vol. 16. P. 332—344. doi:10.1038/nrn3818
10. Briere J., Jordan C.E. Childhood maltreatment, intervening variables, and adult psychological difficulties in women an overview // Trauma, Violence & Abuse. 2009. Vol. 10. № 4. P. 375—388. doi:10.1177/1524838009339757
11. Child maltreatment types and risk behaviors: Associations with attachment style and emotion regulation dimensions / A. Oshri [et al.] // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 73. P. 127—133. doi:10.1016/j.paid.2014.09.015
12. Childhood experiences of maltreatment, reflective functioning and attachment in adolescent and young adult mothers: Effects on mother-infant interaction and emotion regulation / C.R. Crugnola [et al.] // Child Abuse & Neglect. 2019. Vol. 93. P. 277—290. doi:10.1016/j.chiabu.2019.03.024
13. Cold parenting is associated with cellular aging in offspring: A retrospective study / R. Knutsen [et al.] // Biological Psychology. 2019. Vol. 145. P. 142—149. doi:10.1016/j.biopsycho.2019.03.013
14. Dau A.L.B.T.B.T., Callinan L.S., Smith M.V. An examination of the impact of maternal fetal attachment, postpartum depressive symptoms and parenting stress on maternal sensitivity // Infant Behavior and Development. 2019. Vol. 54. P. 99—107. doi:10.1016/j.infbeh.2019.01.001
15. Dixon L., Hamilton-Giachritsis C., Browne K. Attributions and behaviours of parents abused as children: A mediational analysis of the intergenerational continuity of child maltreatment (Part II) // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2005. Vol. 46. № 1. P. 58—68. doi:10.1111/j.1469-7610.2004.00340.x
16. Emotional Availability in Samples of Mothers at High Risk for Depression and With Substance Use Disorder / A. Frigerio [et al.] // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.00577
17. Hearing other's pain is associated with sensitivity to physical pain: an ERP study / Y. Liu [et al.] // Biological Psychology. 2019. Vol. 145. P. 150—158. doi:10.1016/j.biopsycho.2019.03.011
18. Home Visiting and Antenatal Depression Affect the Quality of Mother and Child Interactions in South Africa / J. Christodoulou [et al.] // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2019. Vol. 58. № 12. P. 1165—1174. doi:10.1016/j.jaac.2019.03.016

19. How does child abuse history influence parenting of the next generation? / M.K. Ehrensaft [et al.] // *Psychology of Violence*. 2015. Vol. 5. № 1. P. 16—25. doi:10.1037/a0036080
20. Impact of a maternal history of childhood abuse on the development of mother—infant interaction during the first year of life / A. Fuchs [et al.] // *Child Abuse & Neglect*. 2015. Vol. 48. P. 179—189. doi:10.1016/j.chiabu.2015.05.023
21. Impact of dysfunctional maternal personality traits on risk of offspring depression, anxiety and self-harm at age 18 years: a population-based longitudinal study / R.M. Pearson [et al.] // *Psychological Medicine*. 2018. Vol. 48. № 1. P. 50—60. doi:10.1017/S0033291717001246
22. *Khaleque A.* Perceived parental hostility and aggression, and children's psychological maladjustment, and negative personality dispositions: A Meta-analysis // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26. № 4. P. 977—988. doi:10.1007/s10826-016-0637-9
23. *Khaleque A., Ali S.* A Systematic review of meta-analyses of research on interpersonal acceptance-rejection theory: Constructs and measures // *Journal of Family Theory & Review*. 2017. Vol. 9. № 4. P. 471—458. doi:10.1111/jftr.12228
24. Maternal and paternal depression and anxiety: their relationship with motherinfant interactions at 3 months / E. Ierardi [et al.] // *Archives of Women's Mental Health*. 2019. Vol. 22. № 4. P. 527—533. doi:10.1007/s00737-018-0919-x
25. Maternal reflective functioning among mothers with childhood mal- treatment histories: Links to sensitive parenting and infant attachment security / A.M. Stacks [et al.] // *Attachment & Human Development*. 2014. Vol. 16. № 5. P. 515—533. doi:10.1080/14616734.2014.935452
26. *Maughan A., Cicchetti D.* Impact of child maltreatment and interadult violence on children's emotion regulation abilities and socioemotional adjustment // *Child Development*. 2002. Vol. 73. № 5. P. 1525—1542. doi:10.1111/1467-8624.00488
27. Parental reflective functioning: An approach to enhancing parent-child relationships in pediatric primary care / M.R. Ordway [et al.] // *Journal of Pediatric Health Care*. 2015. Vol. 29. № 4. P. 325—334. doi:10.1016/j.pedhc.2014.12.002
28. Parenting stress mediates between maternal maltreatment history and maternal sensitivity in a community sample / J. Pereira [et al.] // *Child Abuse & Neglect*. 2012. Vol. 36. № 5. P. 433—437. doi:10.1016/j.chiabu.2012.01.00
29. *Paschall K.W., Mastergeorge A.M.* A Longitudinal, Person-Centered Analysis Of Early Head Start Mothers' Parenting // *Infant Mental Health Journal*. 2008. Vol. 39. № 1. P. 70—84. doi:10.1002/imhj.21686
30. Physiological attunement in mother—infant dyads at clinical high risk: The influence of maternal depression and positive parenting / C.L. Hendrix [et al.] // *Development and psychopathology*. 2018. Vol. 30. № 2. P. 623—634. doi:10.1017/S0954579417001158
31. Prenatal maternal personality as an early predictor of vulnerable parenting style / H.R. Karen [et al.] // *Archives of Women's Mental Health*. 2019. Vol. 22. № 6. doi:10.1007/s00737-019-00963-7
32. Reflective functioning, maternal attachment, mind-mindedness, and emotional availability in adolescent and adult mothers at infant 3 months / R. Crugnola [et al.] // *Attachment & Human Development*. 2018. Vol. 20. № 1. P. 84—106. doi:10.1080/14616734.2017.1379546
33. *Singla D.R., Kumbakumba E., Aboud F.E.* Effects of a parenting intervention to address maternal psychological wellbeing and child development and growth in rural Uganda: a community-based, cluster-randomised trial // *The Lancet Global Health*. 2015. Vol. 3. № 8. P. 458—469. doi:10.1016/S2214-109X(15)00099-6
34. The Anatomy of Suffering: Understanding the Relationship between Nociceptive and Empathic Pain / J. Zaki [et al.] // *Trends in cognitive sciences*. 2016. Vol. 20. № 4. P. 249—259. doi:10.1016/j.tics.2016.02.003
35. The impact of physical or sexual abuse on chronic depression in adolescent mothers / J. Lesser [et al.] // *Journal of Pediatric Nursing*. 2000. Vol. 15. № 6. P. 378—387. doi:10.1053/jpdn.2000.16714
36. The joint contributions of maternal depression and infant negative emotionality to maternal sensitivity to infant distress / C.A.M. Cecil [et al.]. *PsyArXiv [Preprint]*. 2017. 34 p. doi:10.31234/osf.io/7pshj
37. The parental reflective functioning questionnaire: Development and preliminary validation / P. Luyten [et al.] // *PLoS One*. 2017. Vol. 12. № 5. e0176218. 28 p. doi:10.1371/journal.pone.0176218
38. The transgenerational transmission of maternal adverse childhood experiences (ACEs): Insights from placental aging and infant autonomic nervous system reactivity / C.W. Jones [et al.] // *Psychoneuroendocrinology*. 2019. Vol. 106. P. 20—27. doi:10.1016/j.psyneuen.2019.03.022
39. They Love Me Not: A Meta-Analysis of Relations Between Parental Undifferentiated Rejection And Offspring's Psychological Maladjustment / S. Ali [et al.] // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2019. Vol. 50. № 2. P. 185—199. doi:10.1177/0022022118815599
40. *Tronick E., Beeghly M.* Infants' meaning-making and the development of mental health problems // *The American Psychologist*. 2011. Vol. 66. № 2. P. 107—119. doi:10.1037/a0021631
41. *Vaillancourt K., Pawlby S., Fearon R.M.P.* History of childhood abuse and mother—Infant interaction: A systematic review of observational studies // *Infant Mental Health Journal*. 2017. Vol. 38. № 2. P. 226—248. doi:10.1002/imhj.21634
42. *Valcan D.S.* Parental Behaviours Predicting Early Childhood Executive Functions: a Meta-Analysis // *Educational Psychology Review*. 2018. Vol. 30. № 3. P. 607—649. doi:10.1007/s10648-017-9411-9

The problem of dysfunctional motherhood in the latest foreign researches

Ermolova T.V.,

*candidate of psychological sciences, head of the chair of foreign and Russian philology,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
yermolova@mail.ru*

Ivolina T.V.,

*assistant professor of the Department of Foreign and Russian philology, Moscow State University
of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ivolina-tatyana@yandex.ru*

Dedova O.V.,

*assistant professor of the Department of Foreign and Russian philology, Moscow State University
of Psychology & Education, Moscow, Russia,
olgadedova2007@gmail.com*

Litvinov A.V.,

*candidate of pedagogical sciences, professor of the chair of foreign and Russian philology,
Moscow State University of Psychology & Education, associate professor at Foreign Languages Department
at the Faculty of Economics (RUDN University), Moscow, Russia,
alial01@yandex.ru*

The article analyzes updated foreign empirical developments on the problem of early dysfunctional motherhood. The article is based on the idea of dysfunctional motherhood as a historically evolving psychological phenomenon with multiple risk factors for the health of the child in the first years of life. In view of the discreteness of the evidence, the authors confined their analysis to the diversity of internal and external causes of early deviant motherhood. These are the environmental and biological (genetic) prerequisites of the “hidden” maternal coldness. The last were examined with the help of placenta telomeres as the biomarkers of the parenthood style. Telomeres proved to bear the traces of the deferred exposure of maternal early stress and its influence on the following generations. Maternal coldness also seems to be a latent mechanism of deviant behavior during gestational and postpartum depression and disturbances of neural empathy mechanisms and deformation of attachment. The article also discusses the American model of the relationship of maternity style with indicators of toxic stress in children in which the innovative factor of reflexive functioning of the parent is analyzed.

Keywords: parent functioning, dysfunctional motherhood, cold mother, gestational depression, biomarkers, internal and external risk factors.

REFERENCES

1. Savitskaya N.V. et al. Psikhologicheskaya neustoichivost' kak prichina neuspeshnosti shkol'nikov [Low psychological resilience as a reason of low academic performance in schoolchildren]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2019. Vol. 8, no. 1, pp. 64—75. doi:10.17759/jmfp.2019080107. (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. P'yankova L.A. Materinstvo kak fenomen razvitiya obshchestva i lichnosti [Motherhood as a phenomenon in the development of society and personality]. Novokuznetsk: KuzGTU, 2016. 46 p. (In Russ.).
3. Savitskaya N.V. Sotsial'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie razvitiya bezopasnoi zhiznedeyatel'nosti obuchayushchikhsya uchrezhdenii srednego professional'nogo obrazovaniya. Diss. kandidata pedagogicheskikh nauk. [Social and pedagogical support for the development of safe life of students in secondary vocational education. Candidate Pedagogical diss.]. Moscow, 2013. 253 p. (In Russ.).
4. Savitskaya N.V., Torokhtii V.S. Metodika sotsial'no-pedagogicheskogo soprovozhdeniya razvitiya bezopasnoi zhiznedeyatel'nosti obuchayushchikhsya uchrezhdenii srednego professional'nogo obrazovaniya: Sotsial'nyi instrumentarii [The methodology of social and pedagogical support for the development of safe life of students in secondary vocational education institutions: Social tools]. Moscow: Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet, 2013. 70 p. (In Russ.).
5. Filippova G.G. Psikhologiya materinstva [The psychology of motherhood]. Moscow: Institut Psikhoterapii, 2002. 240 p. (In Russ.).
6. Ordway M.R. et al. A Home Visiting Parenting Program and Child Obesity: A Randomized Trial. *Pediatrics*, 2018. Vol. 141, no. 2. doi:10.1542/peds.2017-1076

7. Ahun M.N., Côté S.M. Maternal depressive symptoms and early childhood cognitive development: A review of putative environmental mediators. *Archives of Women's Mental Health*, 2019. Vol. 22, no. 1, pp. 15—22. doi:10.1007/s00737-018-0870-x
8. Condon E.M. et al. Associations Between Maternal Caregiving and Child Indicators of Toxic Stress Among Multiethnic, Urban Families. *Journal of Pediatric Health Care*, 2019. Vol. 33, no. 4, pp. 425—436. doi:10.1016/j.pedhc.2018.12.002
9. Bale T.L. Epigenetic and transgenerational reprogramming of brain development. *Nature Reviews Neuroscience*, 2015. Vol. 16, pp. 332—344. doi:10.1038/nrn3818
10. Briere J., Jordan C.E. Childhood maltreatment, intervening variables, and adult psychological difficulties in women an overview. *Trauma, Violence & Abuse*, 2009. Vol. 10, no. 4, pp. 375—388. doi:10.1177/1524838009339757
11. Oshri A. et al. Child maltreatment types and risk behaviors: Associations with attachment style and emotion regulation dimensions. *Personality and Individual Differences*, 2015. Vol. 73, pp. 127—133. doi:10.1016/j.paid.2014.09.015
12. Crugnola C.R. et al. Childhood experiences of maltreatment, reflective functioning and attachment in adolescent and young adult mothers: Effects on mother-infant interaction and emotion regulation. *Child Abuse & Neglect*, 2019. Vol. 93, pp. 277—290. doi:10.1016/j.chiabu.2019.03.024
13. Knutsen R. et al. Cold parenting is associated with cellular aging in offspring: A retrospective study. *Biological Psychology*, 2019. Vol. 145, pp. 142—149. doi:10.1016/j.biopsycho.2019.03.013
14. Dau A.L.B.T.B.T., Callinan L.S., Smith M.V. An examination of the impact of maternal fetal attachment, postpartum depressive symptoms and parenting stress on maternal sensitivity. *Infant Behavior and Development*, 2019. Vol. 54, pp. 99—107. doi:10.1016/j.infbeh.2019.01.001
15. Dixon L., Hamilton-Giachritsis C., Browne K. Attributions and behaviours of parents abused as children: A mediational analysis of the intergenerational continuity of child maltreatment. Part II. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2005. Vol. 46, no. 1, pp. 58—68. doi:10.1111/j.1469-7610.2004.00340.x
16. Frigerio A. et al. Emotional Availability in Samples of Mothers at High Risk for Depression and With Substance Use Disorder. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.00577
17. Liu Y. et al. Hearing other's pain is associated with sensitivity to physical pain: an ERP study. *Biological Psychology*, 2019. Vol. 145, pp. 150—158. doi:10.1016/j.biopsycho.2019.03.011
18. Christodoulou J. et al. Home Visiting and Antenatal Depression Affect the Quality of Mother and Child Interactions in South Africa. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 2019. Vol. 58, no. 12, pp. 1165—1174. doi:10.1016/j.jaac.2019.03.016
19. Ehrensaft M.K. et al. How does child abuse history influence parenting of the next generation? *Psychology of Violence*, 2015. Vol. 5, no. 1, pp. 16—25. doi:10.1037/a0036080
20. Fuchs A. et al. Impact of a maternal history of childhood abuse on the development of mother—infant interaction during the first year of life. *Child Abuse & Neglect*, 2015. Vol. 48, pp. 179—189. doi:10.1016/j.chiabu.2015.05.023
21. Pearson R.M. et al. Impact of dysfunctional maternal personality traits on risk of offspring depression, anxiety and self-harm at age 18 years: a population-based longitudinal study. *Psychological Medicine*, 2018. Vol. 48, no. 1, pp. 50—60. doi:10.1017/S0033291717001246
22. Khaleque A. Perceived parental hostility and aggression, and children's psychological maladjustment, and negative personality dispositions: A Meta-analysis. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 4, pp. 977—988. doi:10.1007/s10826-016-0637-9
23. Khaleque A., Ali S. A Systematic review of meta-analyses of research on interpersonal acceptance-rejection theory: Constructs and measures. *Journal of Family Theory & Review*, 2017. Vol. 9, no. 4, pp. 471—458. doi:10.1111/jftr.12228
24. Ierardi E. et al. Maternal and paternal depression and anxiety: their relationship with mother-infant interactions at 3 months. *Archives of Women's Mental Health*, 2019. Vol. 22, no. 4, pp. 527—533. doi:10.1007/s00737-018-0919-x
25. Stacks A.M. et al. Maternal reflective functioning among mothers with childhood mal-treatment histories: Links to sensitive parenting and infant attachment security. *Attachment & Human Development*, 2014. Vol. 16, no. 5, pp. 515—533. doi:10.1080/14616734.2014.935452
26. Maughan A., Cicchetti D. Impact of child maltreatment and interadult violence on children's emotion regulation abilities and socioemotional adjustment. *Child Development*, 2002. Vol. 73, no. 5, pp. 1525—1542. doi:10.1111/1467-8624.00488
27. Ordway M.R. et al. Parental reflective functioning: An approach to enhancing parent-child relationships in pediatric primary care. *Journal of Pediatric Health Care*, 2015. Vol. 29, no. 4, pp. 325—334. doi:10.1016/j.pedhc.2014.12.002
28. Pereira J. et al. Parenting stress mediates between maternal maltreatment history and maternal sensitivity in a community sample. *Child Abuse & Neglect*, 2012. Vol. 36, no. 5, pp. 433—437. doi:10.1016/j.chiabu.2012.01.006
29. Paschall K.W., Mastergeorge A.M. A Longitudinal, Person-Centered Analysis Of Early Head Start Mothers' Parenting. *Infant Mental Health Journal*, 2008. Vol. 39, no. 1, pp. 70—84. doi:10.1002/imhj.21686
30. Hendrix C.L. et al. Physiological attunement in mother—infant dyads at clinical high risk: The influence of maternal depression and positive parenting. *Development and psychopathology*, 2018. Vol. 30, no. 2, pp. 623—634. doi:10.1017/S0954579417001158

31. Karen H.R. et al. Prenatal maternal personality as an early predictor of vulnerable parenting style. *Archives of Women's Mental Health*, 2019. Vol. 22, no. 6. doi:10.1007/s00737-019-00963-7
32. Crugnola R. et al. Reflective functioning, maternal attachment, mind-mindedness, and emotional availability in adolescent and adult mothers at infant 3 months. *Attachment & Human Development*, 2018. Vol. 20, no. 1, pp. 84—106. doi:10.1080/14616734.2017.1379546
33. Singla D.R., Kumbakumba E., Aboud F.E. Effects of a parenting intervention to address maternal psychological wellbeing and child development and growth in rural Uganda: a community-based, cluster-randomised trial. *The Lancet Global Health*, 2015. Vol. 3, no. 8, pp. 458—469. doi:10.1016/S2214-109X(15)00099-6
34. Zaki J. et al. The Anatomy of Suffering: Understanding the Relationship between Nociceptive and Empathic Pain. *Trends in cognitive sciences*, 2016. Vol. 20, no. 4, pp. 249—259. doi:10.1016/j.tics.2016.02.003
35. Lesser J. et al. The impact of physical or sexual abuse on chronic depression in adolescent mothers. *Journal of Pediatric Nursing*, 2000. Vol. 15, no. 6, pp. 378—387. doi:10.1053/jpdn.2000.16714
36. Cecil C.A.M. et al. The joint contributions of maternal depression and infant negative emotionality to maternal sensitivity to infant distress. *PsyArXiv [Preprint]*, 2017. doi:10.31234/osf.io/7pshj
37. Luyten P. et al. The parental reflective functioning questionnaire: Development and preliminary validation. *PLoS One*, 2017. Vol. 12, no. 5. e0176218. 28 p. doi:10.1371/journal.pone.0176218
38. Jones C.W. et al. The transgenerational transmission of maternal adverse childhood experiences (ACEs): Insights from placental aging and infant autonomic nervous system reactivity. *Psychoneuroendocrinology*, 2019. Vol. 106, pp. 20—27. doi:10.1016/j.psyneuen.2019.03.022
39. Ali S. et al. They Love Me Not: A Meta-Analysis of Relations Between Parental Undifferentiated Rejection And Offspring's Psychological Maladjustment. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2019. Vol. 50, no. 2, pp. 185—199. doi:10.1177/0022022118815599
40. Tronick E., Beeghly M. Infants' meaning-making and the development of mental health problems. *The American Psychologist*, 2011. Vol. 66, no. 2, pp. 107—119. doi:10.1037/a0021631
41. Vaillancourt K., Pawlby S., Fearon R.M.P. History of childhood abuse and mother—Infant interaction: A systematic review of observational studies. *Infant Mental Health Journal*, 2017. Vol. 38, no. 2, pp. 226—248. doi:10.1002/imhj.21634
42. Valcan D.S. Parental Behaviours Predicting Early Childhood Executive Functions: a Meta-Analysis. *Educational Psychology Review*, 2018. Vol. 30, no. 3, pp. 607—649. doi:10.1007/s10648-017-9411-9

Факторы родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста: анализ зарубежных исследований

Савеньшева С.С.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии
факультета психологии, ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
owlsveta@mail.ru

Аникина В.О.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психического здоровья и раннего сопровождения
детей и родителей факультета психологии, ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
v.anikina@spbu.ru

Мельдо Э.В.,

магистр кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей
факультета психологии, ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
tusik.93@mail.ru

В статье рассматривается феномен родительского стресса: понятие, структура и факторы, влияющие на его возникновение. Анализ зарубежных исследований выявил 3 основные группы факторов родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста: характеристики ребенка, личностные особенности и социально-демографические характеристики матери, социально-психологические факторы. Исследование показало, что родительский стресс матерей детей раннего и дошкольного возраста связан с темпераментом ребенка, характеристиками его здоровья и возрастом. Среди личностных особенностей наиболее тесные связи обнаружены с нейротизмом матери и ее оценкой самоэффективности, также выявлено влияние депрессии и психопатологии. Опыт пренебрежительного и жестокого обращения в детстве, низкий уровень удовлетворенности браком и низкий уровень социальной поддержки способствуют усилению родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста.

Ключевые слова: родительский стресс, факторы родительского стресса, матери детей раннего и дошкольного возраста.

Для цитаты:

Савеньшева С.С., Аникина В.О., Мельдо Э.В. Факторы родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста: анализ зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 38—48. doi: 10.17759/jmfp.2019080404

For citation:

Savenysheva S.S., Anikina V.O., Meldo E.V. Factors of parenting stress in mothers of young and preschool children: an analysis of foreign studies [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 38—48. doi: 10.17759/jmfp.2019080404 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

В последние десятилетия отношение к ребенку в обществе и семье претерпевает значительные изменения, как в России, так и зарубежом: все более распространенной становится малодетная семья, меняется стиль воспитания. Для многих современных родителей характерны большая вовлеченность в воспитание и развитие детей, большие требования к себе как родителю, стремление быть «идеальным родителем». При этом появление ребенка в семье всегда связано с тем, что у взрослого, который будет заботиться о ребенке и воспитывать его, появляется много забот, связанных с уходом за ним и его воспитанием, между ними формируются качественно иные отношения, чем с партнером, т. е. можно говорить о возникновении у взрослого новой роли — родительской. Как отмечают ученые, многие родители сталкиваются с трудностями, кото-

рые связаны с адаптацией к своей родительской роли. Так, А. Солмейер и М. Фейнберг указывают, что в силу того, что родители совмещают свои новые обязанности или из-за проблем взаимодействия со своим ребенком они могут чувствовать себя «в ловушке» своей родительской роли, в результате чего испытывать стресс. Становление родителей нередко сопровождается множеством новых проблем, связанных с психологическими ресурсами матери и отца и тем, как они приспособляются к своей новой роли, что влияет на их личное благополучие, на воспитание и развитие их ребенка [31].

Позднее родители могут начать переживать трудности, связанные с воспитанием ребенка/детей, так как им необходимо интегрировать собственный опыт детства и установки своих родителей, современные

знания в области воспитания детей (особенно если они противоречат друг другу) и индивидуальные особенности собственного ребенка. Все это приводит к возникновению родительского стресса (далее РС) у родителей (чаще матерей) уже на самых ранних этапах родительства. В последнее время психологи начинают говорить уже не просто о РС, а о родительском эмоциональном выгорании [33].

Как показывают исследования, РС может привести как к возникновению различных проблем у самих родителей (депрессия, невротизация личности, хронические заболевания), так и к отклонениям в детско-родительских отношениях (гипоопека, жестокое обращение, гиперсоциализация и т. д.), что, в свою очередь, сказывается на развитии детей — эмоциональных трудностях и нарушениях поведения.

В своем исследовании С. Нэм и Дж. Чан обнаружили, что РС в значительной степени связан со стилем воспитания [21]. Например, матери, которые показывают более низкий уровень стресса, демонстрируют более позитивный стиль воспитания. Ряд других авторов, на которых ссылается К. Дитер-Деккард, обнаружили, что родители с более высокими показателями стресса авторитарны, грубы, негативны и меньше вовлечены в отношения со своими детьми [7]. Было также обнаружено, что больший РС, связанный с воспитанием детей, предсказывает больше эмоциональных и поведенческих проблем у детей 3 лет [14].

РС в настоящее время активно исследуется за рубежом, преимущественно в семьях с детьми, имеющими проблемы в развитии (заболевания, отклонения в психическом развитии и т. д.). В последние годы исследователи все чаще стали изучать обычные семьи, подчеркивая, что РС может возникать и в них. При этом следует отметить практически полное отсутствие исследований РС в России. В связи с этим мы решили обратиться к анализу зарубежных исследований РС матерей детей раннего и дошкольного возраста (так как именно в эти периоды отмечается наиболее высокий уровень РС), и в первую очередь факторов, способствующих возникновению РС, так как их выявление дает возможность разработки программ профилактики РС.

Понятие «родительский стресс».

Исследователи обратили внимание на проблему РС сравнительно недавно — в 80-х годах XX века. Первым о РС писал Р. Лазарус, в дальнейшем более подробно данный феномен стали изучать Р. Абидин и К. Дитер-Деккард.

Р. Абидин определяет РС как негативную реакцию в отношении себя и/или ребенка, возникающую при оценке уровня загруженности родительской ролью. Также РС, по аналогии с определением понятия стресса, рассматривается им как отсутствие баланса между восприятием требований родительства и восприятием существующих у взрослого ресурсов для решения задач родительства [1].

К. Дитер-Деккард давал аналогичное определение РС. Он писал, что «РС переживается в форме негативных

чувств по отношению к себе и к ребенку или детям, и, по определению, эти негативные чувства напрямую связаны с требованиями родительства» [7, с. 315]. РС возникает, когда родители ощущают недостаток ресурсов для исполнения требований родительской роли и испытывают сложности с приспособлением к ней [8].

К. Дитер-Деккард также утверждал, что РС свойственен всем родителям независимо от их собственных качеств и характеристик их детей, их социально-экономических условий и системы поддержки; все родители испытывают РС в той или иной степени со своими индивидуальными отличиями в нем [7].

В дальнейшем большая часть авторов при изучении РС придерживалась определения РС как чувств, возникающих, когда изменения и требования, связанные с родительской ролью, превышают существующие ресурсы для совладания с ними [24, 22 и др.].

Исходя из вышесказанного, мы будем рассматривать РС как дисбаланс между восприятием требований родительства и восприятием наличных ресурсов у родителей, что, в свою очередь, может быть связано как с особенностями детей, так и с особенностями самих родителей.

Позднее исследователи также начали рассматривать РС в рамках теории повседневного стресса. К. Крник и М. Гринберг представили модель родительского повседневного стресса, в которой РС рассматривался в плоскости небольших, незначительных стрессовых событий, касающихся повседневных напряжений и раздражающих ситуаций, сопровождающих уход за детьми и типичное, но часто сложное/проблемное поведение детей [6].

Нужно отметить, что в современной литературе используются оба понятия — «родительский стресс» и «родительский повседневный стресс».

В *структуре* РС, как правило, выделяют стресс, связанный с ребенком, и стресс, связанный с родителем. Стресс, связанный с родителем, в свою очередь, может быть связан как с ограничениями в различных сферах жизни, навязанными родительской ролью (например, сократившееся время на сон и досуг из-за увеличившихся требований к роли родителя), так и восприятием себя как неэффективного, некомпетентного родителя.

Р. Абидин выделяет 2 основных типа РС: РС, связанный с ребенком, и РС, связанный с родителем. К параметрам стресса, связанного с ребенком, относятся расстройства дефицита внимания и гиперактивности, сложности в адаптации у ребенка, не поддерживающее взаимодействие со стороны ребенка, требовательность ребенка, негативный фон настроения ребенка, непринятие со стороны ребенка. В параметры стресса, связанного с родителем включены: некомпетентность в воспитании, ощущение изоляции, низкий уровень привязанности к ребенку, проблемы со здоровьем у родителя, ограничение родительской ролью, депрессия, отношения с супругом/партнером. В структуру РС Р. Абидин также включает жизненные стрессы,

однако нам видится это как отдельный компонент стресса в структуре РС [1].

К. Крник и М. Гринберг описали 2 типа родительских стрессоров в повседневной жизни. Первая группа включает стрессоры, относящиеся к ежедневной рутине, связанной с уходом за ребенком (например, подготовка его к школе, ссоры сиблингов, планирование, работа по хозяйству), тогда как вторая группа больше относится к нежелательному поведению ребенка (нытье, плохое поведение, трудности в воспитании). Они обнаружили, что родительские стрессоры второй группы более тесно связаны с поведенческими проблемами у детей, чем стрессоры первой группы [6].

Рассмотрим теперь более подробно исследования факторов и условий, способствующих возникновению РС. Проведенный нами анализ позволил выделить следующие три группы факторов РС: 1) характеристики ребенка (проблемы со здоровьем, отклонения в развитии, «трудный» темперамент, проблемы поведения, пол и возраст ребенка); 2) характеристики родителя (личностные особенности, здоровье, социально-демографические характеристики (возраст, семейное положение, количество детей, образование, финансовое положение, профессиональная занятость)); 3) поддержка со стороны близких (отношения с супругом, с родителями, социальная поддержка в целом).

Характеристики ребенка как фактор родительского стресса матерей

Помимо того, что родитель выполняет обязанности по уходу и воспитанию своего ребенка раннего возраста, которые требуют от него много сил, он также сталкивается с особенностями ребенка, которые могут добавить трудностей и хлопот и влиять на возникновение/усиление РС у близкого взрослого. Особенности ребенка касаются показателей его здоровья и развития, а также эмоционального состояния, темперамента и поведения, но помимо этого можно отметить, что пол и возраст ребенка также могут быть связаны с РС.

Здоровье и особенности развития ребенка.

Рассмотрим исследования влияния здоровья ребенка на РС. В исследовании РС в семьях с детьми, имеющими заболевания сердца, было обнаружено, что родители этой группы детей с большей вероятностью сообщали о повышенном РС по сравнению с нормативными данными, и эти показатели были наиболее тесно связаны с характеристиками ребенка (в основном поведенческими), которые могут затруднить выполнение родительской роли [34]. При этом авторы обнаружили, что стресс родителей не был связан с тяжестью сердечного заболевания ребенка.

В другом исследовании по изучению показателей стресса у родителей детей с эпилепсией было обнаружено, что полученное детьми лечение данного заболевания, которое было направлено на снижение частоты

приступов, привело к уменьшению показателей РС, особенно в «детской сфере» в подшкалах «настроение» и «подкрепление родителей», а также были снижены показатели подшкалы «изоляция» в «родительской сфере» [35].

О связи поведенческих нарушений с РС вследствие болезни также писали К. Чавес и соавторы. Они обнаружили, что приобретенная черепно-мозговая травма в детстве обычно вызывает проблемы с поведением у ребенка и высокий уровень стресса в семье [23].

Я. Олмогбел и коллеги утверждают, что существует значительная связь между РС и уровнем функциональных нарушений у детей с нарушением нервно-психического развития [4]. В исследовании стресса в семьях с детьми, имеющими задержку когнитивного развития, было обнаружено, что матери с детьми, имеющими более сниженное интеллектуальное функционирование, испытывали больший стресс [26].

Отдельный аспект проблем здоровья и развития представляет проблема недоношенных детей. Рождение ребенка раньше срока само по себе вызывает стресс у матери, к которому добавляется стресс, связанный со здоровьем и дальнейшим развитием ребенка. Матери недоношенных детей испытывают стресс, который в значительной степени объясняется особенностями младенцев с маленьким сроком гестации. Недоношенные дети часто демонстрируют на ранних этапах меньшую эмоциональную отзывчивость, что, в сочетании с невозможностью близкого контакта на ранних этапах развития, усложняет формирование позитивных отношений близкого взрослого и младенца. Поэтому весьма актуальным является анализ исследований РС у родителей недоношенных детей.

Сравнительное исследование уровня РС матерей недоношенных детей и матерей детей, родивших ребенка в срок, показало более высокий уровень РС у матерей недоношенных детей [24]. Причем РС может сохраняться даже после снижения риска для жизни и здоровья ребенка. Так, было обнаружено, что РС в группе матерей с недоношенными детьми продолжает оставаться высоким в течение 2 лет жизни ребенка, увеличиваясь с течением времени [13]. Родители сильно недоношенных детей нуждаются в социальной поддержке в течение многих лет после рождения такого ребенка [32].

В целом, вышеописанные исследования показывают наличие связи между показателями состояния здоровья ребенка и показателями РС.

Темперамент, поведение и эмоциональное состояние ребенка.

Родитель может столкнуться с проявлениями особенностей темперамента и поведения своего ребенка, которые тем или иным образом могут сказаться на эмоциональном и психическом состоянии самого родителя. В различных исследованиях было показано, что матери детей с «трудным» темпераментом сообщали о более высоком уровне РС [10; 5; 22; 2; 31].

Среди различных характеристик темперамента наиболее тесные связи РС матерей обнаружены с негативной эмоциональностью младенца (ребенок легко расстраивается, боязливый и грустный) [10; 5; 22; 31]. А. Солмейер и М. Фейнберг, например, обнаружили, что негативная эмоциональность младенца была значительным предиктором того, что родители проявляли более высокие уровни симптомов депрессии и стресса и пониженную родительскую эффективность; позитивный же темперамент ребенка был значительным предиктором только родительской эффективности [31].

Некоторые исследователи отмечают, что дети с «трудным» темпераментом могут увеличить родительский повседневный стресс, а стрессовая среда может повлиять на ребенка, усиливая его эмоциональную реактивность; иными словами, связь может быть двусторонней [2]. Ответить на вопрос, что же в большей степени влияет — темперамент на возникновение РС или РС усиливает проявление характеристик трудного темперамента, позволяют лонгитюдные исследования.

Лонгитюдное исследование М. Маслоу показало, что восприятие матерью темперамента ребенка одного и шести месяцев как сложного являлось предиктором ее РС в возрасте ребенка 1, 24 и 36 мес. [20]. В лонгитюдном исследовании М. Беррихилл родители, сообщавшие о более высоком уровне негативной эмоциональности младенца в 1 год, демонстрировали более высокий уровень РС в 3 года [10]. А-К. Песонен и коллеги изучали группу диад матерей и детей в течение пяти лет, начиная с возраста ребенка примерно в шесть месяцев, и обнаружили, что стресс матерей был связан с более высоким уровнем негативной аффективности их детей, а также их результаты показали, что материнский стресс может влиять на развитие темперамента, а именно на реактивность (например, гнев) и на саморегуляцию (фокусировка внимания и успокоение) [2].

Другой аспект, на который исследователи обращали внимание, — влияние поведения ребенка на уровень РС. А-К. Беернинк, изучая влияние агрессивного поведения и СДВГ в 14 и 21 мес. выявили, что агрессивное поведение ребенка в 14 мес. влияет на возрастание РС в 21 мес., причем изменения в уровне агрессивного поведения в 21 мес. не имеют значения для РС в 21 мес. Напротив, уровень СДВГ в 14 мес. не влияет на возрастание РС в 21 мес., но повышение уровня СДВГ в 21 мес. приводит к увеличению уровня РС матерей в 21 мес. [9].

В другом исследовании было обнаружено, что высокий уровень проблем поведения детей, склонность к гневу и дисрегуляция эмоций являются предиктором более высокого уровня РС [38].

Таким образом, когда в семье появляется ребенок, родитель получает опыт, которого до этого у него не было, т. е. он купает, одевает, кормит и т. д. ребенка, однако ребенок может давать родителю как позитивный и подкрепляющий ответ, так и может проявлять свои негативные эмоции, создавая стрессовую ситуацию для родителей, что сказывается на эмоциональном и психическом состоянии последнего. Описанные

выше исследования также свидетельствуют о том, что родитель сталкивается с особенностями поведения и темперамента своего ребенка, что прибавляет трудностей и хлопот родителю и может быть также связано с эмоциональным состоянием родителя и с показателями РС. Родитель, ребенок которого обладает «легким» темпераментом, чувствует себя увереннее и спокойнее, но дети с «трудным» темпераментом могут подорвать уверенность родителей в своих силах в воспитании и добавлять больше повседневных трудностей.

Возраст и пол ребенка

В некоторых исследованиях обнаруживается связь между возрастом и полом ребенка и РС ухаживающего взрослого. Например, было обнаружено, что более высокие показатели стресса родителей имели связь с более старшим возрастом детей [34]. В другом исследовании, где изучался стресс матерей детей в возрасте от нескольких месяцев до 5 лет, было выявлено, что возраст детей слабо, но значимо коррелирует с РС. Родители детей более старшего возраста считали их поведение более сложным, однако матери при этом сообщали о меньшем уровне РС [8]. Подобный результат был обнаружен в лонгитюдном исследовании РС родителей детей от 2 до 5 лет: было выявлено снижение уровня РС с возрастом [38]. Сопоставляя данные этих исследований, можно предположить, что, возможно, уровень РС изменяется с возрастом нелинейно: он повышается к периоду кризиса 3 лет и далее, после 4 лет, уже снижается.

Что касается пола ребенка и его связи с РС, то было обнаружено, что у родителей недоношенных девочек уровень стресса выше, чем у родителей мальчиков [32]. Подобные результаты получили и Дж. Шин с коллегами, изучая стресс в семьях с детьми, имеющими когнитивные нарушения. Они обнаружили, что матери с детьми девочками испытывали больший стресс, чем другие матери в выборке [26]. Однако в исследовании обычных семей различий в уровне РС матерей в зависимости от пола ребенка обнаружено не было [8; 20]. Таким образом, влияние роли пола ребенка на РС неоднозначно.

Подводя промежуточный итог, можно сделать вывод, что существует целый ряд особенностей детей раннего и дошкольного возраста, которые могут вызывать трудности у родителей, что приводит к нарушению эмоционального состояния родителя и стрессу, связанному с воспитанием ребенка. К таким особенностям детей можно отнести показатели состояния здоровья и развития, темперамент и поведение, а также возраст ребенка.

Взаимосвязь характеристик матери и родительского стресса

Родители являются главными взрослыми, которые ухаживают за ребенком, и эти фигуры особенно

важны в самый ранний период детства. Однако такие факторы, как стресс, тревожность, депрессия родителей могут приводить к тому, что у родителя возникли трудности с чувствительностью по отношению к ребенку и его сигналам, а также эти факторы могут быть связаны с трудностью в воспитании ребенка и с восприятием ребенка родителем. Также большую роль могут играть социально-демографические характеристики, такие как возраст, образование, финансовое и семейное положение. Рассмотрим обнаруженные исследователями связи РС с характеристиками матерей.

Личностные особенности матери.

Изучение роли личностных особенностей показало, что среди факторов Большой пятерки в наибольшей степени с РС и выгоранием связан нейротизм [33]. М. Маслоу с коллегами отмечали, что кроме нейротизма с уровнем РС также отрицательно связаны экстраверсия и доброжелательность [20].

Среди других личностных характеристик с РС оказалась связана самооффективность: в лонгитюдном исследовании матерей детей раннего возраста Й. Ченг и коллег было показано, что высокий уровень самооффективности является предиктором более низкого уровня РС через год [5].

Большое значение имеет психическое здоровье родителя, так как проблемы с психическим здоровьем способствуют стрессу матери [13] и могут быть связаны с более высоким уровнем РС. Говоря о проблемах с психическим здоровьем, начать хотелось бы с депрессивного состояния, которое среди матерей детей раннего возраста встречается достаточно часто. Было обнаружено, что на РС сильно влияли признаки материнской депрессии [5]. Психопатология матери также оказалась связана с высоким уровнем РС [38].

Кроме личностных характеристик, обнаруживается связь между состоянием здоровья родителей и показателями РС. Например, в исследовании по изучению стресса в семьях с детьми, имеющими когнитивные нарушения, было обнаружено, что матери, чьи мужья имели проблемы со здоровьем, испытывали больший стресс [26]. Значительная связь между РС и расстройством/заболеванием самого родителя было обнаружено и в исследовании Я. Олмогбел [4].

Таким образом, описанные выше исследования говорят о том, что РС может быть взаимосвязан с различными характеристиками родителей, например, с нейротизмом, самооффективностью и психическим здоровьем.

Социально-демографические характеристики.

Среди социально-демографических характеристик мы рассмотрим роль в развитии РС таких факторов, как возраст, семейное положение, количество детей, уровень образования, финансовое положение и профессиональная занятость.

Относительно роли *возраста* были обнаружены противоречивые данные: так в исследовании М. Остберг и

Б. Хэйджул женщины более старшего возраста испытывали более выраженный стресс, связанный с родительской ролью [22], тогда как в другом исследовании [8], наоборот, более молодые родители переживали больший уровень РС. А в исследовании А. Сипэ и коллег связей РС с возрастом не выявлено [30].

Изучение роли *семейного положения* чаще всего обнаруживает, что женщины, воспитывающие ребенка без партнера, испытывают более высокий уровень РС. Так, в исследовании Л. Лайенг было обнаружено, что матери-одиночки с маленькими детьми более предрасположены к нарушениям психического здоровья, чем матери с партнерами, особенно когда они сталкиваются с финансовыми и социальными проблемами; помимо этого у матерей-одиночек был повышен РС и у них чаще отмечался больший общий жизненный стресс [18]. В исследованиях семей-эмигрантов и не эмигрантов было выявлено, что статус эмигранта и воспитание ребенка одним родителем (вне зависимости от статуса эмигранта) связаны с высоким уровнем РС [27; 30].

Интересное исследование влияния на РС матери изменений в отношениях с партнером в первые годы после рождения ребенка провели К. Купер и коллеги. Они обнаружили, что женщины, которые разошлись в исследуемый период с партнером (биологическим отцом ребенка) или вступили в отношения с партнером — небологическим отцом ребенка, сообщали о более высоком уровне РС, чем женщины, у которых совместные отношения не изменились. Матери, которые вступили в отношения с партнерами — биологическими отцами ребенка, демонстрировали более низкий уровень РС, чем матери, оставшиеся одни. Матери, которые пережили два изменения в течение 1—2 лет, переживали почти вдвое больший уровень РС по сравнению с теми, кто пережили одно изменение в совместных отношениях [11].

Большее *количество детей* в семье, по результатам исследования М. Остберг и Б. Хэйджул, связано с более высокими показателями РС [22]. Подобные результаты были получены и в исследовании И. Лэйви и соавторов [16]. Однако в исследовании А. Сипей и коллег количество детей не было связано с РС [30].

Традиционно большой интерес в зарубежных исследованиях уделяют роли *финансового положения* родителей. В различных выборках авторы обнаружили связи РС со сложностями в финансах [16; 29; 37], более низким уровнем дохода [8]. С другой стороны, К. Юзак и К. Джонс в своем исследовании не обнаружили связи стресса с социально-экономическим статусом семьи [34].

Рассмотрим роль *уровня образования*. В значительной части исследований было показано, что женщины с более высоким уровнем образования испытывают меньший уровень РС [4; 8]. Однако в исследовании Э. Паркс и коллег было обнаружено, что более низкий уровень РС наблюдается у матерей со средним уровнем образования, по сравнению с матерями с высшим и более низким уровнем. Но при этом наиболее высокий уровень РС был все-таки у матерей с низким уровнем образования [27].

Проанализируем исследования уровня РС у *работающих и неработающих* матерей. Большая часть исследователей предполагают, что более высокий уровень стресса должен быть у работающих матерей, так как работающим матерям необходимо выполнять большое количество задач, тогда как не работающие матери не испытывают стресс, так как они только присматривают за детьми и заботятся о семье. Однако, согласно исследованию К. Крник и М. Гринберг, повседневные стрессы, которые испытывают матери, сидящие дома, оказываются более сильными. Дома матери регулярно сталкиваются с требованиями ухода за ребенком, с плачем, капризами, ссорами сиблингов, постоянной уборкой за детьми. Хотя эти события кажутся простыми проблемами, однако их накопительный эффект в течение определенного периода может стать значимым стрессором для матери [6]. Подобные результаты были получены и в исследовании К. Матвиенко-Сайкар и коллег: они обнаружили более низкий уровень РС у работающих матерей по сравнению с неработающими [19]. А в исследовании матерей в Малазии не было обнаружено различий в уровне РС у работающих и неработающих матерей [39]. Поэтому можно предположить, что только слишком большая нагрузка на работе, а не сам факт работы, может приводить к более высокому уровню РС, что было показано в исследовании М. Остберг и Б. Хэйджул [22].

Таким образом, исследования роли социально-демографических характеристик показало, что РС, как правило, выше у матерей-одиночек, с более низким уровнем образования и дохода. Относительно роли возраста данные противоречивы. У работающих женщин уровень РС не выше, а чаще ниже, чем у неработающих матерей.

Социальная поддержка и родительский стресс

Помимо влияния на мать особенностей и характеристик ребенка, на нее также могут оказывать влияние внешние факторы жизни, изменяя как ее эмоциональное состояние, так и уровень РС. К таким факторам можно отнести отношения с партнером, ресурсы собственного детства (отношения с родителями в детстве и уровень привязанности) и, в целом, социальную поддержку.

Супружеские отношения.

С. Гэйблер и соавторы утверждают, что плохая эмоциональная поддержка со стороны супруга является фактором риска для возникновения более высокого уровня РС [28]. К. Дитер-Деккард и С. Скарр обнаружили что именно поддержка партнера имела наибольшее влияние на уровень РС работающих матерей [8].

В исследовании И. Лэйви и коллег было обнаружено, что РС обоих родителей был связан как с собственной удовлетворенностью браком, так и с удовлетворенностью браком у партнера [16].

Кроме удовлетворенности браком, на уровень РС может влиять характер отношений с партнером. В лонгитудном исследовании М. Маслоу и коллег была обнаружена связь эмоциональной близости с супругом и РС, причем она имела наибольшее значение в 1 и 6 мес. после рождения ребенка, затем ее значимость исчезала в 15 и 24 мес., но снова проявлялась в 36 мес. [20]. Возможно, поддержка супруга имеет наибольшее значение в период адаптации к родительской роли и в период возрастного кризиса 3 лет.

А. Солмейер и М. Фейнберг обнаружили, что деструктивный характер в отношениях между супругами во время совместного воспитания ребенка обоими родителями (т. е. когда супруги/партнеры не поддерживают друг друга в родительство, проявляют навязчивость, конкурируют за внимание и любовь ребенка, шутят над супругом/партнером и т. д.) связано (и является предиктором) с большими депрессивными симптомами, большим РС и меньшим ощущением родительской эффективности, и наоборот, поддержка между супругами в совместном воспитании была связана с меньшим РС и большим ощущением своей родительской эффективности [31]. Подобный результат был получен и в другом исследовании [17].

Отношения с родителями в детстве.

Позитивные, принимающие отношения с родителями в детстве могут выступать мощным ресурсом в период после рождения ребенка, так как это позволяет опираться на собственный положительный опыт детства, дает позитивную модель родительства, позволяет легче принять собственную родительскую роль и быть более эффективным в воспитании ребенка. В ситуации холодного, отчужденного отношения или, более того, жестокого обращения вхождение в родительство, создание собственной позитивной модели родительства существенно затрудняется, что может привести к усилению РС. Рассмотрим исследования, посвященные этой проблеме.

Исследование Б. Лэнж показало, что неблагоприятный, травматический опыт детства (плохое, пренебрежительное, жестокое обращение с ребенком) связан с РС матери [15]. Подобные результаты были выявлены и в других исследованиях [3; 25].

Так, Х. Стил и соавторы показали, что опыт плохого обращения в детстве был тесно связан с РС, причем эта связь более выражена в группе с более низким социально-экономическим статусом [3]. Дж. Перейра и коллеги показали, что пренебрежение и жестокое обращение в детстве тесно связано с уровнем РС у матерей детей 16 мес. [25].

Другой аспект исследований этого направления — изучение взаимосвязи РС и привязанности взрослого. Так, исследование Vieira J. показало, что избегающий тип привязанности (но не тревожно-амбивалентный) является предиктором РС [36].

Таким образом, исследования подтверждают значимую роль отношений с родителями в детстве у матерей для возникновения РС.

Социальная поддержка.

Одним из факторов, влияющих на РС, является общая социальная поддержка, включающая друзей, родственников, специалистов. Значительное количество исследований факторов РС включало в себя изучение роли социальной поддержки, и большая часть из них выявила их тесную связь [22; 30]. Так, отмечалось, что более низкий уровень РС матерей связан с наличием близкой социальной поддержки друзей и родственников в дополнение к устойчивым отношениям с партнером [20].

Исследование общей социальной поддержки М. Маслоу и коллег показало, что она являлась предиктором РС в 15 мес. и сохраняла свою значимость в 2 и 3 года, и в 2 года была даже более значимой, чем близкие супружеские отношения [20]. Они объясняют это тем, что в данный период матерям в большей степени нужна поддержка других матерей, дети которых находятся в данном возрастном периоде, чтобы справиться с РС.

Исследование А. Паркс и коллег было посвящено изучению влияния разного типа социальной поддержки на РС у матерей с высоким и низким уровнем образования. Они обнаружили, что недостаток поддержки связан с РС в обеих группах. Менее частые контакты с бабушками и дедушками влияют на РС в обеих группах, особенно в группах мигрантов [27]. Для женщин с более высоким уровнем образования опора на формальный присмотр за ребенком и меньшая поддержка со стороны друзей связаны с более высоким уровнем стресса. Среди матерей с более низким уровнем образования меньшее количество друзей и бабушек/дедушек и отсутствие доступа к профессиональной поддержке родителей было связано с более высоким уровнем РС.

А. Фонсека и коллеги изучали роль поддержки в отношении стресса родителей детей с врожденной аномалией. Было обнаружено, что матери напрямую пользовались поддержкой, которую они получали от своей семьи, в то время как отцы пользовались как напрямую поддержкой, которую они получали от друзей, так и косвенно поддержкой, которую их партнеры получали от семьи [12].

Таким образом, поддержка матери в первые годы жизни ребенка является важнейшим ресурсом для профилактики РС.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №19-013-00594.

ЛИТЕРАТУРА

1. A Transactional model of temperamental development: Evidence of a relationship between child temperament and maternal stress over five years / A.K. Pesonen [et al.] // *Social Development*. 2008. Vol. 17. № 2. P. 326—340. doi:10.1111/j.1467-9507.2007.00427.x
2. *Abidin R.R.* The parenting Stress Index. 3rd edition. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1995. 76 p.
3. Adverse childhood experiences, poverty, and parenting stress / H. Steele [et al.] // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2016. Vol. 48. № 1. P. 32—38. doi:10.1037/cbs0000034
4. *Almogbel Y.S., Goyal R., Sansgiry S.S.* Association between parenting stress and functional impairment among children diagnosed with neurodevelopmental disorders // *Community Mental Health Journal*. 2017. Vol. 53. № 4. P. 405—414. doi:10.1007/s10597-017-0096-9

Заключение

На основе проведенного изучения зарубежных исследований факторов родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста можно сформулировать следующие **выводы**.

Анализ характеристик ребенка, которые могут быть связаны с РС матерей детей раннего и дошкольного возраста показал, что РС связан с темпераментом ребенка, характеристиками его здоровья и возрастом. Среди темпераментных характеристик РС наиболее тесно связан с такой характеристикой как негативная эмоциональность. Более высокий уровень РС обнаружен у матерей детей с различными хроническими заболеваниями и у матерей недоношенных детей, которых часто не снижается с возрастом и улучшением здоровья ребенка без профессиональной поддержки. Зависимость РС матерей от возраста ребенка не линейна — он повышается в раннем возрасте, а после 4 лет снижается.

Исследование взаимосвязей характеристик матери и ее РС показало, что он связан с личностными особенностями и социально-демографическими характеристиками. Среди личностных особенностей тесные связи обнаружены с нейротизмом матери и ее оценкой самооффективности. Такие проблемы психического здоровья матерей, как депрессия и психопатология также тесно коррелируют с РС. Среди социально-биографических характеристик наиболее сильное влияние на РС матерей обнаружено у семейного, образовательного статуса и финансового положения: более высокий уровень РС наблюдается у матерей-одиночек, с более низким образовательным статусом и у матерей, находящихся в худшем финансовом положении. Сравнение работающих и неработающих матерей показало, что у неработающих матерей уровень РС чаще выше, чем у работающих.

Изучение роли семейных факторов и общей социальной поддержки показало, что они могут выступать мощным ресурсом для совладания с РС. Тогда как опыт пренебрежительного и жестокого обращения в детстве, низкий уровень удовлетворенности браком и низкий уровень социальной поддержки (друзья, родственники, профессиональная помощь) способствуют усилению РС матерей детей раннего возраста.

5. Chang Y., Fine M.A. Modeling parenting stress trajectories among low-income young mothers across the child's second and third years: Factors accounting for stability and change // *Journal of Family Psychology*. 2007. Vol. 21. № 4. P. 584—594. doi:10.1037/0893-3200.21.4.584
6. Crnic K., Greenberg M. Minor parenting stresses with young children // *Child Development*. 1990. Vol. 61. № 5. P. 1628—1637. doi:10.1111/j.1467-8624.1990.tb02889.x
7. Deater-Deckard K. Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 1998. Vol. 5. № 3. P. 314—332. doi:10.1111/j.1468-2850.1998.tb00152.x
8. Deater-Deckard K., Scarr S. Parenting stress among dual-earner mothers and fathers: Are there gender differences? // *Journal of Family Psychology*. 1996. Vol. 10. № 1. P. 45—59. doi:10.1037/0893-3200.10.1.45
9. Effects of attentional/ hyperactive and oppositional/aggressive problem behaviour at 14 months and 21 months on parenting stress / A. Beernink [et al.] // *Child and Adolescent Mental Health*. 2012. Vol. 17. № 2. P. 113—120. doi:10.1111/j.1475-3588.2011.00616.x
10. Family process: Early child emotionality, parenting stress, and couple relationship quality / M.B. Berryhill [et al.] // *Personal Relationships*. 2016. Vol. 23. № 1. P. 23—41. doi:10.1111/per.12109
11. Family structure transitions and maternal parenting stress / C. Cooper [et al.] // *Journal of Marriage and Family*. 2009. Vol. 71. № 3. P. 558—574. doi:10.1111/j.1741-3737.2009.00619.x
12. Fonseca A., Nazaré B., Canavarro M.C. The role of satisfaction with social support in perceived burden and stress of parents of six-month-old infants with a congenital anomaly: Actor and partner effects // *Journal of Child Health Care*. 2014. Vol. 18. № 2. P. 178—191. doi:10.1177/1367493513485478
13. Gray P.H., Edwards D.M., Gibbons K. Parenting stress trajectories in mothers of very preterm infants to 2 years // *Archives of Disease in Childhood — Fetal and Neonatal*. 2018. Vol. 103. № 1. P. F43—F48. doi:10.1136/archdischild-2016-312141
14. Infant attachment, parenting stress, and child emotional and behavioral problems at age 3 years / A. Tharner [et al.] // *Parenting: Science and Practice*. 2012. Vol. 12. № 4. P. 261—281. doi:10.1080/15295192.2012.709150
15. Lange B., Callinan L., Smith M. Adverse childhood experiences and their relation to parenting stress and parenting practices // *Community Mental Health Journal*. 2019. Vol. 55. № 4. P. 651—662. doi:10.1007/s10597-018-0331
16. Lavee Y., Sharlin S., Katz R. The effect of parenting stress on marital quality: An integrated mother-father model // *Journal of Family Issues*. 1996. Vol. 17. P. 114—135. doi:10.1177/019251396017001007
17. Level of parenting stress in mothers of singletons and mothers of twins until one year postpartum: A cross-sectional study / M. De Rooosea [et al.] // *Women and Birth*. 2018. Vol. 31. № 3. P. e197—e203. doi:10.1016/j.wombi.2017.09.003
18. Liang L.A., Berger U., Brand C. Psychosocial factors associated with symptoms of depression, anxiety and stress among single mothers with young children: A population-based study // *Journal of Affective Disorders*. 2019. Vol. 242. P. 255—264. doi:10.1016/j.jad.2018.08.013
19. Matvienko-Sikar K., Murphy G., Murphy M. The role of prenatal, obstetric, and post-partum factors in the parenting stress of mothers and fathers of 9-month old infants // *Journal of Psychosomatic, Obstetrics and Gynecology*. 2017. Vol. 39. № 1. P. 47—55. doi:10.1080/0167482X.2017.1286641
20. Multilevel factors influencing maternal stress during the first three years / M. Muslow [et al.] // *Journal of Marriage and Family*. 2002. Vol. 64. № 4. P. 944—956. doi:10.1111/j.1741-3737.2002.00944.x
21. Nam S., Chun J. Influencing factors on mothers' parenting style of young children at risk for developmental delay in South Korea: The mediating effects of parenting stress // *Children and Youth Services Review*. 2014. Vol. 36. P. 81—89. doi:10.1016/j.childyouth.2013.11.008
22. Ostberg M., Hagekull B. A structural modeling approach to the understanding of parenting stress // *Journal of Clinical Child Psychology*. 2000. Vol. 29. P. 615—625. doi:10.1207/S15374424JCCP2904_13
23. Parenting program versus telephone support for Mexican parents of children with acquired brain injury: A blind randomized controlled trial / C. Chávez [et al.] // *Contemporary Clinical Trials Communications*. 2017. Vol. 7. P. 109—115. doi:10.1016/j.conctc.2017.06.007
24. Parenting stress in mothers of very preterm infants — influence of development, temperament and maternal depression / P.H. Gray [et al.] // *Early Human Development*. 2013. Vol. 89. № 9. P. 625—629. doi:10.1016/j.earlhumdev.2013.04.005
25. Parenting stress mediates between maternal maltreatment history and maternal sensitivity in a community sample / J. Pereira [et al.] // *Child Abuse and Neglect*. 2012. Vol. 36. № 5. P. 433—437. doi:10.1016/j.chiabu.2012.01.006
26. Parenting stress of mothers and fathers of young children with cognitive delays in Vietnam / J. Shin [et al.] // *Journal of Intellectual Disability Research*. 2006. Vol. 50. P. 748—760. doi:10.1111/j.1365-2788.2006.00840.x
27. Parkes A., Sweeting H., Wight D. Parenting stress and parent support among mothers with high and low education // *Journal of Family Psychology*. 2015. Vol. 29. № 6. P. 907—918. doi:10.1037/fam0000129
28. Predictors of foster parents' stress and associations to sensitivity in the first year after placement / S. Gabler [et al.] // *Child Abuse and Neglect*. 2018. Vol. 79. P. 325—338. doi:10.1016/j.chiabu.2018.02.009
29. Puff J., Renk K. Relationships among parents' economic stress, parenting, and young children's behavior problems // *Child Psychiatry and Human Development*. 2014. Vol. 45. № 6. P. 712—727. doi:10.1007/s10578-014-0440-z

30. *Sepa A., Frodi A., Ludvigsson J.* Psychosocial correlates of parenting stress, lack of support and lack of confidence/security // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2004. Vol. 45. № 2. P. 169—179. doi:10.1111/j.1467-9450.2004.00392.x
31. *Solmeyer A.R., Feinberg M.E.* Mother and father adjustment during early parenthood: The roles of infant temperament and coparenting relationship quality // *Infant Behavior and Development*. 2011. Vol. 34. № 4. P. 504—514. doi:10.1016/j.infbeh.2011.07.006
32. Stress in parents of children born very preterm is predicted by child externalising behaviour and parent coping at age 7 years / M.A. Linden [et al.] // *Archives of Disease in Childhood*. 2015. Vol. 100. № 6. P. 554—558. doi:10.1136/archdischild-2014-307390
33. The big five personality traits and parental burnout: Protective and risk factors / S. Le Vigouroux [et al.] // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 119. P. 216—219. doi:10.1016/j.paid.2017.07.023
34. *Uzark K., Jones K.* Parenting stress and children with heart disease // *Journal of Pediatric Health Care*. 2003. Vol. 17. № 4. P. 163—168. doi:10.1067/mp.2003.22
35. Vagus nerve stimulation for 6- to 12-year-old children with refractory epilepsy: Impact on seizure frequency and parenting stress index / H.-C. Fan [et al.] // *Epilepsy and Behavior*. 2018. Vol. 83. P. 119—123. doi:10.1016/j.yebeh.2017.12.009
36. *Vieira J., Avila M., Matos P.* Attachment and parenting: the mediating role of work-family balance in Portuguese parents of preschool children // *Family Relations*. 2012. Vol. 61. № 1. P. 31—50. doi:10.1111/j.1741-3729.2011.00680.x
37. *Williams D.T., Cheadle J.E., Goosby B.J.* Hard times and heart break: Linking economic hardship and relationship distress // *Journal of Family Issues*. 2015. Vol. 36. № 7. P. 924—950. doi:10.1177/0192513X13501666
38. *Williford A., Calkins S., Keane S.* Predicting Change in Parenting Stress Across Early Childhood: Child and Maternal Factors // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2007. Vol. 35. № 2. P. 251—263. doi:10.1007/s10802-006-9082-3
39. *Yeo K.J., Teo S.L.* Child behavior and parenting stress between employed mothers and at home mothers of preschool children // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 90. P. 895—903. doi:10.1016/j.sbspro.2013.07.166

Factors of parenting stress in mothers of young and preschool children: an analysis of foreign studies

Savenysheva S.S.,

*candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of developmental and differential psychology,
department of psychology, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, owlsveta@mail.ru*

Anikina V.O.,

*candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of early intervention and mental health,
department of psychology, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, v.anikina@spbu.ru*

Meldo E.V.,

*student in the master's program at the chair of early intervention and mental health, department of psychology,
Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, tusik.93@mail.ru*

The article analyzes the phenomenon of parenting stress: the concept, structure, and factors that influence its emergence. The analysis of foreign studies revealed 3 main groups of factors of parenting stress in mothers of early- and preschool- aged children: child's characteristics, personality characteristics and mother's socio-demographic characteristics, socio-psychological factors. The study showed that parenting stress in this group of mothers interplays with the temperament of the child, his health and age. As personal characteristics are concerned, the closest relations were found with the neuroticism of the mother and her assessment of self-efficacy. The review also revealed the effect of depression and psychopathology on maternal personality and constructive coping strategies which help to reduce parenting stress. The experience of neglect and abuse in childhood, a low level of marriage satisfaction and social support contribute to increased parenting stress of mothers having children of early and preschool age.

Keywords: parenting stress, factors of parenting stress, mothers of children of early and preschool age.

Funding

This work was supported by grant RFH № 19-013-00594.

REFERENCES

1. Pesonen A.K. et al. A Transactional model of temperamental development: Evidence of a relationship between child temperament and maternal stress over five years. *Social Development*, 2008. Vol. 17, no. 2, pp. 326—340. doi:10.1111/j.1467-9507.2007.00427.x
2. Abidin R.R. The parenting Stress Index. 3rd edition. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1995, 76 p.
3. Steele H. et al. Adverse childhood experiences, poverty, and parenting stress. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 2016. Vol. 48, no. 1, pp. 32—38. doi:10.1037/cbs0000034
4. Almogbel Y.S., Goyal R., Sansgiry S.S. Association between parenting stress and functional impairment among children diagnosed with neurodevelopmental disorders. *Community Mental Health Journal*, 2017. Vol. 53. no. 4, pp. 405—414. doi:10.1007/s10597-017-0096-9
5. Chang Y., Fine M.A. Modeling parenting stress trajectories among low-income young mothers across the child's second and third years: Factors accounting for stability and change. *Journal of Family Psychology*, 2007. Vol. 21, no. 4, pp. 584—594. doi:10.1037/0893-3200.21.4.584
6. Crnic K., Greenberg M. Minor parenting stresses with young children. *Child Development*, 1990. Vol. 61, no. 5, pp. 1628—1637. doi:10.1111/j.1467-8624.1990.tb02889.x
7. Deater-Deckard K. Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 1998. Vol. 5, no. 3, pp. 314—332. doi:10.1111/j.1468-2850.1998.tb00152.x
8. Deater-Deckard K., Scarr S. Parenting stress among dual-earner mothers and fathers: Are there gender differences? *Journal of Family Psychology*, 1996. Vol. 10, no. 1, pp. 45—59. doi:10.1037/0893-3200.10.1.45
9. Beernink A. et al. Effects of attentional/ hyperactive and oppositional/aggressive problem behaviour at 14 months and 21 months on parenting stress. *Child and Adolescent Mental Health*, 2012. Vol. 17, no. 2, pp. 113—120. doi:10.1111/j.1475-3588.2011.00616.x
10. Berryhill M.B. et al. Family process: Early child emotionality, parenting stress, and couple relationship quality. *Personal Relationships*, 2016. Vol. 23, no. 1, pp. 23—41. doi:10.1111/per.12109
11. Cooper C. et al. Family structure transitions and maternal parenting stress. *Journal of Marriage and Family*, 2009. Vol. 71, no. 3, pp. 558—574. doi:10.1111/j.1741-3737.2009.00619.x
12. Fonseca A., Nazaré B., Canavarro M.C. The role of satisfaction with social support in perceived burden and stress of parents of six-month-old infants with a congenital anomaly: Actor and partner effects. *Journal of Child Health Care*, 2014. Vol. 18, no. 2, pp. 178—191. doi:10.1177/1367493513485478

13. Gray P.H., Edwards D.M., Gibbons K. Parenting stress trajectories in mothers of very preterm infants to 2 years. *Archives of Disease in Childhood — Fetal and Neonatal*, 2018. Vol. 103, no. 1, pp. F43—F48. doi:10.1136/archdischild-2016-312141
14. Tharner A. et al. Infant attachment, parenting stress, and child emotional and behavioral problems at age 3 years. *Parenting: Science and Practice*, 2012. Vol. 12, no. 4, pp. 261—281. doi:10.1080/15295192.2012.709150
15. Lange B., Callinan L., Smith M. Adverse childhood experiences and their relation to parenting stress and parenting practices. *Community Mental Health Journal*, 2019. Vol. 55, no. 4, pp. 651—662. doi:10.1007/s10597-018-0331
16. Lavee Y., Sharlin S., Katz R. The effect of parenting stress on marital quality: An integrated mother-father model. *Journal of Family Issues*, 1996. Vol. 17, pp. 114—135. doi:10.1177/019251396017001007
17. De Roosea M. et al. Level of parenting stress in mothers of singletons and mothers of twins until one year postpartum: A cross-sectional study. *Women and Birth*, 2018. Vol. 31, no. 3, pp. e197—e203. doi:10.1016/j.wombi.2017.09.003
18. Liang L.A., Berger U., Brand C. Psychosocial factors associated with symptoms of depression, anxiety and stress among single mothers with young children: A population-based study. *Journal of Affective Disorders*, 2019. Vol. 242, pp. 255—264. doi:10.1016/j.jad.2018.08.013
19. Matvienko-Sikar K., Murphy G., Murphy M. The role of prenatal, obstetric, and post-partum factors in the parenting stress of mothers and fathers of 9-month old infants. *Journal of Psychosomatic, Obstetrics and Gynecology*, 2017. Vol. 39, no. 1, pp. 47—55. doi:10.1080/0167482X.2017.1286641
20. Muslow M. et al. Multilevel factors influencing maternal stress during the first three years. *Journal of Marriage and Family*, 2002. Vol. 64, no. 4, pp. 944—956. doi:10.1111/j.1741-3737.2002.00944.x
21. Nam S., Chun J. Influencing factors on mothers' parenting style of young children at risk for developmental delay in South Korea: The mediating effects of parenting stress. *Children and Youth Services Review*, 2014. Vol. 36, pp. 81—89. doi:10.1016/j.childyouth.2013.11.008
22. Ostberg M., Hagekull B. A structural modeling approach to the understanding of parenting stress. *Journal of Clinical Child Psychology*, 2000. Vol. 29, pp. 615—625. doi:10.1207/S15374424JCCP2904_13
23. Chávez C. et al. Parenting program versus telephone support for Mexican parents of children with acquired brain injury: A blind randomized controlled trial. *Contemporary Clinical Trials Communications*, 2017. Vol. 7, pp. 109—115. doi:10.1016/j.conctc.2017.06.007
24. Gray P.H. et al. Parenting stress in mothers of very preterm infants — influence of development, temperament and maternal depression. *Early Human Development*, 2013. Vol. 89, no. 9, pp. 625—629. doi:10.1016/j.earlhumdev.2013.04.005
25. Pereira J. et al. Parenting stress mediates between maternal maltreatment history and maternal sensitivity in a community sample. *Child abuse and neglect*, 2012. Vol. 36, no. 5, pp. 433—437. doi:10.1016/j.chiabu.2012.01.006
26. Shin J. et al. Parenting stress of mothers and fathers of young children with cognitive delays in Vietnam. *Journal of Intellectual Disability Research*, 2006. Vol. 50, pp. 748—760. doi:10.1111/j.1365-2788.2006.00840.x
27. Parkes A., Sweeting H., Wight D. Parenting stress and parent support among mothers with high and low education. *Journal of Family Psychology*, 2015. Vol. 29, no. 6, pp. 907—918. doi:10.1037/fam0000129
28. Gabler S. et al. Predictors of foster parents' stress and associations to sensitivity in the first year after placement. *Child Abuse and Neglect*, 2018. Vol. 79, pp. 325—338. doi:10.1016/j.chiabu.2018.02.009
29. Puff J., Renk K. Relationships among parents' economic stress, parenting, and young children's behavior problems. *Child Psychiatry and Human Development*, 2014. Vol. 45, no. 6, pp. 712—727. doi:10.1007/s10578-014-0440-z
30. Sepa A., Frodi A., Ludvigsson J. Psychosocial correlates of parenting stress, lack of support and lack of confidence/security. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2004. Vol. 45, no. 2, pp. 169—179. doi:10.1111/j.1467-9450.2004.00392.x
31. Solmeyer A.R., Feinberg M.E. Mother and father adjustment during early parenthood: The roles of infant temperament and coparenting relationship quality. *Infant Behavior and Development*, 2011. Vol. 34, no. 4, pp. 504—514. doi:10.1016/j.infbeh.2011.07.006
32. Linden M.A. et al. Stress in parents of children born very preterm is predicted by child externalising behaviour and parent coping at age 7 years. *Archives of Disease in Childhood*, 2015. Vol. 100, no. 6, pp. 554—558. doi:10.1136/archdischild-2014-307390
33. Le Vigouroux S. et al. The big five personality traits and parental burnout: Protective and risk factors. *Personality and Individual Differences*, 2017. Vol. 119, pp. 216—219. doi:10.1016/j.paid.2017.07.023
34. Uzark K., Jones K. Parenting stress and children with heart disease. *Journal of Pediatric Health Care*, 2003. Vol. 17, no. 4, pp. 163—168. doi:10.1067/mpH.2003.22
35. Fan H.-C. et al. Vagus nerve stimulation for 6- to 12-year-old children with refractory epilepsy: Impact on seizure frequency and parenting stress index. *Epilepsy and Behavior*, 2018. Vol. 83, pp. 119—123. doi:10.1016/j.yebeh.2017.12.009
36. Vieira J., Avila M., Matos P. Attachment and parenting: the mediating role of work-family balance in Portuguese parents of preschool children. *Family Relations*, 2012. Vol. 61, no. 1, pp. 31—50. doi:10.1111/j.1741-3729.2011.00680.x
37. Williams D.T., Cheadle J.E., Goosby B.J. Hard times and heart break: Linking economic hardship and relationship distress. *Journal of Family Issues*, 2015. Vol. 36, no. 7, pp. 924—950. doi:10.1177/0192513X13501666
38. Williford A., Calkins S., Keane S. Predicting Change in Parenting Stress Across Early Childhood: Child and Maternal Factors. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2007. Vol. 35, no. 2, pp. 251—263. doi:10.1007/s10802-006-9082-3
39. Yeo K.J., Teo S.L. Child behavior and parenting stress between employed mothers and at home mothers of preschool children. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2013. Vol. 90, pp. 895—903. doi:10.1016/j.sbspro.2013.07.166

Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы

Калина И.А.,

*аспирант кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии,
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
ingrit.13@mail.ru*

В статье приводится литературный обзор современных зарубежных исследований, посвященных теме отцовства. Психическое здоровье детей и взрослых тесно переплетено с родительскими фигурами. Исторически фигура отца выделялась в работах психологов, однако практически ими не изучалась. Современные исследования не только подтверждают равную значимость материнской и отцовской фигур, но и выделяют специфическое влияние именно отцов. Прямое влияние распространяется на когнитивное развитие, социально-эмоциональные компетенции, а также физическое сходство. Также отмечается косвенное влияние отцов, через отношения с матерями, на психологическое благополучие, детско-родительские отношения в целом и поведение детей. Роль отца положительно влияет на психологическое здоровье мужчин и их благополучие в целом. Распространение феномена «нового отцовства» является общемировой тенденцией и способствует не только улучшению психического здоровья населения, но и более комплексному исследованию проблем отцовства.

Ключевые слова: отцовство, детско-родительские отношения.

Для цитаты:

Калина И.А. Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 49—56. doi: 10.17759/jmfp.2019080405

For citation:

Kalina I.A. Fatherhood as a psychological phenomenon. Review of modern foreign literature [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 49—56. doi: 10.17759/jmfp.2019080405 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Введение

В течение жизни на человека влияет множество факторов, которые в итоге формируют целостную уникальную личность. Семья всегда считалась основополагающим фактором, и исследователи различных областей научного знания с пристрастием рассматривали многообразные аспекты такого влияния. Большая часть литературы показывает, что личные взаимоотношения, и особенно детско-родительские взаимоотношения, являются ключевым предиктором психосоциального функционирования и развития, как для детей, так и для взрослых.

Длительное время в психологической науке предполагалось, что основной задачей отца является обеспечение семьи и социализация ребенка, в то время как роль матери заключается в удовлетворении основных потребностей, в воспитании, создании и поддержании эмоциональной связи с детьми [2]. На протяжении всего XX века большинство исследований, научных и научно-популярных публикаций были сконцентрированы на проблемах материнства, а феномен отцовства оставался в тени [4; 7]. Существенный интерес к проблемам отцов начал проявляться только последние 30—40 лет. Так, Р. Ронер и Р. Венециано в своей работе приводят данные, накопленные в конце XX века, свидетельствующие о том, что влияние любви отца на развитие детей столь же велико, а в некоторых аспектах даже больше, чем влияние материнской

любви [22]. В контексте отечественной науки И.С. Кон отмечает, что множество современных психологических публикаций базируются в большей степени на житейском опыте и на работах классиков психологии. Современные отечественные исследования феномена отцовства в основном представлены работами социологов, что не позволяет рассмотреть его психологические аспекты в полной мере. Для комплексного рассмотрения отцовства как психологического феномена мы обратились к зарубежным авторам, начавшим изучение отцовства несколько раньше [2; 3].

Исходная точка отцовства: беременность и роды

Большинство мужчин сталкиваются с переживанием чувства отцовства после родов, когда встречаются лицом к лицу со своим новорожденным отпрыском. Однако осознание себя в роли отца начинается уже в процессе беременности и сопровождается сильными и разносторонне направленными эмоциями. На начальных этапах беременности плод воспринимается отцом как нечто вроде безжизненного объекта. Ребенок постепенно становится более реальным в восприятии отца с момента зачатия до первых 12 месяцев. С появлением младенца вместе с глубокой привязанностью появляется ответственность за него, которая включает в себя потребность заботиться о ребенке, защищать его и обеспечивать все необходимое для его роста и раз-

вития. Собственные потребности смещаются в пользу потребностей ребенка. Появляется также ответственность за себя в роли отца, которая выражается в потребности меньше рисковать и больше заботиться о себе. По мере того как ребенок растет и развивается, отец также развивается и изменяется [15].

Роль отца не влияет на ориентацию на работу, поскольку доход, регулярная занятость и удовлетворенность работой остаются существенно важными для мужчин безотносительно наличия детей. Однако при появлении детей возникает более тонкий и артикулированный образ при рассмотрении отношения к семье, детям и отношениям между поколениями. Взрослая родительская ориентация на детей зачастую проявляется только у тех мужчин, которые являются отцами как для своих детей (жертвенная родительская роль), так и для их собственных родителей (альтруистическая сыновья роль). Это означает, что переход к родительскому положению открывает новое измерение, при этом фокус смещается от индивидуального фактора к реляционным [6].

С одной стороны, чувство отцовской ответственности можно рассматривать как движущую силу для роста и развития мужчин. С другой стороны, переход к отцовству может быть стрессовым событием и приводить к серьезным изменениям в жизни мужчины. Несмотря на это, ни ожидание, ни появление ребенка не сопровождаются ухудшением психического здоровья отцов и даже могут быть связаны с его улучшением. Важно отметить, что мужчины с проблемами психического здоровья реже имеют партнеров и детей, а такие факторы, как неудовлетворенность отношениями и депрессия партнера повышают риск развития послеродовой депрессии у мужчин [21].

Психосоциальные проблемы отцов и их последствия

Отцовская депрессия может негативно повлиять на многие стадии развития ребенка, однако в раннем детстве такое влияние сильнее и встречается чаще. Так, депрессия отца в постнатальный период связана с последующими интернализирующими и экстернализирующими проблемами в раннем и позднем детстве у детей в возрасте от 2 месяцев до 8 лет.

В отличие от материнской депрессии, это влияние носит опосредованный характер, выступая в качестве катализатора, который оказывает негативное влияние на детей в совокупности. Наиболее распространенный посредник такого воздействия — это родительское поведение, такое как отцовская враждебность или отцовская вовлеченность. Более высокий уровень отцовской депрессии, например, повышает вероятность проявления просоциального или проблемного поведения у детей, тогда как высокий уровень участия отца снижает эту вероятность. В свою очередь, отцовская враждебность вместе с депрессивными симптома-

ми у родителей повышает риск интернализирующих и экстернализирующих проблем у детей и подростков.

Риск семейных конфликтов также повышается при наличии депрессии у отца. Как и неблагоприятный опыт детства, семейные конфликты приводят к эмоциональным и поведенческим трудностям ребенка, а также усугубляют имеющиеся последствия влияния отцовской депрессии в виде различных отклонений в психическом развитии и повышенного риска психических расстройств.

Еще одним последствием депрессии у отцов может быть повышенный уровень родительского стресса у мужчин [23]. Высокий уровень родительского стресса влияет на чувства родителей, их восприятие и реакцию на своих детей и нарушает взаимодействие между родителями и детьми. Дисфункциональное взаимодействие отцов с детьми в возрасте 2 лет, вызванное родительским стрессом, отрицательно сказывается на развитии речи мальчиков, а также связано с ухудшением когнитивных навыков как мальчиков, так и девочек на протяжении всего последующего года [13].

Депрессия и интернализирующие симптомы являются результатом влияния среды и воспитания независимо от генетических факторов. Тревожность и невротизм также не имеют генетически обусловленной передачи. Родительская тревога приводит к созданию таких условий для воспитания, которые способствуют развитию тревоги у детей. Например, тревожные родители с большей вероятностью демонстрируют чрезмерное поведение, а также более негативно и критически относятся к своим детям, усугубляя симптомы тревоги у подростков [24].

Социальные навыки детей и, как следствие, их переживание чувства одиночества в подростковом и юношеском возрасте тесно связаны с уровнем развития социальных навыков отцов. Хотя исследования наследственных компонентов одиночества показали, что 37—48% дисперсии одиночества объясняется генетическими факторами, дефицит социальных навыков является прогностическим фактором в развитии одиночества и социальной тревоги. Относительно одиночества отцов, так же, как и низкий уровень социальных навыков, более высокий уровень одиночества связан со слабыми социальными навыками детей [8].

На академические и социально-эмоциональные навыки детей также оказывают влияние демографические характеристики семьи. В частности, исследования показывают, что низкий уровень родительского образования, низкий социально-экономический статус, неполная семья, небезопасный район и молодой возраст родителей (особенно родители-подростки) коррелируют с повышенным риском трудностей в раннем школьном возрасте. Такие дети практически не имеют доступа к материалам и опыту, которые могут развить и усилить их способности и навыки [5].

Жестокое обращение с детьми в семье влияет на восприятие и отношение ребенка к родителям, что может существенно повлиять на характер и силу взаи-

мосвязи между вовлеченностью отца и проблемами с поведением ребенка. Согласно национальному отчету о жестоком обращении с детьми в США, более 90% жертв, исследованных CPS в 2015 году, подвергались жестокому обращению со стороны одного или обоих родителей, причем примерно 50% жертв подвергались жестокому обращению со стороны отца, действовавшего в одиночку (21%) или с матерью (29%). Исследования показали, что дети, которые подвергаются жестокому обращению, проявляют значительно больше поведенческих проблем, которые усваиваются и экстернализируются, в отличие от детей, не подвергавшихся жестокому обращению. Степень участия отца в таких семьях имеет значительно более сильную положительную связь с проблемами интернализирующего и экстернализирующего поведения. Проводить время и заниматься деятельностью с отцом, который причиняет телесные повреждения и боль, вероятно является очень стрессовой и травмирующей ситуацией, которая может привести к развитию и эскалации интернализирующих симптомов, включая тревогу, депрессию, одиночество и социальную абстиненцию. Аналогичным образом, проведение большего количества времени с отцом-насилемником может усилить внешние проблемы в поведении, поскольку подросток, вероятно, будет наблюдать и воспроизводить агрессивное и жестокое поведение отца [10].

В период ранней взрослости отношения молодых людей со своими отцами могут быть сопряжены с переживанием стыда в связи с эмоциональной и материальной зависимостью от своих родителей. В контексте жесткого разделения мужской и женской роли стыд может быть использован отцами для трансляции аспектов мужественности и женственности своим детям, влияя таким образом на их поло-ролевою идентификацию. Исследование психосоциальной трансляции аспектов мужественности рабочего класса через стыд и издевательства над молодыми безработными мужчинами продемонстрировало способы, которыми отцы передавали своим сыновьям ожидания, ценности, а также собственные тяжелые чувства потери, боли и стыда, связанные с отсутствием мужских производственных работ. Длительные эффекты этих форм давления могут привести к появлению травматического стыда и травматической утраты, особенно в случае общественного порицания, родительского позора или унижения со стороны сверстников [17].

Вклад отцов в развитие детей

Практически универсальным как для западной, так и для азиатской культуры является то, что более образованные отцы имеют более тесную связь с детьми. Хорошо образованные индийские отцы активно участвуют в обеспечении морального развития, исправлении негативного поведения и отслеживании привычек детей, считая своей главной обязанностью сделать

детей успешными, помогая получить им хорошие оценки, давая всестороннее развитие и прививая основные человеческие ценности. Почти все отцы участвуют в планировании будущего детей, выбирая детские школы, откладывая деньги на образование детей и даже пытаются изменить жизненный путь детей, планируя иммигрировать в другие страны.

У традиционных китайских отцов есть образ отдаленности, строгости и неэкспрессивности. Однако сегодняшние шанхайские отцы активно участвуют в жизни детей на поведенческом, эмоциональном и познавательном уровнях. И отцы, и дочери ценят эмоциональную близость и наслаждаются общением друг с другом. Особенно уникальным является то, что шанхайские отцы возлагают большие надежды на своих дочерей, независимо от их собственного социально-экономического положения. Многие из тех, у кого относительно высокое образование, способствуют обучению своих дочерей. Те, кто этого не делают, помогают по-другому, например, ложатся спать раньше, чтобы сопровождать дочерей в школу, или ждут снаружи, пока их дочери посещают внеклассные занятия [27].

Такого рода вовлеченность отцов положительно связана с академическими, социальными и эмоциональными навыками детей. В частности, участие в большем количестве занятий в школе приводит к более высокому уровню чтения, математики и высоким оценками в конце учебного года. Родители, которые часто читают детям книги, поют песни и рассказывают истории, создают домашнюю среду, содействующую достижению высоких результатов в процессе обучения [5]. Академическая успеваемость детей связана с такими проявлениями отца, как вовлеченность в дела ребенка, тепло, забота, ответственность, удовлетворенность своей ролью, продуктивное общение и финансовая поддержка. Включенность отца в школьную жизнь детей приводит также к улучшению их когнитивных и языковых навыков [11].

Однако образование детей имеет смешанные эффекты. У более образованных детей ниже частота контактов со своим отцом, чем у детей с низким уровнем образования, при этом они обмениваются несколько большей поддержкой. Дочери видят своего отца чаще, чем сыновья. Молодые и одинокие дети, а также дети с собственными отпрысками чаще контактируют со своими отцами и обмениваются дополнительной поддержкой с ними [18].

Подростки, которые имеют тесную связь и доверяют понимающему и заботливому отцу, характеризуются более развитыми навыками эмоционального регулирования, что, как следствие, уменьшает риск деликвентного поведения. Так, проведение большего количества времени с отцом связано с более низким уровнем депрессии и употребления психоактивных веществ среди подростков [10].

Особенности отношений в диаде отец—ребенок также могут оказывать влияние на вполне видимые

физические признаки. Так тепло и позитивное воспитание со стороны отца приводит к большему физическому сходству в чертах лица, тогда как отцовское отвержение приводит к большему внешнему различию. В долгосрочных отношениях между родителями и детьми постоянно оказывается прямое и косвенное влияние на собственных родителей. В течение обучения детей отцы становятся более уверенными и самодисциплинированными [19].

Косвенно отец существенно влияет на ребенка посредством матери, например, качество отношений в браке влияет как на детско-родительские отношения, так и на поведение ребенка. Увеличение отцовского тепла во время посещений своих семей мигрантами предсказывает более качественные супружеские и отцовско-детские отношения. Негативное отношение матери к контакту с отцом сопряжено со снижением качества брака и отношениями отца и ребенка. Этот негатив, в свою очередь, влияет на качество отношений между матерью и ребенком и на поведение ребенка [27].

Межпоколенные связи

Взаимоотношения со своим отцом могут существенно повлиять на степень близости молодых мужчин со своими детьми. Однако исследователи расходятся во мнениях о направлении этого влияния. Африканские исследования говорят о том, что негативные отношения с отцом будут предиктором более близких и теплых отношений со своим потомством [9]. В то время как в исследованиях, посвященных азиатским семьям, утверждается обратное: положительная связь с отцом является предиктором положительной связи с потомством [27]. Что касается западных отцов, то некоторые молодые мужчины могут стремиться действовать отлично от поведения своих отцов, если оно воспринимается как плохая модель. Но естественная реакция обычно заключается в том, чтобы мужчины, ставшие отцами, принимали те же формы поведения, что и у их отцов. Для мужчин, которые испытали близкие и теплые отношения со своими отцами, формирование сходных теплых детско-родительских отношений со своими детьми будет проще, поскольку они могут просто повторить позитивное поведение родителей вместо попыток внедрять новые формы поведения. Мужчины, которые не получали желаемых отношений со своими отцами, могут как повторять негативное поведение, которое они наблюдали, так и вести себя по-другому, при этом будут испытывать больше трудностей в построении позитивного, на их взгляд, родительского поведения из-за отсутствия соответствующих моделей поведения [16].

Напряженные отношения с уже взрослыми детьми так же, как и поддержка с их стороны, уменьшают вероятность спада когнитивных функций у стареющих мужчин. Такие отношения для отцов являются скорее маркером наличия связи со взрослыми детьми, а стресс

от такого общения носит мягкий характер. Взрослые дети часто критикуют и регулируют привычки здоровья родителей и пытаются заставить своих родителей участвовать в более здоровом поведении, при этом мужчины чаще, чем женщины, подвергаются воздействию этих усилий, а улучшение поведения в отношении здоровья может также защитить от снижения познавательных способностей [25].

Заключение

Несмотря на многомерное влияние детско-родительских отношений, уровень участия отцов по-прежнему значительно ниже, чем матерей, особенно в сфере опеки и эмоциональной поддержки детей. Роль кормильца остается центральной в идентичности как западных, так и азиатских мужчин [27]. При этом доход семьи в совокупности с образованием родителей существенно сказывается на образовательных успехах детей [5]. Все чаще отцы даже из стран с высокой традиционной преемственностью находят возможность поучаствовать в родах и понять уникальность материнского вклада, чтобы получить возможность заботиться о своей семье и детях на том же уровне. При этом роль кормильца не исчезает, а скорее трансформируется и дополняется ролью заботливого опекуна [12]. Мужчины, которые стараются соответствовать нормам «нового отцовства», похоже, проводят время с детьми не менее эффективно, чем безработные отцы, несмотря на полноценную рабочую неделю [20]. А удовольствие, получаемое отцом от работы, коррелирует с тем, считает ли он положительным или отрицательным отношение коллег к его родительским обязанностям [1]. Однако гендерный разрыв во времени, уделяемому бытовым вопросам и домашнему хозяйству сохраняется. Влияние родительского воспитания наиболее очевидно у женщин: рождение ребенка обычно увеличивает время, затрачиваемое на домашнее хозяйство и уход, а сокращение оплачиваемой работы чаще происходит именно для женщин, а не для мужчин [6].

Эмоциональные последствия отцовства явно обусловлены контекстом, в котором отцовство реализуется. Биологические отцы со стабильными семьями демонстрируют наивысший уровень благополучия по сравнению с другими, менее традиционными семейными формами. Социально-демографические и партнерские аспекты являются значительными предикторами благополучия у всех типов отцов. Сепарация биологических детей значимо ухудшает показатели психологического благополучия мужчин, в то время как активное участие родителей и регулярный контакт с детьми положительно связаны с благополучием у отцов [26]. Брак и партнерские отношения также оказывают позитивный эффект на уровень психологического благополучия мужчин [21].

Ученые из университета Новой Англии сформулировали такое определение феномена отцовства [14]:

«Роль отца сложна и охватывает множество важных ролей, таких как опекун, работник, кормилец, домашний менеджер и т. д. На каждую из этих ролей влияют общественные и культурные ожидания и в конечном итоге они проявляются в представлении отца о себе в этой роли. Отец должен также адаптировать и точно настроить эту концепцию на конкретные потребности и личность каждого ребенка».

Таким образом, отцы становятся все более и более вовлечены в разные аспекты жизни детей. Рост эмпирических исследований отцов подтверждает актуальную значимость их влияния на ход развития. Но все же без ответа остается много вопросов о том, как участие отца может по-разному влиять на семейный контекст и какие последствия это несет для него самого.

Благодарности

Работа выполнена на базе кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». Автор благодарит за помощь в подготовке материалов данной статьи научного руководителя Стрижицкую О.Ю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арчакова Т.О. Современное отцовство: баланс между работой и семьей [Электронный ресурс] // Сборник портала психологических изданий PsyJournals.ru. 2009. URL: http://psyjournals.ru/pj/2009_1/22261.shtml (дата обращения: 16.10.2019).
2. Ильин Е.П. Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012. С. 202—232.
3. Кон И.С. Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2010. 704 с.
4. Листонад Т.Н. Медико-психологические аспекты контакта «мать—ребенок» в неонатологическом стационаре: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб.: Психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, 1992. 28 с.
5. Baker C.E. When daddy comes to school: father—school involvement and children’s academic and social—emotional skills // *Early Child Development and Care*. 2016. Vol. 188. № 2. P. 208—219. doi:10.1080/03004430.2016.1211118
6. Bosoni M.L. “Breadwinners” or “Involved Fathers?” Men, Fathers and Work in Italy // *Journal of Comparative Family Studies*. 2014. Vol. 45. № 2. P. 293—315. doi: 10.3138/jcfs.45.2.293
7. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. I. New York: Basic Books. 1982. 407 p.
8. Burke T.J., Wosjidlo A., Segrin C. The Intergenerational Transmission of Social Skills and Psychosocial Problems among Parents and their Young Adult Children // *Journal of Family Communication*. 2013. Vol. 13. № 2. P. 77—91. doi:10.1080/15267431.2013.768247
9. Chin R., Hall P., Daichesa A. Fathers’ experiences of their transition to fatherhood: a metasynthesis // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 2011. Vol. 29. № 1. P. 4—18. doi:10.1080/02646838.2010.513044
10. Father Involvement and Behavior Problems among Preadolescents at Risk of Maltreatment / S. Yoon [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 27. № 2. P. 494—504. doi:10.1007/s10826-017-0890-6
11. Father Involvement and Children’s Early Learning: A Critical Review of Published Empirical Work from the Past 15 Years / J. Downer [et al.] // *Marriage & Family Review*. 2008. Vol. 43. № 1—2. P. 67—108. doi:10.1080/01494920802010264
12. Fatherhood in a New Country: A Qualitative Study Exploring the Experiences of Afghan Men and Implications for Health Services / E. Riggs [et al.] // *Birth Issues in Perinatal Care*. 2015. Vol. 43. № 1. P. 86—92. doi:10.1111/birt.12208
13. Harewood T., Vallotton C.D., Brophy-Herb H. More than Just the Breadwinner: The Effects of Fathers’ Parenting Stress on Children’s Language and Cognitive Development // *Infant and Child Development*. 2017. Vol. 26. № 2. P. e1984. doi:10.1002/icd.1984
14. Hermansen S., Croninger B., Croninger S. Exploring the role of modern day fatherhood // *Work*. 2015. Vol. 50. P. 495—500. doi:10.3233/WOR-141955
15. Iwata H. Experiences of Japanese Men During the Transition to Fatherhood // *Journal of Transcultural Nursing*. 2014. Vol. 25. № 2. P. 159—166. doi:10.1177/1043659613515712
16. Jessee V., Adamsons K. Father Involvement and Father—Child Relationship Quality: An Intergenerational Perspective // *Parenting*. 2018. Vol. 18. № 1. P. 28—44. doi:10.1080/15295192.2018.1405700
17. Jimenez L. Intergenerational traumatic transmission of aspects of masculinities through shame and embarrassment among unemployed young men and their fathers // *International Forum of Psychoanalysis*. 2014. Vol. 23. № 3. P. 151—160. doi:10.1080/0803706X.2013.770169
18. Kalmijn M. Relationships Between Fathers and Adult Children: The Cumulative Effects of Divorce and Repartnering // *Journal of Family Issues*. 2013. Vol. 36. № 6. P. 737—759. doi:10.1177/0192513X13495398
19. Langenhofa M.R., Komdeura J., Oldehinkelb A.J. Effects of parenting quality on adolescents’ personality resemblance to their parents. The TRAILS study // *Journal of Adolescence*. 2016. Vol. 51. P. 163—175. doi:10.1016/j.adolescence.2016.06.003
20. McGill B.S. Navigating New Norms of Involved Fatherhood: Employment, Fathering Attitudes, and Father Involvement // *Journal of Family Issues*. 2014. Vol. 35. № 8. P. 1089—1106. doi:10.1177/0192513X14522247

21. New Fatherhood and Psychological Distress: A Longitudinal Study of Australian Men / L.S. Leach [et al.] // *American Journal of Epidemiology*. 2014. Vol. 180. № 6. P. 582—589. doi:10.1093/aje/kwu177
22. Rohner R., Veneziano R. The importance of father love: history and contemporary evidence // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5. № 4. P. 382—405. doi:10.1037//1089-2680.5.4.382
23. Sweeney S., MacBeth A. The effects of paternal depression on child and adolescent outcomes: A systematic review // *Journal of Affective Disorders*. 2016. Vol. 205. P. 44—59. doi:10.1016/j.jad.2016.05.073
24. The Intergenerational Transmission of Anxiety: A Children-of-Twins Study / T.C. Eley [et al.] // *The American Journal of Psychiatry*. 2015. Vol. 172. № 7. P. 630—637. doi:10.1176/appi.ajp.2015.14070818
25. Thomas P.A., Umberson D. Do older parents' relationships with their adult children affect cognitive limitations, and does this differ for mothers and fathers? // *Journals of Gerontology: Social Sciences*. 2017. Vol. 73. № 6. P. 1133—1142. doi:10.1093/geronb/gbx009
26. Waldvogel P., Ehlert U. Contemporary fatherhood and its consequences for paternal psychological well-being — a cross-sectional study of fathers in Central Europe // *Frontiers in Public Health*. 2016. Vol. 4. art. 199. doi:10.3389/fpubh.2016.00199
27. Yeung W.-J.J. Asian Fatherhood // *Journal of Family Issues*. 2013. Vol. 34. № 2. P. 141—160. doi:10.1177/0192513X12461133

Fatherhood as a psychological phenomenon. Review of modern foreign literature

Kalina I.A.,

*post-graduate student at the chair of developmental and differential psychology, department of psychology,
Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
ingrit.13@mail.ru*

The article provides a literature review of contemporary foreign studies on the topic of paternity. The mental health of children and adults is closely connected with the parent figures. Historically, the father's figure stood out in the work of psychologists, thus it was practically not studied by them. Modern studies not only confirm the equal importance of the maternal and paternal figures, but also highlights the specific influence of fathers. Direct influence extends to cognitive development, socio-emotional competence, as well as physical similarity. The indirect influence of fathers (through their relationships with mothers) on psychological well-being of the child, child's behavior and child-parent relationships in general has also been noted by scholars. The role of the father positively affects the psychological health of men and their well-being in general. The advancement of the phenomenon of "new fatherhood" is a global trend and it contributes not only to improving the mental health of the population, but also to a more comprehensive study of paternal problems.

Keywords: Fatherhood, child-parent relationship.

Acknowledgements

The research was supported by developmental and differential psychology department, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University.

REFERENCES

1. Archakova T.O. Sovremennoe ottsovstvo: balans mezhdou rabotoi i sem'ei [Elektronnyi resurs] [Modern fatherhood: a balance between work and family]. Cbornik portala psikhologicheskikh izdaniy PsyJournals.ru [Digest of the portal of psychological publications PsyJournals.ru], 2009. URL: http://psyjournals.ru/pj/2009_1/22261.shtml (Accessed 16.10.2019). (In Russ.; Abstr. In Engl.).
2. Il'in E.P. Psikhologiya vzroslosti [Psychology of adulthood]. Sankt-Peterburg: Piter, 2012, p. 202—232. (In Russ.).
3. Kon I.S. Mal'chik — otets muzhchiny [The boy is the father of the man]. Moscow: Vremya, 2010. 704 p. (In Russ.).
4. Listopad T.N. Mediko-psikhologicheskie aspekty kontakta „mat'-rebenok“ v neonatologicheskom stacionare. Avtoref. diss. kandidat psikhol. nauk. [Medical and psychological aspects of the mother-child contact in a neonatology hospital. Candidate (Psychology) Thesis]. Sankt-Peterburg: Psikhonevrologicheskii institut im. V.M. Bekhtereva, 1992. 28 p. (In Russ.).
5. Baker C.E. When daddy comes to school: father—school involvement and children's academic and social—emotional skills. *Early Child Development and Care*, 2016. Vol. 188, no. 2, pp. 208—219. doi:10.1080/03004430.2016.1211118
6. Bosoni M.L. «Breadwinners» or «Involved Fathers?» Men, Fathers and Work in Italy. *Journal of Comparative Family Studies*, 2014. Vol. 45, no. 2, pp. 293—315. doi:10.3138/jcfs.45.2.293
7. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. I. New York: Basic Books. 1982. 407 p.
8. Burke T.J., Wozidlo A., Segrin C. The Intergenerational Transmission of Social Skills and Psychosocial Problems among Parents and their Young Adult Children. *Journal of Family Communication*, 2013. Vol. 13, no. 2, pp. 77—91. doi:10.1080/15267431.2013.768247
9. Chin R., Hall P., Daichesa A. Fathers' experiences of their transition to fatherhood: a metasynthesis. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 2011. Vol. 29, no. 1, pp. 4—18. doi:10.1080/02646838.2010.513044
10. Yoon S. et al. Father Involvement and Behavior Problems among Preadolescents at Risk of Maltreatment. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 27, no. 2, pp. 494—504. doi:10.1007/s10826-017-0890-6
11. Downer J. et al. Father Involvement and Children's Early Learning: A Critical Review of Published Empirical Work from the Past 15 Years. *Marriage & Family Review*, 2008. Vol. 43, no. 1—2, pp. 67—108. doi:10.1080/01494920802010264
12. Riggs E. et al. Fatherhood in a New Country: A Qualitative Study Exploring the Experiences of Afghan Men and Implications for Health Services. *Birth issues in perinatal care*, 2015. Vol. 43, no. 1, pp. 86—92. doi:10.1111/birt.12208
13. Harewood T., Vallotton C.D., Brophy-Herb H. More than Just the Breadwinner: The Effects of Fathers' Parenting Stress on Children's Language and Cognitive Development. *Infant and Child Development*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. e1984. doi:10.1002/icd.1984
14. Hermansen S., Croninger B., Croninger S. Exploring the role of modern day fatherhood. *Work*, 2015. Vol. 50, pp. 495—500. doi:10.3233/WOR-141955

15. Iwata H. Experiences of Japanese Men During the Transition to Fatherhood. *Journal of Transcultural Nursing*, 2014. Vol. 25, no. 2, pp. 159—166. doi:10.1177/1043659613515712
16. Jessee V., Adamsons K. Father Involvement and Father—Child Relationship Quality: An Intergenerational Perspective. *Parenting*, 2018. Vol. 18, no. 1, pp. 28—44. doi:10.1080/15295192.2018.1405700
17. Jimenez L. Intergenerational traumatic transmission of aspects of masculinities through shame and embarrassment among unemployed young men and their fathers. *International Forum of Psychoanalysis*, 2014. Vol. 23, no. 3, pp. 151—160. doi:10.1080/0803706X.2013.770169
18. Kalmijn M. Relationships Between Fathers and Adult Children: The Cumulative Effects of Divorce and Repartnering. *Journal of Family Issues*, 2013. Vol. 36, no. 6, pp. 737—759. doi:10.1177/0192513X13495398
19. Langenhofa M.R., Komdeura J., Oldehinkelb A.J. Effects of parenting quality on adolescents' personality resemblance to their parents. The TRAILS study. *Journal of Adolescence*, 2016. Vol. 51, pp. 163—175. doi:10.1016/j.adolescence.2016.06.003
20. McGill B.S. Navigating New Norms of Involved Fatherhood: Employment, Fathering Attitudes, and Father Involvement. *Journal of Family Issues*, 2014. Vol. 35, no. 8, pp. 1089—1106. doi:10.1177/0192513X14522247
21. Leach L.S. et al. New Fatherhood and Psychological Distress: A Longitudinal Study of Australian Men. *American Journal of Epidemiology*, 2014. Vol. 180, no. 6, pp. 582—589. doi:10.1093/aje/kwu177
22. Rohner R., Veneziano R. The importance of father love: history and contemporary evidence. *Review of General Psychology*, 2001. Vol. 5, no. 4, pp. 382—405. doi:10.1037//1089-2680.5.4.382
23. Sweeney S., MacBeth A. The effects of paternal depression on child and adolescent outcomes: A systematic review. *Journal of Affective Disorders*, 2016. Vol. 205, pp. 44—59. doi:10.1016/j.jad.2016.05.073
24. Eley T.C. et al. The Intergenerational Transmission of Anxiety: A Children-of-Twins Study. *The American Journal of Psychiatry*, 2015. Vol. 172, no. 7, pp. 630—637. doi:10.1176/appi.ajp.2015.14070818
25. Thomas P.A., Umberson D. Do older parents' relationships with their adult children affect cognitive limitations, and does this differ for mothers and fathers? *Journals of Gerontology: Social Sciences*, 2017. Vol. 73, no. 6, pp. 1133—1142. doi:10.1093/geronb/gbx009
26. Waldvogel P., Ehlert U. Contemporary fatherhood and its consequences for paternal psychological well-being — a cross-sectional study of fathers in Central Europe. *Frontiers in Public Health*, 2016. Vol. 4, art. 199. doi:10.3389/fpubh.2016.00199
27. Yeung W.-J.J. Asian Fatherhood. *Journal of Family Issues*, 2013. Vol. 34, no. 2, pp. 141—160. doi:10.1177/0192513X12461133

Образ тела и отношение к своему телу у подростков: семейные и социокультурные факторы влияния (по материалам зарубежных исследований)

Ерохина Е.А.,

*магистрант кафедры детской и семейной психотерапии факультета консультативной
и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
eaerokhina@gmail.com*

Филлипова Е.В.,

*кандидат психологических наук, заведующая кафедрой детской и семейной психотерапии
факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
e.v.filippova@mail.ru*

Представлен обзор зарубежных исследований, посвященных проблеме образа тела и отношения к своему телу у подростков. Рассмотрено влияние социального окружения, социальных сетей и семьи на формирование образа тела и удовлетворенность им в подростковом возрасте. Акцент сделан на исследования, рассматривающие в качестве основного фактора влияния детско-родительские отношения, позицию родителей и их поведение по отношению к внешности и телесному облику подростков, собственное отношение к своему телу родителей и трансляцию своих моделей поведения детям. Показано, что отношение к своему телу может являться предиктором возникновения расстройств пищевого поведения, избыточной массы тела, депрессивных симптомов, дисморфий. Анализ представленных исследований подводит к пониманию необходимости просветительской работы с социокультурным и семейным окружением подростков, в первую очередь, с их родителями.

Ключевые слова: образ тела, детско-родительские отношения, расстройства пищевого поведения, депрессия, индекс массы тела, виктимность, СМИ, социальные сети, родители, сверстники, самооценка.

Для цитаты:

Ерохина Е.А., Филлипова Е.В. Образ тела и отношение к своему телу у подростков: семейные и социокультурные факторы влияния (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 57—68. doi: 10.17759/jmfp.2019080406

For citation:

Erokhina E.A., Filippova E.V. Body image and attitude to one's body in adolescent: family and sociocultural factors (based on foreign researches) [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 57—68. doi: 10.17759/jmfp.2019080406 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Введение

Образ тела и удовлетворенность своим телом является одной из наиболее популярных тем исследований в современной зарубежной науке. Эта тема изучается не только в рамках психологии, но и в рамках психиатрии и медицины в целом. Каждый год публикуются десятки исследований образа тела и отношения к телу в различных журналах, как в журналах общей направленности, так и узконаправленных (например, журнал «Body Image»).

В области исследований образа тела можно выделить несколько направлений, но самым важным и самым популярным на данный момент является изучение воздействия так называемого социокультурного треугольника на формирование образа тела и на удовлетворенность подростков, молодежи и даже взрослых людей своим телом. Под социокультурным треугольником исследователи имеют в виду три группы факто-

ров: влияние семьи (в том числе, родителей, если говорить о подростках и молодежи), сверстников (одноклассников, друзей, коллег) и средств массовой информации, причем в последние годы доминирует изучение влияния Интернета в целом и социальных сетей — в частности, таких как Facebook и Instagram в качестве самых популярных.

Изучаются также расстройства пищевого поведения. В исследованиях, посвященных этой теме, неудовлетворенность своим телом почти всегда выступает медиатором расстройств пищевого поведения. Также исследования выявили связь между неудовлетворенностью собственным телом и возникновением депрессивных и тревожных симптомов, что является актуальной проблемой в связи с распространением депрессивных расстройств в последние десятилетия.

К более узким исследованиям можно отнести изучение влияния вредных привычек на образ тела, особенностей тела у лиц с соматическими заболеваниями и др.

Такой интерес к проблеме образа тела и отношения к нему легко объясним, поскольку образ тела является важным элементом самосознания, влияющим на становление характера и личности человека. Понятие «образ тела» было введено в 1935 году австро-американским психоаналитиком П. Шильдером. Образ тела Шильдер понимал как «... представление о нашем собственном теле, которое мы создаем в нашем уме, т. е. то, как оно представляется нам самим». Как показано еще работами классиков детского психоанализа — Д.В. Винникотта, М. Малер, Фр. Дольто, — формирование образа Я начинается с формирования образа тела, первых телесных ощущений, возникающих во взаимодействии матери и ребенка.

Особую остроту проблема отношения к своему телу приобретает в подростковом возрасте, когда происходящая гормональная перестройка организма приводит к изменению форм и пропорций тела, внешности подростка, потере целостного ощущения себя. Все это происходит на фоне того, что общение со сверстниками становится ведущей деятельностью подростка, зарождаются романтические отношения, выходит на сцену личностный эгоцентризм (описанные Элкингом феномены «воображаемой аудитории» и «сосредоточенности на себе»). Принятие своего тела превращается порой в трудную, драматичную проблему для подростка, которая может непреднамеренно усугубляться самими родителями.

Среди исследований, представленных в настоящем обзоре, можно выделить несколько основных направлений: это общие исследования образа тела подростков, связь образа тела с самоощущением, самооценкой, удовлетворенностью собой; влияние социокультурных факторов (сверстников, социальных сетей) и, наконец, влияние родительского поведения по отношению к телесному облику подростка на образ тела подростков и удовлетворенность им. Конечно, разделение этих факторов весьма условно, они всегда действуют совокупно, оказывая воздействие если не прямо, то опосредованно.

В фокусе настоящего обзора находятся исследования, направленные, главным образом, на изучение влияния детско-родительских отношений, позиции родителей и их моделей поведения на образ тела подростков и их отношение к своему телу, возможные последствия ошибочных родительских стратегий. Часто влияние родителей рассматривается в совокупности с влиянием социальных сетей и сверстников.

I. Общие исследования образа тела, гендерные и возрастные аспекты

Среди общих исследований образа тела следует назвать работу чешских специалистов, целью которой стало изучение внешнего вида и удовлетворенности подростков своим телом [1]. В выборку вошли 3105 подростков в возрасте 18 лет, 52,2% девочек и 47,7% мальчиков.

Результаты исследования показали, что девочки в целом менее удовлетворены своей внешностью, чем мальчики. Тем не менее, для обоих полов неудовлетворенность телом скорее всего усиливается критическими комментариями сверстников и родителей относительно их внешности, веса тела и т. д. Было обнаружено, что попытки подростков изменить свой вес возрастают не только с повышением индекса массы тела (ИМТ), но и с усилением нелицеприятной критики. Для поддержания здорового отношения подростков к себе им необходима позитивная оценка со стороны их окружения, в то время как низкая самооценка и неуверенность в себе могут негативно сказываться на здоровье подростков, а следовательно, на их росте и развитии.

Похожие результаты были получены ранее в исследовании 2006 года Т. Дэвидсон и М. МакКэбе [6], направленном на изучение взаимосвязи между различными аспектами образа тела и психосоциальным функционированием подростков. Было выявлено, что у девушек более негативный образ тела чем у юношей, но отношение образа тела к самооценке одинаково для обоих полов.

Исследование также показало, что для самооценки девушек важнее была внешняя оценка их тела, в то время как у мальчиков на самооценку больше влияло их собственное восприятие своего тела. Авторы обнаружили, что негативный образ тела не связан с отрицательным аффектом обладателя тела, но напрямую связан с отношениями со сверстниками противоположного пола. Особенно это актуально для мальчиков.

Подробное исследование образа тела подростков в различных возрастах осуществили Пауло В., Миранда Н., Конти М. и коллеги [3]. Изучалась зависимость образа тела от пола и питания. В соответствии с периодизацией ВОЗ авторы выделили три периода подростничества — ранний (10—13 лет), средний (14—16 лет) и поздний (17—21 лет). В среднем возраст испытуемых составил 15,6 лет, среди них 158 человек — младших подростков, 290 — средних и 103 — старших. Оказалось, что 33% подростков, имеющих нормальный индекс массы тела, демонстрируют неудовлетворенность своим телом, причем подростки среднего возраста более недовольны своим телом, чем младшие и старшие. Девочки продемонстрировали большее недовольство своим телом, чем мальчики; что же касается возраста, то девушки в старшем подростковом возрасте чаще были недовольны своим телом, чем в младшем, в то время как мальчики показывают обратную тенденцию.

Таким образом, можно говорить о том, что девочки-подростки являются более уязвимыми в вопросах отношения к телу, поскольку они попадают под социальное давление — необходимость соответствовать некому идеалу формы тела, которого сложно достичь. Мальчики-подростки показали большую неудовлетворенность силуэтом своего тела, а не формой. Это может объясняться, по мнению авторов статьи, тем, что образ идеального мужского тела характеризуется как мускулистое и поджарое, а женского — как худое.

О. Вальтер и В. Шинар-Голан исследовали влияние детско-родительских отношений на образ тела мальчиков-подростков и их субъективное благополучие [33].

В исследовании приняли участие 107 юношей из Израиля в возрасте от 13 до 19 лет. Участники были разделены на три возрастные группы: 13—14 лет, 15—16 лет и 17—18 лет, измерялся ИМТ каждого участника. Исследование проводилось с помощью опросников.

Полученные данные могут свидетельствовать о том, что на формирование и определение подростками своего идеала образа тела влияют личностные и культурные факторы, физические изменения, а также взаимоотношения «родитель—подросток», в то время как возраст играет второстепенную роль.

Результаты регрессионного анализа показали, что фактор образа тела является основным и единственным предиктором субъективного благополучия, который основан на подростковом восприятии. В то же время детско-родительские отношения в значительной степени положительно связаны как с субъективным благополучием подростков, так и с образом тела.

II. Исследования влияния социокультурных факторов (социальных сетей, родителей и сверстников) на отношение к телу

Влияния современных визуальных социальных сетей на образ тела изучалось в университете Турина в Италии [16]. Целью его было выявление связи между временем, которое подростки проводят в социальных сетях, и проблемами, связанными с образом тела. В исследовании приняли участие 523 учащихся, девочек и мальчиков, из 6—11 классов школы.

Полученные данные подтвердили гипотезу о том, что частое использование социальных сетей может негативно влиять на образ тела у подростков. Кроме того, оказалось, что использование социальных сетей с высокой степенью визуального сопровождения влияет на образ тела более негативно, чем Facebook, и провоцирует появление эмоциональных симптомов. Это можно объяснить тем, что использование социальных сетей с высокой степенью визуального сопровождения повышает возможность сравнения себя с изображениями других пользователей, фотографии которых часто подражают социально принятым идеалам красоты. В результате разрыв между оценкой образа своего тела и этими изображениями способствует повышению неудовлетворенности собой и беспокойством об образе своего тела, что, в свою очередь, влияет на развитие таких симптомов, как депрессия и тревога.

Влияние социокультурных факторов на образ тела подростков было подтверждено в работе О. Доган, П. Байхан, А. Юкселен в 2018 году [7]. Полученные ими данные свидетельствуют о наличии положительной корреляции между образом тела подростков и такими факторами, как средства массовой информации, а также поведением родителей и сверстников.

Исследование связи образа тела с депрессивными симптомами в подростковом возрасте было предпринято Мюрреем К. с соавторами [22].

Было опрошено 298 подростков, учащихся частных школ Австралии, из которых 161 были девочками (средний возраст 15,36 лет) и 137 — мальчиками (средний возраст 15,54 года). Измерялись депрессивные симптомы, удовлетворенность телом, стратегии изменения тела, важность внешнего вида тела и самооценка, учитывались пол, возраст и ИМТ испытуемых.

Результаты показали, что девушки более склонны к неудовлетворенности своим телом, стрессу, желанию снизить вес, симптомам депрессии и более низкой самооценке. Они обнаружили стремление сбросить вес, в отличие от юношей, которые продемонстрировали желание увеличить мышечную массу.

Полученные данные позволяют предполагать, что отношение к телу может быть значительным предиктором депрессивных симптомов у девочек-подростков. Кроме того, это исследование обнаружило, что стратегии изменения тела, связанные с набором мышечной массы, являются предикторами депрессии как у девушек, так и юношей, в то время как предыдущие исследования показывали, что это характерно только для юношей.

Михаэль С.Л., Венцель К. и другие [23] изучали, как родительское воспитание, влияние сверстников (отношения со сверстниками, одиночество среди сверстников, виктимизация сверстниками и страх негативной оценки сверстниками) и физическая самооценка пятиклассников связаны с несоответствием в образе тела. Была выдвинута гипотеза о негативной связи между родительским воспитанием и несоответствием в образе тела. (Несоответствие образа тела было определено как разница между оценкой размера своего тела подростком и того размера, который, как они считают, должен быть у ребенка их возраста). Выборка составила 5147 детей.

Результаты показали, что для мальчиков воспитание отцом и общение со сверстниками отрицательно коррелируют с несоответствием в образе тела. Для девочек страх отрицательной оценки сверстниками положительно соотносится с несоответствиями в образе тела. Как для мальчиков, так и для девочек, хорошие отношения со сверстниками и страх негативной оценки со стороны сверстников напрямую связаны с физической самооценкой. Кроме того, материнское воспитание положительно соотносится с физической самооценкой девочек, а отцовское воспитание — с физической самооценкой мальчиков. В свою очередь, физическая самооценка, как для мальчиков, так и для девочек, отрицательно соотносится с несоответствиями в образе тела. Полученные результаты подчеркивают потенциал родительского влияния и влияния сверстников на снижение несоответствий в образе тела у пятиклассников, т. е. на снижение расхождений между восприятием своего тела и идеальным образом тела.

Заметим, что не все представленные исследования построены по принципу установления прямых корреляций.

ляций между образом тела и какими-либо параметрами. Во многих исследованиях образ тела выступил как опосредующая переменная между показателями, на первый взгляд, никак не связанными друг с другом.

Так, Эмиртекин С., Балтаб И. и др. [31] выдвинули гипотезу о том, что подростки, которые страдали от эмоционального жестокого обращения в детстве, будут более склонны к проблемному использованию смартфонов.

В исследовании приняли участие 443 турецких подростка (из них 60% девушек) в возрасте от 14 до 18 лет.

Результаты показали, что связь между эмоционально жестоким обращением в детстве и проблемным использованием смартфонов опосредуется некоторыми психологическими факторами риска, таким как неудовлетворенность образом своего тела, депрессией и социальной тревогой у подростков. Это говорит о том, что эмоционально жестокое обращение в детстве сложным образом связано с неудовлетворенностью своим телом, депрессией, тревогой.

Еще одной работой, в которой образ тела выступил промежуточной переменной, стало лонгитюдное исследование подростков с сахарным диабетом. Оно одним из первых связало образ тела как с детско-родительскими отношениями, так и с контролем гликемии [14]. Его авторы, Хартл А., Сейфжа-Кренке И. и Лаурсен В., предположили, что образ тела опосредует связь между семейными отношениями и контролем уровня сахара в крови у подростков с диабетом первого типа. Эта гипотеза была выдвинута в отношении тех подростков, которые еще не вступали в романтические отношения, поскольку предполагалось, что эти подростки больше ориентированы на свою семью, чем те, кто уже вступил в романтические отношения.

Участниками были немецкие подростки с сахарным диабетом первого типа (51 девочка, 58 мальчиков; средний возраст 15.84 лет). Подростки, которые не состояли в романтических отношениях, показали наличие связи между семейными отношениями и образом тела, который негативно влиял на факт контроля уровня сахара в крови. Чем хуже были семейные отношения, тем хуже был образ тела, и тем чаще подростки переставали регулярно измерять уровень сахара.

В то же время, для тех подростков, которые находились в романтических отношениях, семейные отношения не влияли на факт измерения уровня сахара в крови.

Ученые из США, Бурнетт К., Квитовски М. и Мазео С., изучали связь социальных сетей и образа тела у девочек-подростков [4]. Выборку составили ученицы частной школы для девочек, всего 38 девочек в возрасте 13—14 лет. Исследование проходило в форме интервью, которое показало, что использование интернета и социальных сетей было высоким у этих девочек, что согласуется с предыдущими данными по этой возрастной группе.

Влияние родителей оказалось важным фактором в степени использования социальных сетей этой выбор-

кой. Наиболее распространенной причиной отказа от использования социальных сетей девочками были родительские ограничения и значительный родительский контроль за использованием соцсетей. Многие участницы выразили недовольство ограничениями, установленными их родителями, однако эти родительские стратегии оказались эффективными и сдерживали использование социальных сетей девочками.

Девочки также говорили о конкретных программах, которые предлагала школа, таких как клуб, нацеленный на принятие физических различий, и клуб по образу тела. Результаты исследования свидетельствуют о том, что культура школы и участие родителей смягчают влияние социальных сравнений и способствуют воспитанию удовлетворенности образом своего тела.

Таким образом, эта работа показала, что просвещение девочек подросткового возраста относительно последствий сравнений своей внешности с «эталоном», а также оснащение их средствами, позволяющими переосмыслить такие сравнения (например, более широкая концептуализация красоты), могут быть эффективными средствами снижения негативного влияния социальных сетей на образ тела.

Серьезной проблемой, связанной с близким окружением подростка в современном обществе, остается виктимность, или особенности виктимного поведения, провоцирующие агрессию окружающих, которая, в силу неустойчивости подростковой психики, может быть обоюдоострым оружием.

Остановимся на исследованиях, где рассматривались связи между восприятием себя, образом тела, и виктимизацией, исходящей от родителей и сверстников.

Так, в 2014 году Дюарте Е., Пинто-Гувейя К. и Ферейра Д. провели исследование влияния на образ тела виктимизации сверстниками и родителями [2].

С этой целью была разработана «Шкала опыта виктимизации образа тела (Body Image Victimization Experiences Scale (BIVES))». С помощью этой шкалы измерялась частота и сила виктимизации, связанной с образом тела, которая исходила от сверстников и родителей и которую испытуемые пережили в детстве и подростковом возрасте.

В исследовании приняли участие 1207 женщин в возрасте 18—60 лет, среди них 718 студенток. Было показано, что опыт виктимизации тела положительно коррелирует с депрессивными, тревожными и стрессовыми симптомами, стыдом за свое тело и пищевыми расстройствами, а именно с перееданием. Эти результаты совпадают с предыдущими исследованиями, демонстрирующими роль этих переживаний в пищевых расстройствах, самооценке и межличностном взаимодействии.

Тема буллинга и виктимности звучит и в масштабном исследовании Лин Ю., Латнера Дж. и др. [26], которое было направлено на выявление связи между весом, восприятием своего образа тела, здоровьем, позитивными отношениями с родителями и опытом буллинга у подростков.

В исследовании приняли участие 8303 ученика 7—10 классов школ в Гонконге. Результаты подтвердили положительную связь между недовольством своим внешним видом и буллингом, они также показали, что хорошие отношения с родителями положительно коррелируют с меньшим количеством издевательств со стороны сверстников и лучшим психологическим здоровьем подростков. Родители могут оказывать поддержку подросткам в преодолении межличностных конфликтов, а привязанность к родителям может помочь подросткам развить социальные навыки, которые не позволят им стать жертвой издевательств. Таким образом, помощь подросткам в налаживании более тесных отношений с родителями и эффективное общение родителей со своими детьми может иметь важное значение для предотвращения буллинга и укрепления здоровья.

Австралийские авторы Уэбб Х., Циммер-Гембек М. и коллеги [27] изучали влияние «социокультурного треугольника» (сверстники, родители, СМИ) на чувствительность подростков к отвержению из-за внешности. Была выдвинута гипотеза, что чувствительность к отвержению из-за внешности у подростков будет расти в течение одного года, если они будут испытывать больше насмешек из-а внешнего вида от сверстников и родителей, а также давление с их стороны с тем, чтобы быть более привлекательными. Кроме того, предполагалось, что чувствительность к отвержению из-за внешности у подростков увеличивается из-за давления СМИ. В исследовании приняли участие 365 учеников (55% девочек) частных школ Австралии в возрасте от 9 до 14 лет.

Полученные результаты подтвердили значимость всех трех социокультурных факторов (сверстники, родители, СМИ) для формирования у подростков чувствительности к отвержению из-за внешности. Были выявлены также возрастные и гендерные различия. Младшие подростки (9—11 лет) показали больше зависимости от насмешек и мнения родителей, чем старшие (12—14 лет). Также данное исследование подтвердило, что все эти выводы более характерны для девочек, чем для мальчиков.

Целью исследования, которое провели Парк В. и Эпштейн Н. [24] стало изучение причинно-следственной связи между самооценкой и дистрессом, связанным с образом тела, на выборке корейских подростков. Кроме того, они изучали смягчающее влияние качества детско-родительских отношений на самооценку и дистресс подростков, вызванный образом тела.

Исследование проводилось с помощью опроса в течение шести лет с подростками, начиная с младших подростков. В нем участвовали 3166 человек (1584 мальчика и 1582 девочки).

Результаты свидетельствуют о том, что для того, чтобы понять направление связи между дистрессом, связанным с образом тела, и самооценкой необходимо учитывать гендерный фактор. Так, у мальчиков самооценка имела обратную корреляцию с последующим нарушением образа тела, но нарушение образа тела не

было фактором, предшествующим снижению самооценки. В отличие от мальчиков, более высокая самооценка у девочек была предиктором более низкого дистресса, связанного с образом тела, а больший дистресс, вызванный образом тела, был предиктором последующей более низкой самооценки.

Данные выводы совпадают с выводами предыдущих исследований (Mendelson et al.'s (1996)). Это позволяет сделать вывод о том, что внешность для мальчиков, в отличие от девочек, не является важным фактором в формировании самооценки.

Что касается смягчающего влияния детско-родительских отношений, здесь тоже были выявлены гендерные различия. Оказалось, что для девочек позитивные отношения с родителями не смягчают влияния дистресса, связанного с образом тела, на самооценку; более того, они даже усиливают это влияние. Возможно, в контексте пристального внимания общества к физической привлекательности, девушки сбрасывают со счетов безусловное положительное отношение со стороны родителей, поскольку считают, что их родители недооценивают серьезность проблемы физической привлекательности, которая так волнует самих девочек.

В то же время для мальчиков хорошие отношения с родителями смягчают длительное влияние дистресса, связанного с образом тела, на самооценку.

III. Исследования влияния родительского воздействия на внешний облик подростков (контроль питания, насмешки со стороны родителей, родительская поддержка, родительские установки)

В работе Хэлферт С. и Варшбургер П. [12] исследовалось влияние социального давления, связанного с внешним видом, на отношение к образу тела у девочек и мальчиков подросткового возраста. Авторы выдвинули гипотезу о том, что насмешки со стороны сверстников и родителей являются предикторами проблем с весом у девочек и проблем с весом и набором мышечной массы у мальчиков. В исследовании приняли участие 429 учеников немецких школ (236 девочек и 193 мальчика) в возрасте 11—16 лет. Был использован авторский опросник «Анкета социального давления на внешний вид».

Оказалось, что больше всего на образ тела подростков влияют модели поведения сверстников и родителей, школьные нормы, а также родительское одобрение поддержания веса и формы тела в определенных рамках. Таким образом, было показано, что социальное давление является одним из главных факторов, влияющих на формирование негативного образа тела у подростков. Кроме того, фиксация родителей на теме тела (чрезмерный контроль питания ребенка, отслеживание его веса родителями) приводит к набору веса у детей к старшему школьному возрасту, а негативно окрашенные разговоры о внешнем виде, диетах и лиш-

нем весе приводят к расстройствам пищевого поведения и нарушениям образа тела у старших подростков, особенно у девочек.

В исследовании Хоул К. изучалось влияние отношения матерей и отцов к внешнему виду подростков на образ тела, самооценку и отношение к еде у подростков мужского и женского пола (в возрасте 11—14 лет) [18].

Были сформулированы гипотезы о том, что отцы имеют большее влияние на мальчиков по названным переменным, а матери — на девочек. Кроме того, девочки будут иметь более низкую самооценку, более негативный образ тела и нездоровое отношение к еде, чем мальчики.

Как оказалось, отношение родителей имело незначительное косвенное влияние на самооценку их детей независимо от пола, при этом матери имели значительное влияние на удовлетворенность ребенка своим телом, также независимо от пола ребенка. Девочки продемонстрировали более низкую самооценку и удовлетворенность своим телом, чем мальчики. И у мальчиков, и у девочек самооценка оказалась связанной с образом тела и пищевыми привычками.

В то же время корреляционный анализ показал прямую связь между отношениями с обоими родителями и самооценкой у мальчиков, и удовлетворенностью своим телом у девочек.

С работой Хоул К. перекликается исследование Иванович М., Милосавлиевич С. и Иванович Ю., которые изучали влияние родителей на неудовлетворенность подростков своим телом [20].

Выборку составили 228 подростков мужского и женского пола в возрасте 16—19 лет. Было показано, что такие факторы, как родительские отзывы о внешнем виде, питание и физические упражнения; насмешки, а также стимуляция снижения веса, исходящие от обоих родителей; насмешки и стимуляция к набору мышечной массы со стороны отца и поведенческая модель отца являются значимыми предикторами общей неудовлетворенности телом в старшем подростковом возрасте. Испытуемые, получавшие положительные отзывы о внешнем виде, привычках в еде и физической активности от обоих родителей, были более удовлетворены своим телом. Напротив, подростки, получающие негативную обратную связь от родителей (насмешки, поощрение к похудению) были недовольны своим телом.

Это исследование подтвердило также выводы о том, что девочки-подростки больше ценят мнение матери о своем теле, а юноши — мнение отца, девушки больше стремятся сбросить вес, а юноши — увеличить мышечную массу. Подростки обоих полов, чьи родители поддерживают и одобряют, больше удовлетворены своим телом, чем подростки, чьи родители дразнят или стимулируют худеть или работать с телом.

Многие авторы обращают внимание на риски возникновения дисморфии (чрезмерная озабоченность небольшими дефектами или некоторыми особенно-

стями своего тела), которые могут усугубляться по вине родителей.

Тема воздействия родителей на отношение подростков к своему телу и последствий этого воздействия нашла свое отражение в исследовании Деншам К., Уэбб Х., Циммер-Гембек М. и др. [9]. Целью его было проверить, связаны ли симптомы дисморфии у подростков 9—14 лет с насмешками родителей над их весом и внешностью, а также с привычками и отношением к весу и внешности самих родителей. Информация об этом собиралась как у родителей, так и у детей. Симптомы дисморфии у младших подростков были рассмотрены как компенсаторный ответ на родительские послания подросткам об их внешнем виде.

Второй целью было проверить, связаны ли насмешки и негативные установки в сфере веса и внешности родителей тех детей, которые имели симптомы дисморфии, с озабоченностью детей тем, что социум может отвергнуть их из-за внешности. В исследовании приняли участие 302 ученика 5, 6 и 7 классов (53% девочек) трех австралийских школ в возрасте 9,7—14 лет.

Авторами была обнаружена связь между насмешками родителей над внешностью и весом детей с симптомами дисморфии у младших подростков. Результаты для мальчиков и девочек были одинаковыми. Те подростки, которые сообщали о негативном отношении родителей к их весу и внешности, демонстрировали и больше симптомов дисморфии и опасения о социальном отвержении из-за внешности.

Интересно, что родители продемонстрировали гораздо более негативное отношение к весу и внешности детей, чем воспринимали свой вес и внешность сами дети. При этом оказалось, что на возникновение симптомов дисморфии влияет не столько реальное отношение родителей к весу и внешности подростка, сколько то, как подростки эти отношения воспринимают.

К этому же направлению исследований можно отнести и работу Картер Дж., Смит С и др. [21], в которой была выдвинута гипотеза о том, что негативный образ тела является медиатором между детско-родительскими отношениями и интернализируемыми симптомами у подростков. Вторая гипотеза исследования заключалась в том, что и пол, и этническая принадлежность подростков опосредуют связь между детско-родительскими отношениями, негативным образом тела и интернализируемыми симптомами.

В исследовании приняли участие 140 школьников (из них 71% девочек) в возрасте 10—16 лет, среди них были представители разных рас.

Результаты показали, что образ тела действительно выполняет роль посредника между детско-родительскими отношениями и интернализируемыми симптомами тревожности и депрессии у подростков в семьях с низким доходом. Влияние образа тела как посредника в этих отношениях было одинаковым как для мальчиков, так и для девочек. Также было показано, что

влияние матери на образ тела подростка сильнее, чем влияние отца. Вопреки ожиданиям авторов, различий во влиянии образа тела на интернализируемые симптомы тревожности и депрессии в зависимости от гендера не было обнаружено.

Исследование, направленное на изучение связи между семейной поддержкой и возникновением расстройств пищевого поведения у подростков, уезжающих из семьи в колледж, провели Кириш А. и Шапиро Д. [10]. Результаты показали существование обратной корреляции между поддержкой семьи и расстройством пищевого поведения (РПП). Это говорит о том, что отношения подростков со своими семьями, даже когда они поступают в колледж, продолжают играть важную роль в развитии расстройств пищевого поведения как для мужчин, так и для женщин. Интересно, однако, что связь между отсутствием семейной поддержки и расстройствами пищевого поведения не была опосредована неудовлетворенностью телом и семейная поддержка не оказалась предиктором удовлетворенности телом. Это может указывать на то, что семейные отношения связаны особым образом с развитием расстройств пищевого поведения и не связаны с развитием негативных чувств о своем теле. Во время перехода подростка в колледж семейная поддержка может оказывать свое влияние на пищевое поведение через альтернативные механизмы.

В работе Чоу К. и Тан К. [5] изучалась связь расстройств пищевого поведения и депрессивных симптомов с динамикой разговоров о лишнем весе («fat talk» — «жирные разговоры») в диаде «мать—дочь» в подростковом возрасте. «Fat talk» — это форма диалога, которая включает взаимное раскрытие и поддержку недовольства, связанного с внешним видом. Авторы предположили, что ведение подобных бесед между матерью и дочерью будет связано с расстройствами пищевого поведения и депрессивными симптомами у обеих, а также будет влиять на развитие и усугубление этих проблем у собеседницы (так называемый «эффект партнера»). Было предположено, что матери и дочери с одинаково высоким желанием таких бесед будут переживать больше депрессивных симптомов и расстройств пищевого поведения.

Выборку составили 100 девочек-подростков в возрасте 11—18 лет и их матери. Оказалось, что «fat talk» между матерью и дочерью влияют на возникновение у дочерей-подростков расстройств пищевого поведения. Так, те подростки, чьи матери активно вовлекались в «fat talk», показали большее количество симптомов пищевых расстройств, чем те, чьи матери не вовлекались в такие разговоры. При этом обратной связи исследование не продемонстрировало. Таким образом, гипотеза о том, что вовлеченность девочек-подростков в «fat talk» имеет положительную корреляцию с имеющимися у них депрессивными симптомами, подтвердилась. При этом вовлеченность матерей в «fat talk» оказалась не связанной с собственными депрессивными симптомами матерей.

С этим исследованием вступает в переключку работа Хиллард Е, Гондоли Д. и др. [19], в котором проверялось, влияет ли поощрение матерями своих дочерей-подростков к похудению и сообщение им озабоченности своим собственным весом на отношение дочерей к своему телу и питанию. Исследование проводилось дважды с разницей в два года, в нем приняли участие 89 девочек-подростков из 6 класса.

Результаты показали, что поощрение матерями дочерей к худобе способствует возникновению у девочек неудовлетворенности своим телом и склонности к соблюдению диеты. При этом разговоры матерей о своих личных проблемах с весом и фигурой смягчают этот эффект, в этом случае удовлетворенность телом у девочек была выше, а проявления диетического поведения — меньше.

Ученые из США Робинсон Е. и Сутин А. [28] проверили гипотезу о том, что восприятие родителями веса своих детей как избыточного связано с излишним увеличением веса у этих детей в будущем, поскольку такое родительское восприятие повышает вероятность того, что ребенок будет оценивать размер своего тела негативно. Выборку составили 2823 австралийские семьи с детьми дошкольного и подросткового возраста (4—5 и 14—15 лет). Действительно, оказалось, что дети, чьи родители считали, что у детей есть лишний вес, чаще воспринимали свой вес негативно и чаще сообщали о попытках похудеть, чем их сверстники, родители которых не считали, что их дети имеют лишний вес.

Цель исследования Циммер-Гембек М., Уэбб Х. и др. [13], которое проводилось на выборке австралийских подростков в течение 2,5 лет, заключалась в изучении развития симптомов тревоги, связанной со своей внешностью. Авторы рассмотрели три возрастные группы, 387 подростков из 5, 6 и 7 классов, что позволило проследить развитие симптомов тревоги о своей внешности для подростков от 10 до 15 лет и увидеть, как эти траектории различаются у девочек и мальчиков, что их запускает и что способствует ускорению развития этих симптомов — половое созревание, оценка внешности сверстниками, ИМТ или издевки со стороны родителей и сверстников.

Оказалось, что как у девочек, так и у мальчиков наблюдался резкий рост симптомов тревоги, связанных со своей внешностью, но не наблюдалось средних изменений в оценке внешнего вида. У девочек были более высокие симптомы тревоги и более низкая оценка своего внешнего вида, чем у мальчиков. ИМТ девочек был положительно связан с симптомами тревоги, а более раннее физическое созревание и издевательства по поводу внешности были связаны с ростом симптомов тревоги и для девочек, и для мальчиков. Рано созревающие мальчики, чьи родители подшучивали или издевались над ними, были в наибольшей степени подвержены риску появления симптомов тревоги и их увеличения с течением времени. При этом у мальчиков насмешки со стороны родителей и сверстников усиливали влияние друг друга. Это исследование подчеркнулно-

ло значимость родительского фактора и фактора влияния сверстников на восприятие своего тела.

Задачами работы Келли К., Фицджеральд Э. и др., проведенной в Ирландии, являлось изучение распространенности проблем с весом среди мальчиков, а также выявление у них взаимосвязи между семейными факторами и проблемами с весом [34].

Участниками стали 6187 мальчиков в возрасте от 10 до 17 лет. Среди мальчиков 25,1% сообщили о желании похудеть и 7,7% — о желании набрать вес. Оба типа проблем с весом были связаны с низкой самооценкой здоровья, низкой удовлетворенностью жизнью, а также с более частыми эмоциональными и физическими симптомами. Семейные факторы, а именно возможность теплого общения с матерью, понимание с ее стороны, оказались связаны со снижением риска возникновения проблем с весом у мальчиков.

Обсуждение результатов

В статье представлен обзор зарубежных исследований, изучающих факторы влияния на образ тела и удовлетворенность им у детей и подростков. Мы ставили себе задачу осветить, в первую очередь, влияние родителей на образ тела подростков. Однако оказалось, что в большинстве работ влияние родителей изучается в совокупности с влиянием других факторов — Интернета и сверстников, которые невозможно отделить друг от друга, так как все три фактора составляют основу социальной ситуации развития современного подростка.

Обзор дает представление о широте спектра исследований в этой области и их масштабности. Это и проблемы принятия своего тела, и связь удовлетворенности образом тела с центральными личностными образованиями (самооценкой, образом Я), и последствия нарушений образа тела (тревожность, депрессия, расстройства пищевого поведения, дисморфии), и связь образа тела с виктимизацией и буллингом, и, конечно, проблемы отношения с родителями.

Анализ рассмотренных исследований, прежде всего, позволяет разделить их на следующие группы. К первой группе можно отнести те работы, которые выявляют факторы, непосредственно влияющие на отношение подростка к телу — отношение и поведение родителей, поведение сверстников, социальные сети [16; 7; 4; 15 и др.].

Ко второй группе можно отнести работы, где образ тела и отношение к телу рассматриваются как фактор влияния на самооценку, на лишний вес, являются предикторами тревожности и депрессии [1; 3].

В отдельную группу можно выделить исследования, в которых изучаются не прямые связи образа тела с другими характеристиками, а где образ тела является опосредующим звеном между явлениями (характеристиками), которые, на первый взгляд кажутся между собой не связанными (например, семейные отношения и кон-

троль уровня сахара в крови), или, напротив, связь образа тела с семейными отношениями оказывается опосредованной третьими факторами, например, наличием романтических отношений у подростка или полом родителей [14; 31; 7; 10].

Это позволяет нам говорить о том, что образ тела является фундаментальным психическим образованием, которое на протяжении жизни определяет отношение человека к себе, к близким, социальному окружению. Во многом именно поэтому подростковый возраст — возраст телесной перестройки — относится к зоне риска. Не случайно подавляющее количество исследований по образу тела и отношению к телу проводится на подростковой выборке.

Попытаемся выделить основные результаты, полученные в представленных исследованиях:

— Существуют различия в отношении к телу у мальчиков и девочек: девочки более чувствительны к сфере тела и менее удовлетворены своим телом. Самооценка девочек в большей степени зависит от отношения к телу, чем самооценка мальчиков. В отношении этого вывода все исследователи единодушны.

— В большинстве исследований не выявлены различия в отношении к телу на протяжении подросткового возраста.

— На образ тела у девочек большее влияние оказывает мать, у мальчиков — отец, но в целом, влияние матери более значимо для обоих полов.

— Важно не только и не столько отношение родителей к телесному облику подростка, сколько то, как сами дети воспринимают это отношение родителей.

— Фиксация родителей на внешнем облике подростка (насмешки, ирония, подталкивание к диете или к набору лишней массы, контроль за питанием и пр.) приводит к противоположному эффекту и оказывается контрпродуктивной мерой.

— Родители влияют на отношение ребенка к своему телу, транслируя ему (во многом непреднамеренно) свои модели поведения и отношение к собственному телу.

— Родительская поддержка и теплые принимающие отношения с подростком снижают тревогу и беспокойство, связанные с несовершенством собственного тела, смягчают негативное влияние сверстников, повышают устойчивость к виктимизации.

Как можно заметить, большая часть исследований построена на установлении эмпирических связей между образом тела и другими факторами, они не декларируют принадлежность к той или иной концепции или теории. Тем не менее, представленные данные невольно обращают нас к идеям личностно-центрированного подхода К. Роджерса и к идеям эффективной коммуникации Т. Гордона, которые утверждают, что недостаточно просто любить ребенка, важно, чтобы он эту любовь чувствовал [5; 19], к положениям системной семейной терапии, а именно к идее трансляции поведенческих паттернов родителей детям [9]. И, что представляется нам чрезвычайно важным, — к идеям

Ф. Дольто, Д. Винникотта, А. Малер, Е.Т. Соколовой, В.В. Николаевой, Т.А. Ариной, говорящим о том, что образ тела формируется во взаимодействии с близким взрослым. Убеждают в справедливости мысли Ф. Дольто о том, что для формирования здорового образа тела необходима полноценная эмоциональная коммуникация с родителями.

Заключение

В статье рассмотрено влияние СМИ и Интернета, сверстников, поведения родителей и их установок по отношению к телесному облику и внешности подростков на образ тела и удовлетворенность им. При этом основной акцент сделан на исследования, касающиеся влияния родителей и семьи. С нашей точки зрения, наибольшее беспокойство вызывают полученные во многих работах данные о том, что такие способы влияния родителей на образ тела подростков, как фиксация на этой теме, излишний контроль, насмешки и ироничные замечания, негативные высказывания относительно внешности и веса ребенка, являются непродуктивными и оказывают, как правило, противоположный эффект. Это родительское влияние может иметь весьма нежелательные последствия, быть разрушительным для психики ребенка — приводить к повышению тревожности, депрессиям, расстройствам пищевого поведения, низкой самооценке, дисморфофобиям.

Перед исследователями встают вопросы: что лежит за такой реакцией подростка, какие механизмы? Что

это — психологическая защита, конфронтация, сопротивление, подростковый негативизм, стремление к самоутверждению? Лишь в нескольких работах делается попытка ретроспективно связать неудовлетворенность собственным телом с жестоким обращением в детстве и с буллингом.

Помимо этого, кроме прямого давления, родители, не осознавая этого, влияют на отношение подростка к телу и его поведение, связанное с внешностью, транслируя ему собственное отношение к своему телу, свои модели пищевого поведения.

В то же время, и это вселяет надежду, многочисленными исследованиями показано, что поддержка семьи, теплые, доверительные отношения с родителями, в первую очередь с матерью, возможность обсуждать с ней проблемы, связанные со своей внешностью, приводят к их снижению, защищают детей от буллинга, смягчают негативные последствия агрессии сверстников.

Это приводит нас к убеждению о необходимости профилактической работы не только с подростками, но и самими родителями, направленной на формирование принятия ценности и уникальности телесного образа каждого человека. Как показано в одной из работ обзора, одним из способов, приводящих к принятию своего тела, является разрушение навязываемых обществом эталонов. Столь же конструктивным может стать обучение родителей эффективным способам коммуникации с подростками, построения диалога с ними, ориентированного на эмпатию и понимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Adolescent body image: results of Czech ELSPAC study / S. Šmídová1 [et al.] // Central European Journal of Public Health. 2018. Vol. 26. № 1. P. 60—64. doi:10.21101/cejph.a4930
2. Body Image as a Source of Shame: A New Measure for the Assessment of the Multifaceted Nature of Body Image Shame / E. Duarte [et al.] // Clinical Psychology & Psychotherapy. 2014. Vol. 22. № 6. P. 656—666. doi:10.1002/cpp.1925
3. Body image in different periods of adolescence / V. Paulo [et al.] // Revista Paulista de Pediatria. 2014. Vol. 32. № 1. P. 63—69. doi:10.1590/S0103-05822014000100011
4. Burnette C.B., Kwitowski M.A., Mazzeo S.E. «I don't need people to tell me I'm pretty on social media:» A qualitative study of social media and body image in early adolescent girls // Body Image. 2017. Vol. 23. P. 114—125. doi:10.1016/j.bodyim.2017.09.001
5. Chow C.M., Tan C.C. The role of fat talk in eating pathology and depressive symptoms among mother-daughter dyads // Body Image. 2018. Vol. 24. P. 36—43. doi:10.1016/j.bodyim.2017.11.003
6. Davison T.E., McCab M.P. Adolescent Body Image and Psychosocial Functioning // The Journal of Social Psychology. 2006. Vol. 146. № 1. P. 15—30. doi:10.3200/SOCP.146.1.15-30
7. Dogan O., Bayhan P., Yukselen A. Body Image in Adolescents and Its Relationship to Socio-Cultural Factors // Educational Sciences: Theory & Practice. 2018. Vol. 18. № 3. P. 561—577. doi:10.12738/estp.2018.3.0569
8. Duarte C., Pinto-Gouveia J. Body image as a target of victimization by peers/parents: Development and validation of the Body Image Victimization Experiences Scale // Women & Health. 2017. Vol. 57. № 9. P. 1061-1079. doi:10.1080/03630242.2016.1243603
9. Early adolescents' body dysmorphic symptoms as compensatory responses to parental appearance messages and appearance-based rejection sensitivity / K. Densham [et al.] // Body Image. 2017. Vol. 23. P. 162—170.
10. Explaining the pathway from familial and peer social support to disordered eating: Is body dissatisfaction the link for male and female adolescents? / A.C. Kirsch [et al.] // Eating Behaviors. 2016. Vol. 22. P. 175—181. doi:10.1016/j.eatbeh.2016.06.018
11. Family Weight Talk and Dieting: How Much Do They Matter for Body Dissatisfaction and Disordered Eating Behaviors in Adolescent Girls? / D. Neumark-Sztainer [et al.] // Journal of Adolescent Health. 2010. Vol. 47. № 3. P. 270—276. doi:10.1016/j.jadohealth.2010.02.001

12. *Ferreira C., Pinto-Gouveia J., Duarte C.* Self-compassion in the face of shame and body image dissatisfaction: Implications for eating disorders // *Eating Behaviors*. 2013. Vol. 14. № 2. P. 207—210. doi:10.1016/j.eatbeh.2013.01.005
13. Girls' and boys' B of appearance anxiety from age 10 to 15 years are associated with earlier maturation and appearance-related teasing / M.J. Zimmer-Gembeck [et al.] // *Development and Psychopathology*. 2018. Vol. 30. № 1. P. 337—350. doi:10.1017/S0954579417000657
14. *Hartl A.C., Seiffge-Krenke I., Laursen B.* Body image mediates negative family climate and deteriorating glycemic control for single adolescents with type 1 diabetes // *Families, Systems & Health*. 2015. Vol. 33. № 4. P. 363—371. doi:10.1037/fsh0000139
15. *Helfert S., Warschburger P.* A prospective study on the impact of peer and parental pressure on body // *Body Image*. 2011. Vol. 8. № 2. P. 101—109. doi:10.1016/j.bodyim.2011.01.004
16. Highly-visual social media and internalizing symptoms in adolescence: The mediating role of body image concerns / D. Marengo [et al.] // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 82. P. 63—69. doi:10.1016/j.chb.2018.01.003
17. Hispanic maternal influences on daughters' unhealthy weight control behaviors: The role of maternal acculturation, adiposity, and body image disturbances / N. Olvera [et al.] // *Body Image*. 2016. Vol. 19. P. 208—215. doi:10.1016/j.bodyim.2016.10.003
18. *Hole C.* To what extent do parental attitudes affect adolescents' self-esteem, body image and eating attitudes. Cumbria Partnership // *Journal of Research Practice and Learning*. 2014. Vol. 4. № 1. P. 28—33.
19. In it together: Mother talk of weight concerns moderates negative outcomes of encouragement to lose weight on daughter body dissatisfaction and disordered eating / E.E. Hillard [et al.] // *Body Image*. 2016. Vol. 16. P. 21—27. doi:10.1016/j.bodyim.2015.09.004
20. *Ivanović I.M., Milosavljević S., Ivanović U.* Sociocultural influences of parents on body dissatisfaction in adolescents // *Physical Education and Sport Through the Centuries*. 2017. Vol. 4. № 1. P. 45—70. doi:10.1515/spes-2016-0021
21. Mediating Effects of Parent—Child Relationships and Body Image in the Prediction of Internalizing Symptoms in Urban Youth / J.S. Carter [et al.] // *Journal of Youth Adolescence*. 2014. Vol. 43. № 4. P. 554—567. doi:10.1007/s10964-013-9985-6
22. *Murray K., Rieger E., Byrne D.* Body image predictors of depressive symptoms in adolescence // *Journal of Adolescence*. 2018. Vol. 69. P. 130—139. doi:10.1016/j.adolescence.2018.10.002
23. Parental and Peer Factors Associated with Body Image Discrepancy among Fifth-Grade Boys and Girls / S.L. Michael [et al.] // *Journal of Youth and Adolescence*. 2014. Vol. 43. № 1. P. 15—29. doi:10.1007/s10964-012-9899-8
24. *Park W., Epstein N.B.* The longitudinal causal directionality between body image distress and self-esteem among Korean adolescents: The moderating effect of relationships with parents // *Journal of Adolescence*. 2013. Vol. 36. № 2. P. 403—411. doi:10.1016/j.adolescence.2013.01.002
25. *Pinto-Gouveia J., Ferreira C., Duarte C.* Thinness in the Pursuit for Social Safeness: An Integrative Model of Social Rank Mentality to Explain Eating Psychopathology // *Clinical Psychology & Psychotherapy*. 2012. Vol. 21. № 2. P. 154—165. doi:10.1002/cpp.1820
26. Poor Health and Experiences of Being Bullied in Adolescents: Self-Perceived Overweight and Frustration with Appearance Matter / Y.-C. Lin [et al.] // *Obesity*. 2018. Vol. 26. № 2. P. 397—404. doi:10.1002/oby.22041
27. "Pretty Pressure" From Peers, Parents, and the Media: A Longitudinal Study of Appearance-Based Rejection Sensitivity / H.J. Webb [et al.] // *Journal of Research on Adolescence*. 2017. Vol. 27. № 4. P. 718—735. doi:10.1111/jora.12310
28. *Robinson E., Sutin A.R.* Parents' Perceptions of Their Children as Overweight and Children's Weight Concerns and Weight Gain // *Psychological Science*. 2017. Vol. 28. № 3. P. 320—329. doi:10.1177/0956797616682027
29. *Schilder P.* The image and appearance of the human body: Studies in the constructive energies of the psyche. New York: Intern. Univ. Press, 1970. 11 p.
30. *Shannon A., Mills J.S.* Correlates, causes, and consequences of fat talk: A review // *Body Image*. 2015. Vol. 15. P. 158—172. doi.org/10.1016/j.bodyim.2015.09.003
31. The role of childhood emotional maltreatment and body image dissatisfaction in problematic smartphone use among adolescents / S. Emirtekina [et al.] // *Psychiatry Research*. 2019. Vol. 271. P. 634—639. doi:10.1016/j.psychres.2018.12.059
32. *Tylkaa T., Wood-Barcalow L.* What is and what is not positive body image? Conceptual foundations and construct definition // *Body Image*. 2015. Vol. 14. P. 118—129. doi:10.1016/j.bodyim.2015.04.001
33. *Walter O., Shenaar-Golan V.* Effect of the Parent—Adolescent Relationship on Adolescent Boys' Body Image and Subjective Well-Being // *American Journal of Men's Health*. 2017. Vol. 11. № 4. P. 920—929. doi:10.1177/1557988317696428
34. Weight concerns among adolescent boys / C. Kelly [et al.] // *Public Health Nutrition*. 2016. Vol. 19. № 3. P. 456—462. doi:10.1017/S1368980015001615

Body image and attitude to one's body in adolescent: family and sociocultural factors (based on foreign researches)

Erokhina E.A.,

*master degree student at the chair of child and family psychotherapy, department of psychological counseling,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
eaerokhina@gmail.com*

Filippova E.V.,

*candidate of psychological sciences, professor, head of the chair of child and family psychotherapy,
department of psychological counseling, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
e.v.filippova@mail.ru*

The article provides an overview of foreign studies published between 2014 and 2019 on the problem of body image and attitudes of adolescents to their bodies. The influence of social environment, social networks and family on the formation of body image and satisfaction with it is analyzed. The emphasis is on the studies that consider child-parent relations, parents' attitudes and behaviors towards adolescents, their own attitudes towards their parents and their own attitudes to their own bodies as the main factors convey their behaviors to children. It is shown that the attitude to the body can be a predictor of eating disorders, overweight, depressive symptoms, dysmorphia. The analysis of the presented studies leads to understanding of the necessity in awareness-raising work with the sociocultural and family environment of adolescents, primarily with their parents.

Keywords: body image, child-parent relationships, eating disorders, depression, body mass index, victimization, media, social networks, parents, peers, self-rating.

REFERENCES

1. Šmídová I. S. et al. Adolescent body image: results of Czech ELSPAC study. *Central European Journal of Public Health*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 60—64. doi:10.21101/cejph.a4930
2. Duarte E. et al. Body Image as a Source of Shame: A New Measure for the Assessment of the Multifaceted Nature of Body Image Shame. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 2014. Vol. 22, no. 6, pp. 656—666. doi:10.1002/cpp.1925
3. Paulo V. et al. Body image in different periods of adolescence. *Revista Paulista de Pediatria*, 2014. Vol. 32, no. 1, pp. 63—69. doi:10.1590/S0103-05822014000100011
4. Burnette C.B., Kwitowski M.A., Mazzeo S.E. "I don't need people to tell me I'm pretty on social media:" A qualitative study of social media and body image in early adolescent girls. *Body Image*, 2017. Vol. 23, pp. 114—125. doi:10.1016/j.bodyim.2017.09.001
5. Chow C.M., Tan C.C. The role of fat talk in eating pathology and depressive symptoms among mother-daughter dyads. *Body Image*, 2018. Vol. 24, pp. 36—43. doi:10.1016/j.bodyim.2017.11.003
6. Davison T.E., McCab M.P. Adolescent Body Image and Psychosocial Functioning. *The Journal of Social Psychology*, 2006. Vol. 146, no. 1, pp. 15—30. doi:10.3200/SOCP.146.1.15-30
7. Dogan O., Bayhan P., Yukselen A. Body Image in Adolescents and Its Relationship to Socio-Cultural Factors. *Educational sciences: theory & practice*, 2018. Vol. 18, no. 3, pp. 561—577. doi:10.12738/estp.2018.3.0569
8. Duarte C., Pinto-Gouveia J. Body image as a target of victimization by peers/parents: Development and validation of the Body Image Victimization Experiences Scale. *Women & Health*, 2017. Vol. 57, no. 9, pp. 1061-1079. doi:10.1080/03630242.2016.1243603
9. Densham K. et al. Early adolescents' body dysmorphic symptoms as compensatory responses to parental appearance messages and appearance-based rejection sensitivity. *Body Image*, 2017. Vol. 23, pp. 162—170
10. Kirsch A.C. et al. Explaining the pathway from familial and peer social support to disordered eating: Is body dissatisfaction the link for male and female adolescents? *Eating Behaviors*, 2016. Vol. 22, pp. 175—181. doi:10.1016/j.eatbeh.2016.06.018
11. Neumark-Sztainer D. et al. Family Weight Talk and Dieting: How Much Do They Matter for Body Dissatisfaction and Disordered Eating Behaviors in Adolescent Girls? *Journal of Adolescent Health*, 2010. Vol. 47, no. 3, pp. 270—276. doi:10.1016/j.jadohealth.2010.02.001
12. Ferreira C., Pinto-Gouveia J., Duarte C. Self-compassion in the face of shame and body image dissatisfaction: Implications for eating disorders. *Eating Behaviors*, 2013. Vol. 14, no. 2, pp. 207—210. doi:10.1016/j.eatbeh.2013.01.005
13. Zimmer-Gembeck M.J. et al. Girls' and boys' B of appearance anxiety from age 10 to 15 years are associated with earlier maturation and appearance-related teasing. *Development and Psychopathology*, 2018. Vol. 30, no. 1, pp. 337—350. doi:10.1017/S0954579417000657

14. Hartl A.C., Seiffge-Krenke I., Laursen B. Body image mediates negative family climate and deteriorating glycemic control for single adolescents with type 1 diabetes. *Families, Systems, & Health*, 2015. Vol. 33, no. 4, pp. 363—371. doi:10.1037/fsh0000139
15. Helfert S., Warschburger P. A prospective study on the impact of peer and parental pressure on body. *Body Image*, 2011. Vol. 8, no. 2, pp. 101—109. doi:10.1016/j.bodyim.2011.01.004
16. Marengo D. et al. Highly-visual social media and internalizing symptoms in adolescence: The mediating role of body image concerns. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 82, pp. 63—69. doi:10.1016/j.chb.2018.01.003
17. Olvera N. et al. Hispanic maternal influences on daughters' unhealthy weight control behaviors: The role of maternal acculturation, adiposity, and body image disturbances. *Body Image*, 2016. Vol. 19, pp. 208—215. doi:10.1016/j.bodyim.2016.10.003
18. Hole C. To what extent do parental attitudes affect adolescents' self-esteem, body image and eating attitudes. Cumbria Partnership. *Journal of Research Practice and Learning*, 2014. Vol. 4, no. 1, pp. 28—33.
19. Hillard E.E. et al. In it together: Mother talk of weight concerns moderates negative outcomes of encouragement to lose weight on daughter body dissatisfaction and disordered eating. *Body Image*, 2016. Vol. 16, pp. 21—27. doi:10.1016/j.bodyim.2015.09.004
20. Ivanović M., Milosavljević S., Ivanović U. Sociocultural influences of parents on body dissatisfaction in adolescents. *Physical education and sport through the centuries*, 2017. Vol. 4, no. 1, pp. 45—70. doi:10.1515/spes-2016-0021
21. Carter J.S. et al. Mediating Effects of Parent—Child Relationships and Body Image in the Prediction of Internalizing Symptoms in Urban Youth. *Journal of Youth Adolescence*, 2014. Vol. 43, no. 4, pp. 554—567. doi:10.1007/s10964-013-9985-6
22. Murray K., Rieger E., Byrne D. Body image predictors of depressive symptoms in adolescence. *Journal of Adolescence*, 2018. Vol. 69, pp. 130—139. doi:10.1016/j.adolescence.2018.10.002
23. Michael S.L. et al. Parental and Peer Factors Associated with Body Image Discrepancy among Fifth-Grade Boys and Girls. *Journal of Youth and Adolescence*, 2014. Vol. 43, no. 1, pp. 15—29. doi:10.1007/s10964-012-9899-8
24. Park W., Epstein N.B. The longitudinal causal directionality between body image distress and self-esteem among Korean adolescents: The moderating effect of relationships with parents. *Journal of Adolescence*, 2013. Vol. 36, no. 2, pp. 403—411. doi:10.1016/j.adolescence.2013.01.002
25. Pinto-Gouveia J., Ferreira C., Duarte C. Thinness in the Pursuit for Social Safeness: An Integrative Model of Social Rank Mentality to Explain Eating Psychopathology. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 2012. Vol. 21, no. 2, pp. 154—165. doi:10.1002/cpp.1820
26. Lin Y.-C. et al. Poor Health and Experiences of Being Bullied in Adolescents: Self-Perceived Overweight and Frustration with Appearance Matter. *Obesity*, 2018. Vol. 26, no. 2, pp. 397—404. doi:10.1002/oby.22041
27. Webb H.J. et al. "Pretty Pressure" From Peers, Parents, and the Media: A Longitudinal Study of Appearance-Based Rejection Sensitivity. *Journal of Research on Adolescence*, 2017. Vol. 27, no. 4, pp. 718—735. doi:10.1111/jora.12310
28. Robinson E., Sutin A.R. Parents' Perceptions of Their Children as Overweight and Children's Weight Concerns and Weight Gain. *Psychological Science*, 2017. Vol. 28, no. 3, pp. 320—329. doi:10.1177/0956797616682027
29. Schilder P. The image and appearance of the human body: Studies in the constructive energies of the psyche. New York : Intern. Univ. Press, 1970. 11 p.
30. Shannon A., Mills J.S. Correlates, causes, and consequences of fat talk: A review. *Body Image*, 2015. Vol. 15, pp. 158—172. doi.org/10.1016/j.bodyim.2015.09.003
31. Emirtekina S. et al. The role of childhood emotional maltreatment and body image dissatisfaction in problematic smartphone use among adolescents. *Psychiatry Research*, 2019. Vol. 271, pp. 634—639. doi:10.1016/j.psychres.2018.12.059
32. Tylka T., Wood-Barcalow L. What is and what is not positive body image? Conceptual foundations and construct definition. *Body Image*, 2015. Vol. 14, pp. 118—129. doi:10.1016/j.bodyim.2015.04.001
33. Walter O., Shenaar-Golan V. Effect of the Parent—Adolescent Relationship on Adolescent Boys' Body Image and Subjective Well-Being. *American Journal of Men's Health*, 2017. Vol. 11, no. 4, pp. 920—929. doi:10.1177/1557988317696428
34. Kelly C. et al. Weight concerns among adolescent boys. *Public Health Nutrition*, 2016. Vol. 19, no. 3, pp. 456—462. doi:10.1017/S1368980015001615

Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями

Авдеева Н.Н.,

кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, nnavdeeva@mail.ru

Хоффман Б.Я.,

аспирант факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, brookeahoffman@gmail.com

В статье по материалам зарубежных источников рассматриваются актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями. Обсуждаются следующие проблемы: влияние типов воспитания, родительских установок на различные аспекты психологического развития подростков; вклад взаимоотношений с родителями и сверстниками в социально-личностное развитие в подростковом возрасте; особенности привязанности подростка к родителям; детско-родительские конфликты. В рамках проблемы влияния типа семейного воспитания на психологическое развитие подростков в исследованиях последних лет подтверждается позитивная роль авторитетного стиля воспитания, влияние жесткого стиля воспитания на подростковую агрессию, показано, что чрезмерный родительский контроль не способствует развитию самооценки, усиливает самокритику у девочек-подростков. В исследованиях «техноференции» показано негативное влияние технических средств (телефон, гаджеты) на взаимодействие между родителями и детьми. В контексте значения привязанности к родителям в подростковом возрасте показана роль качества привязанности в становлении автономии, разрешении проблем и трудностей возраста, связанных с интернет-зависимостью, агрессивностью, школьной успеваемостью. В статье представлены также исследования позитивных и негативных аспектов влияния конфликта с родителями на личностное развитие подростка, гендерных различий поведения в конфликте матери и отца, вклад супружеских конфликтов в психологическое развитие в подростковом возрасте.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, тип воспитания, привязанность, подростковый возраст, детско-родительские конфликты.

Для цитаты:

Авдеева Н.Н., Хоффман Б.Я. Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 69—78. doi:10.17759/jmfp.2019080407

For citation:

Avdeeva N.N., Hoffman B.Ya. Current research on adolescents' relationships with parents [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 69—78. doi: 10.17759/jmfp.2019080407 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Введение

Начиная с 80-х годов, в центре внимания исследователей в сфере психологии развития на Западе оказалось влияние семейного контекста на социализацию и адаптацию подростков [12]. Большая часть работ на данную тему основывалась на влиятельном исследовании Дианы Баумринд. Целью ее исследования был анализ влияния родителей на развитие компетентности и психосоциальной зрелости их детей. По результатам исследования Баумринд, авторитетные отношения родителей («теплые, но требовательные отношения») привели к высокому уровню компетентности и психосоциальной зрелости у детей. В то время как следствием либерального, авторитарного или безразличного отношения со стороны родителей явился низкий уровень компетентности [30]. Результаты исследований, которые последовали за работой Баумринд в 1980-х и 1990-х годах, подтвердили данные выводы. Они пока-

зали, что авторитетное воспитание позитивно влияет на компетентность и психосоциальную зрелость детей не только в раннем детстве и школьном возрасте, но и в подростковый период.

Одним из значительных примеров такого рода исследований является проект 1991 года, в котором приняли участие примерно 4100 подростков от 14 до 18 лет и их семьи. Результаты исследования показали, что уровень влияния отношений детей с родителями в подростковом возрасте на развитие ребенка подобен уровню влияния детско-родительских отношений в раннем детстве. Один из авторов исследования, видный специалист в области психологии подростка Стайнберг отметил, что, согласно их исследованиям, именно отзывчивость родителей, вместе с требовательностью, напрямую влияют на успешную адаптацию подростков, их успеваемость в школе и психологическую зрелость [30].

В 1990-х годах появились и другие исследования, в которых было показано, что окружающая среда —

школа, сверстники и СМИ оказывают более значительное влияние на подростка, чем его семья [15]. Так, в исследовании 2010 года, в котором изучался уровень эмоциональной регуляции у подростков, было показано, что способность к эмоциональной регуляции развивается наиболее эффективно в контексте безопасных, поддерживающих отношений с родителями. В то же время многие другие факторы, такие как опыт переживания стресса, темперамент, развитие чувства самоэффективности вне семьи, качество отношений со сверстниками, также оказывают влияние на развитие регуляции эмоций [8].

Вклад детско-родительских отношений в психологическое развитие и благополучие подростков

Исследования последних десятилетий подтверждают ключевую роль детско-родительских отношений в подростковом периоде развития [1; 3; 17].

Так, в работе, посвященной связи стиля воспитания и качества дружеских отношений с самооценкой, удовлетворенностью жизнью и переживанием счастья у подростков, было показано, что на психологическое благополучие подростков оказывает существенное влияние воспринимаемый стиль воспитания обоих родителей, а не каждого по отдельности, а также характер отношений с друзьями. Подростки, у которых матери практиковали авторитетный и снисходительный стиль воспитания имели более высокую самооценку и удовлетворенность жизнью, чем подростки с авторитарными матерями. Эта же закономерность была отмечена и в отношении отцов. Подростки с более высоким уровнем дружеских отношений со сверстниками имели более высокие показатели удовлетворенности жизнью, самооценки, переживания счастья. Полученные результаты подчеркивают важность роли родителей и сверстников в позитивном развитии в подростковом возрасте [28].

Влияние жестокого стиля воспитания на подростковую агрессию было показано в обширном исследовании, проведенном в КНР. В исследовании приняли участие 397 китайских подростков в возрасте от 12 до 16 лет и их родители, проявлявшие негативные установки в отношении подростка и практиковавшие жестокие методы воспитания. Результаты исследования показали, что развитию агрессивного поведения у подростков способствовали как отсутствие у них сформированных моральных представлений, так и суровое родительское воспитание [27]. В другом исследовании, проведенном в Турции, воспитание на основе силы, определяемое как признание и культивирование родителями сильных сторон в детях, рассматривается с точки зрения положительного эффекта на развитие детей и подростков. В данном исследовании изучались прямые и косвенные эффекты воспитания на основе силы на школьную вовлеченность

и выгорание у подростков 14—18 лет. Результаты показали, что жесткий стиль воспитания напрямую связан с более высоким уровнем вовлеченности в школьную деятельность. Кроме того, было показано косвенное влияние воспитания, как на школьную вовлеченность, так и на выгорание через механизм психической выносливости [29].

Актуальной темой исследований в рамках детско-родительских отношений является **родительский контроль** и его влияние на психологическое развитие в подростковом возрасте. Влияние родительского контроля на самооценку и самокритичность подростков изучалось в исследовании Гиттиса и Ханта (2019). Считается, что родительский контроль поведения ребенка полезен для маленьких детей, однако с усилением потребности в независимости в подростковом возрасте требования выполнять правила могут подорвать у подростка веру в себя. В лонгитюдном исследовании на протяжении 2 лет у 243 австралийских подростков (средний возраст 12 лет) изучалось влияние поведенческого контроля, а также родительской поддержки на самооценку и самокритичность. Результаты исследования показали, что контроль поведения подростка со стороны родителей не влияет на самооценку подростков, кроме того, у девочек он связан с более высоким уровнем самокритичности. Были сделаны выводы о том, что поведенческий контроль, по-видимому, не способствует самопознанию подростков и, по сути, усиливает самокритику у девочек. Устанавливая многочисленные правила в отношении соответствующего поведения, родители могут указывать девочкам на то, что они не способны стать независимыми, тем самым снижая чувство компетентности [18].

Новым направлением в области детско-родительских взаимоотношений является **отношение родителей к использованию подростками Интернета**.

В исследовании Барри, Сидотти и др. изучались подростковые и родительские сообщения об использовании подростками социальных сетей и их связи с подростковой психосоциальной адаптацией. Выборка состояла из 226 участников (113 родительско-подростковых диад) со всей территории Соединенных Штатов, возраст подростков составлял от 14 до 17 лет. Родительские и подростковые отчеты о количестве аккаунтов подростков в социальных сетях показали умеренную корреляцию с симптомами гиперактивности, невнимательности, импульсивности, тревожными и депрессивными симптомами, а также подростковым страхом быть отверженным и переживаниями одиночества. При этом тревожные и депрессивные симптомы были наиболее выражены среди подростков с относительно большим количеством (по сообщениям родителей) зарегистрированных аккаунтов в социальных сетях [6].

Актуальным направлением исследований выступает **влияние технических средств (телефон, гаджеты) на взаимодействие между родителями и детьми**.

Использование этих новых устройств является общим и повсеместным, и перерывы из-за использования подобных устройств во взаимодействии родителей с ребенком стали предметом специального изучения. Для обозначения такого рода явления был введен специальный термин: «техноференция» (*technoference*) — перерывы в социальных взаимодействиях из-за использования технологических устройств. В ряде исследований показано, что многие матери понимают, что технологические устройства часто прерывают взаимодействие между родителями, особенно во время неструктурированного воспитания, например, во время игр, снижают эффективность взаимодействия родителей в воспитании ребенка. Матери, высоко оценивающие степень своего вмешательства, сообщали о снижении качества совместного воспитания, отсутствии удовлетворенности отношениями с ребенком и депрессивных симптомах [22].

В одном из недавних исследований изучалось влияние восприятия подростками (10—20 лет) своей собственной и родительской техноференции на позитивное и негативное поведение подростков, включая тревогу, депрессию, кибербуллинг, просоциальное поведение и гражданскую активность. Вторым контролируемым параметром выступало восприятие подростками родительской любви и теплоты. Результаты исследования показали, что восприятие подростками техноференции своих родителей было связано с повышенной тревожностью, депрессией, кибербуллингом и просоциальным поведением и опосредовано восприятием степени родительской любви и теплоты по отношению к подростку. Теплых и внимательных родителей подростки воспринимали как менее отвлекающихся на гаджеты в ходе взаимодействия. Интересно, что подростковая техноференция, т. е. отвлечение самого подростка на гаджеты, в процессе общения и взаимодействия с родителями не была связана с воспринимаемым родительским теплом, но была связана с увеличением кибербуллинга, тревоги, депрессии и снижением просоциального поведения и гражданской активности [31].

В 2017 году был опубликован обзор 27 исследований по влиянию использования родителями мобильного телефона на детско-родительские отношения. Было показано, что родители, которые используют свои телефоны во время взаимодействия с ребенком, менее чувствительны и отзывчивы к просьбам своих детей об оказании им внимания, что потенциально приводит к снижению качества взаимодействия «родитель—ребенок». Дети и подростки часто используют рискованные формы поведения, направленные на поиск родительского внимания, что может быть связано с увеличением числа детских травм. Результаты проведенного обзора также показывают, что и родители, и дети выражают озабоченность по поводу использования устройства, а также его вклада в семейные конфликты [20].

Вклад взаимоотношений с родителями и сверстниками в социально-личностное развитие в подростковом возрасте

Проблема значимости влияния родителей и сверстников на развитие в подростковом возрасте продолжает оставаться актуальной темой современных исследований. Так, в работе Вайнстин проводилось сравнение влияния семьи и влияния сверстников на настроение подростка. Рассматривались две переменные: время, проведенное с семьей и со сверстниками, и возраст подростка. В лонгитюдном исследовании приняли участие 562 подростками из 8-го и 10-го классов. В течение одного года собирали самоотчеты о настроении подростков. Подросткам выдавали карманные компьютеры и 5—7 раз в день, в течение определенных недель, с помощью специальных сигналов компьютеры побуждали их отвечать на вопросы, касающиеся их настроения. Кроме того, подростки заполняли опросники по самоотчету. [32]. Анализ результатов исследования позволил обнаружить, что общая связь между поддержкой семьи и настроением подростка сильнее, чем связь между настроением подростка и поддержкой его сверстниками. Таким образом, было показано, что возросшая роль сверстников в подростковом возрасте не заменяет значимость эмоциональной поддержки, которую оказывали родители. Кроме того, повышение уровня автономии и удаленности от родителей (с 8-го по 11-й класс) не обязательно означает снижение влияния семьи на настроение. Полученные данные согласуются с данными других исследований, которые утверждают, что поддержка сверстников не заменяет роль родительской поддержки раньше позднего подросткового возраста [32].

Среди работ последних лет можно отметить обширное лонгитюдное исследование, проведенное в Великобритании, в ходе которого было опрошено 2,617 10—15-летних подростков. Изучалась связь удовлетворенности жизнью младших подростков с тремя факторами: качество отношений между родителями и детьми, позиция агрессора или жертвы в отношениях с братьями и сестрами, а также позиция в отношениях с друзьями. Полученные результаты свидетельствуют о том, что все три типа социальных отношений имеют существенные связи с удовлетворенностью жизнью. Наиболее значимы отношения с родителями. За этим следует буллинг со стороны друзей, в то время как влияние буллинга со стороны сиблингов не так значимо. Кроме того, установлено, что связь качества отношений «родитель—ребенок» с удовлетворенностью жизнью сильнее у подростков, ставших жертвами издевательств со стороны сиблингов или друзей. Были обнаружены также существенные гендерные различия. В частности установлено, что среди девочек-подростков высокие показатели удовлетворенности жизнью связаны как с низким уровнем буллинга в отношениях с друзьями, так и с более высоким качеством детско-родительских отношений [35].

Привязанность к родителям в подростковом возрасте

В ряде исследований, касающихся привязанности к родителям в подростковом возрасте показано, что взросление, «поиск самого себя» лучше протекают в рамках позитивных отношений с родителями на основе надежной привязанности. Подобные отношения определяются как «привязанная индивидуализация» [23]. В контексте проблемы привязанности проводится сравнение вклада общения и взаимодействия с родителями и сверстниками в личностное развитие подростка. Ньюфелд отмечает, что сверстники в подростковом возрасте не создают условий для формирования позитивной самооценки, позитивной «Я-концепции» подростка. Исследование общения в подростковых группах показывает высокий уровень агрессивности, обесценивания, непринятия, конкуренции в среде сверстников [2].

В подростковом возрасте функции привязанности к родителям меняются в некоторых отношениях и остаются стабильными в других. Так, физическая близость и физическая доступность родителей, чтобы получить утешение, когда они переживают тревогу, подросткам не столь нужна, как маленьким детям. Они получают утешение от осознания того, что родители их поддерживают даже тогда, когда они не находятся рядом. [23]. Родительская чуткость и отзывчивость по-прежнему важны, особенно в сфере поддержки автономии подростка [5]. Также важно умение родителей поддерживать целенаправленное партнерство со своим ребенком, но это бывает особенно сложно из-за повышенного уровня детско-родительских конфликтов во время подросткового периода развития. Тем не менее, данные исследований показывают, что умение родителей и подростков сохранить «связанность» во время разногласий является определяющей чертой надежной привязанности [23]. Признаками ее наличия является уверенность ребенка в выражении своего собственного мнения и в то же время способность признавать мнение другого человека [8].

Связь привязанности к родителям с проблемами и трудностями подросткового возраста показана в ряде исследований. Так, в одной из недавних работ изучался вопрос о том, могут ли тип привязанности подростка к родителям и качество семейных отношений выступать предикторами формирования проблемного поведения (интернет-зависимости) у подростков. Результаты исследования показали, что семейное функционирование и стили привязанности являются важными факторами, на основе которых можно предсказать риск возникновения проблемного поведения при использовании Интернета. В частности, надежная привязанность, восприятие членов семьи как заинтересованных в совместной деятельности и заботе друг о друге, придающих им ценность, а также убеждение в том, что обязанности четко и справедливо распреде-

ляются между членами семьи, были связаны с меньшей выраженностью проблемного поведения в Интернете. Напротив, тревожно-озабоченная привязанность была связана с большим риском формирования интернет-зависимости [14].

Важным вопросом развития современного подростка является выявление факторов, влияющих на подростковую агрессию. Связь эмоциональной регуляции, агрессивного поведения и стили привязанности представлена в работе Коккинос и др. Исследовались связи между привязанностью к родителям, социальной, возникающей во взаимоотношениях агрессии (проактивная и реактивная) и трудностями регуляции эмоций (когнитивная переоценка, экспрессивное подавление). Результаты исследования показали, что небезопасная привязанность к матери была связана как с проактивной, так и с реактивной агрессией. Восприятие подростками привязанности к отцу, как незначительной для них, было связано с экспрессивным подавлением и большим вовлечением в активную социальную агрессию [21].

По-прежнему актуальной в современных исследованиях является тема поиска факторов, влияющих на школьную успеваемость. Связи привязанности к родителям и академической успеваемости было посвящено обширное исследование с участием 384 китайских подростков (средний возраст — 15 лет) из государственных школ Шанхая. На основании самоотчетов производилось измерение: привязанности подростка к матери и отцу; общей самооценки; вовлеченности в школьную жизнь и школьных оценок. Результаты показали, что привязанность подростков к обоим родителям была связана с более высоким уровнем академической вовлеченности. Была выявлена также опосредующая роль самооценки, поскольку подростки, имеющие надежную привязанность к родителям, чаще имеют высокий уровень самооценки, что, в свою очередь, повышает их академическую активность, улучшает успеваемость в старших классах. Полученные результаты подчеркивают важность стратегий вмешательства на основе коррекции детско-родительской привязанности для поощрения и поддержания вовлеченности подростков в школьную жизнь [10].

Актуальным направлением исследования привязанности выступает совместный вклад в детско-родительские отношения привязанности подростка к родителям и родителей к подростку. В исследовании Чоу, Харта и др. изучалось, как стили привязанности родителей и подростков могут совместно влиять на качество их отношений.

В исследовании приняли участие 77 пар «родитель—подросток», средний возраст подростков составил 16 лет. В результате исследования были выявлены следующие взаимозависимости: избегающие привязанности обоих членов пары были связаны с более низким уровнем близости в детско-родительских отношениях; тревожная привязанность родителей к под-

ростку была связана с разногласиями в отношениях. Более высокий уровень тревожной привязанности у родителей был связан с более высокой степенью близости в отношениях, только в тех случаях, когда подростки демонстрировали высокий уровень тревожной привязанности. Данное исследование раскрывает сложную диадическую динамику качества взаимоотношений в парах «родитель—подросток» [19].

Особенности конфликтов родителей и подростков

Роль конфликта в психологическом развитии подростка активно обсуждается в контексте современных исследований детско-родительских отношений. В значительной степени интерес к развитию автономии у подростков восходит к психоанализу З. Фрейда, где подчеркивалась необходимость для подростков отделиться от родителей и отказаться от детских связей с ними и представлений о них. С этой точки зрения, конфликт рассматривался как нормативный и желательный между родителями и подростками, тогда как тесные детско-родительские эмоциональные связи считались отклонением от нормы [9]. Неоаналитические теоретики, такие как Блос, снижали роль конфликта и важность отделения от родителей в подростковом возрасте. Вместо этого высказывалось предположение, что подростковый возраст включает в себя процесс «индивидуации», в котором подростки постепенно начинают видеть себя отдельными от родителей. В отличие от теории привязанности, автономия трактуется как внутри психическая конструкция, делается акцент на интрапсихическом развитии в подростковом возрасте. Однако этот интрапсихический процесс все еще осуществляется в межличностном контексте детско-родительских отношений. Некоторые недавние исследования подтвердили межличностный характер становления автономии у подростков [9].

В исследовании 2009 года ученые Научно-исследовательского центра развития подростков Утрехтского университета в Нидерландах сравнивали результаты своего эмпирического исследования с вышеупомянутой концепцией «индивидуации» Блоса. Полученные данные отчасти подтвердили, что по мере возрастания автономии отношения подростка с родителями становятся более равноправными, гипотеза о том, что этот процесс стимулируется конфликтом «подросток—родитель», не подтвердилась. Перестройки, которые ведут к большему равенству, хотя и связаны с конфликтом, не обязательно стимулируются им [13].

Таким образом, данные последних исследований приводят к выводу о том, что конфликт необязателен для успешной трансформации детско-родительских отношений в подростковом возрасте. Для объяснения того, как возможна трансформация детско-родительских отношений без участия конфликтов, привлекается теория привязанности. Аллэн отмечает, что также

как в младенчестве, когда ребенок, испытывая страх или тревогу, привлекает внимание своего родителя, тем самым активизируя систему привязанности, нормативные изменения в мыслях, чувствах и поведении, которые происходят в подростковом возрасте, могут служить для «активации» системы привязанности в подростковом периоде. Такая активация может сигнализировать родителям и подросткам, что в их отношениях необходимо внести перестройки, чтобы учесть изменения в потребностях подростка. Также как в младенчестве, чувствительность и отзывчивость со стороны родителя важны для поддержания надежной привязанности и нормативного развития [9].

В одном из исследований на данную тему, проведенном в Центре развития подростков в Утрехтском университете, изучались изменения в стилях разрешения конфликтов в отношениях между родителями и подростками на протяжении подросткового возраста [34]. В целом, было обнаружено, что как подростки, так и их родители изменили свой стиль разрешения конфликтов, начиная с раннего до среднего подросткового возраста. Результаты исследования показали, что разрешение конфликтов по мере взросления подростка постепенно меняется в пользу «горизонтальных отношений». Были сделаны выводы о том, что конфликты полезны для пересмотра родительских полномочий и их можно рассматривать как возможность подкрепить и углубить отношения посредством дискуссии, где обе стороны могут выразить свое мнение, уважительно выслушать противоположный взгляд и вместе найти решение проблем [34].

Но важно понимать также и негативные последствия конфликта. В метаанализе, проведенном в 2016 году Веймаусом и др. представлен обзор 52 исследований родительско-подросткового конфликта. Авторы исследования отметили, что результаты проанализированных исследований противоречивы, а относительный вклад конкретных аспектов конфликта между родителями и подростками в дезадаптацию подростков определить не удалось. Тем не менее, результаты всех исследований показывают, что конфликт между родителями и подростками связан с дезадаптацией подростков, а несогласие и враждебность оказывают негативное влияние на их развитие [4].

Ряд исследований посвящен возможности нивелировать негативные последствия конфликта и его разрушительный характер. Результаты исследований привязанности показывают, что надежно привязанные подростки (и их родители) способны более успешно находить баланс между поддержанием связей и поддержкой развития автономии подростка и таким образом избегать продолжительных конфликтов и разногласий в детско-родительских отношениях. Надежно привязанные подростки демонстрируют меньше дисфункционального гнева, меньше избегания решения проблем и меньше давления и/или чрезмерных атак при обсуждении области конфликта со своими матерями. По мнению Аллэна, надежная привязанность

также считается связанной с представлениями о себе как более компетентном и достойном любви, что предполагает развитие самоуважения и позитивную Я-концепция в будущем [5]. Надежно привязанные подростки более способны воспринимать, понимать и выражать свои собственные эмоции, более успешно справляются со сложными эмоциональными ситуациями. Как правило, они активно применяют копинг-стратегии, которые часто включают просьбу поддержки от других. В отличие от них, ненадежно привязанные подростки могут очень эмоционально реагировать на ситуации и имеют неэффективные стратегии управления своими эмоциями [9].

Одним из актуальных направлений исследований является изучение *гендерной специфики* поведения родителей и подростков в конфликте. Так, в одной из недавних работ были выявлены диадические различия в конфликте между матерью и подростком. Подростки (13—14 лет) описывали свои разногласия с матерью в течение 3 предыдущих дней, их аффективную интенсивность и свое восприятие негатива во взаимоотношениях с матерью. Были выявлены три модели взаимодействия: 1) спокойные диады, отличающиеся низкой интенсивностью разногласий и низкой негативностью в отношениях; 2) взрывные диады, отличающиеся высокой аффективной интенсивностью; 3) ссорившиеся диады, отличающиеся частыми конфликтами. Последующий анализ показал, что подростки в спокойных диадах имели более низкий уровень проблемного поведения, чем подростки во взрывных или ссорившихся диадах [24].

В одном из лонгитюдных исследований изучались гендерные копинг стратегии и типы разрешения конфликтов в детско-родительских отношениях у родителей и подростков в возрасте 11—16 лет. Результаты исследования показали, что подростковые копинг-стратегии играют ключевую роль как в разрешении конфликта в диаде «родитель—подросток», так и в развитии психопатологических симптомов на протяжении двухлетнего периода наблюдений. Гендерные различия отмечались в стратегиях разрешения конфликтов у родителей: больше проблем решали отцы, чем матери, а более регулируемое эмоционально-ориентированное совладающее поведение демонстрировали матери в сравнении с отцами. При этом в диадах «мать—подросток» чаще, чем в диадах «отец—подросток», достигалось полное разрешение конфликта [7].

Несмотря на то, что конфликт является нормативной частью отношений между родителями и подростками, конфликты, которые носят длительный или крайне негативный характер, могут нанести ущерб этим отношениям и психологическому развитию подростка. В исследовании Мод и др. (2015) представлен анализ данных 138 диад, касающихся конфликтов между родителями и подростками в возрасте 13 лет. В этом исследовании конфликт определялся как взаимный обмен негативными эмоциями во время обсуждения родителями и подростками «горячих» конфликт-

ных вопросов. Результаты исследования показали, что большинство подростковых конфликтов завершаются их пролангацией, восприятием проблемы как нерешенной и в дальнейшем — с проблемным поведением подростков.

Кроме влияния детско-родительских конфликтов также изучается влияние *супружеских конфликтов* на развитие в подростковом возрасте. Так, в одном из исследований на данную тему изучалось, способствуют ли родительские, супружеские конфликты приверженности подростков материальным ценностям. Двести четырнадцать китайских (Гонконг) подростков в возрасте от 16 до 17 лет отвечали на вопросы анкет, касающихся материалистических жизненных установок, эмоциональной незащищенности, конфликтного поведения родителей, а также восприятия отношения родителей (теплота, автономность и вовлеченность в детско-родительские отношения). Подростки, у которых родители решали свои конфликты деструктивным образом, отмечали более высокий уровень эмоциональной незащищенности, что, в свою очередь, было связано с более высоким уровнем материалистической направленности, приверженности материальным ценностям. Напротив, подростки, у которых родители конструктивно справлялись со своими конфликтами, сообщали о более низком уровне эмоциональной незащищенности, что было связано с более низким уровнем материалистических ценностей [11].

Заключение

Проблема детско-родительских взаимоотношений является одной из актуальных проблем психологического развития в подростковом возрасте. Острота и значимость этой проблемы связана с основной дилеммой развития: подросток стремится к эмансипации от родителей, но одновременно нуждается в принятии и поддержке родителей. Как разрешается подобная дилемма? Анализ современных зарубежных исследований приводит к следующему выводу: родители должны способствовать становлению автономии подростка и при этом обеспечивать психологическое сопровождение процесса взросления с опорой на взаимную привязанность и авторитетный стиль воспитания. Надежная привязанность к родителям совершенно необходима для благополучного развития в подростковый период. Взаимоотношения со сверстниками не могут заменить взаимоотношений с родителями в качестве факторов позитивного развития. Конфликты между подростком и родителями не являются обязательным атрибутом взросления, могут играть как позитивную, так и негативную роль в становлении личности в подростковый период.

В современной отечественной психологии проблемы детско-родительских отношений также активно исследуются. Однако влияние на различные аспекты

развития характеристик взаимоотношений *подростков* с родителями, в частности качества привязанности, родительского контроля, стиля сопровождения процесса автономии, конфликтов в сфере «подросток—родитель», изучаются недостаточно. Это наглядно видно в сравнении в зарубежной психологией, где систематически проводятся обширные исследования по проблемам воспитания, привязанности, конфликтов, вклада отца и матери в развитие в подростка в

современном мире, результаты которых публикуются в тематических научных журналах (Journal of Adolescence; Journal of Child and Family Studies; Journal of youth Adolescence; Journal of Family Psychology). Представленный обзор современных зарубежных исследований в сфере взаимоотношений подростков с родителями показывает, что данное направление является перспективным с точки зрения проведения подобных исследований в отечественной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карabanова О.А.* Детско-родительские отношения и практики воспитания в семье: кросс-культурный аспект // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 15—26. doi:10.17759/jmfp.2017060202.
2. *Ньюфелд Г.* Не упускайте своих детей. М.: Ресурс, 2015. 384 с.
3. *Эйнстад Г.* Самооценка у детей и подростков: книга для родителей. М.: Альпина Паблишер, 2015. 394 с.
4. A Meta-Analysis of Parent—Adolescent Conflict: Disagreement, Hostility, and Youth Maladjustment / B. Weymouth [et al.] // Journal of Family Theory and Review. 2016. Vol. 8. № 1. P. 95—112. doi:10.1111/jftr.12126
5. A Secure Base in Adolescence: Markers of Attachment Security in the Mother—Adolescent Relationship / J. Allen [et al.] // Child Development. 2003. Vol. 74. № 1. P. 292—307. doi:10.1111/1467-8624.t01-1-00536
6. Adolescent social media use and mental health from adolescent and parent perspectives / C. Barry [et al.] // Journal of Adolescence. 2017. Vol. 61. P. 1—11. doi:10.1016/j.adolescence.2017.08.005
7. Adolescents', mothers', and fathers' gendered coping strategies during conflict: youth and parent influences on conflict resolution and psychopathology / K. Marceau [et al.] // Development and Psychopathology. 2015. Vol. 27. № 4pt1. P. 1025—1044. doi:10.1017/S0954579415000668
8. *Allen J., Miga E.* Attachment in adolescence: A move to the level of emotion regulation // Journal of Social and Personal Relationships. 2010. Vol. 27. № 2. P. 181—195. doi:10.1177/0265407509360898
9. Attachment and Autonomy During Adolescence [Электронный ресурс] / Boykin K. McElhaney [et al.] // Handbook of Adolescent Psychology / Eds. R.M. Lerner, L. Steinberg. Hoboken, N.J.: John Wiley and Sons, 2009. P. 358—403. URL: <https://qps.ru/wRPjK> (дата обращения: 25.11.2019).
10. *Chen B.B.* Parent—Adolescent Attachment and Academic Adjustment: The Mediating Role of Self-Worth // Journal of Child and Family Studies. 2017. Vol. 26. № 8. P. 2070—2076. doi:10.1007/s10826-017-0728-2
11. *Ching B.H.H., Wu X.* Parental conflicts and materialism in adolescents: Emotional insecurity as a mediator // Journal of Adolescence. 2018. Vol. 69. P. 189—202. doi:10.1016/j.adolescence.2018.07.019
12. *Darling N., Steinberg A.* Parenting style as context: an integrative model [Электронный ресурс] // Psychical Bulletin. 1993. Vol. 113. № 3. P. 487—496. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.865.7470&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 25.11.2019)
13. *De Goede I., Branje S., Meeus W.* Developmental changes in adolescents' perceptions of relationships with their parents // Journal of youth Adolescence. 2009. Vol. 38. № 1. P. 75—88. doi:10.1007/s10964-008-9286-7
14. Do Attachment Styles and Family Functioning Predict Adolescents' Problematic Internet Use? A Relative Weight Analysis / *M. Cacioppo* [et al.] // Journal of Child and Family Studies. 2019. Vol. 28. № 5. P. 1263—1271. doi:10.1007/s10826-019-01357-0
15. *Dost-Gözkan A.* Adolescent disclosure and secrecy in different relationship contexts and psychological well-being // Paper presented at the 15th Biennial conference of the European Association for Research on Adolescence. Cádiz, Spain, 2016.
16. Examining the longitudinal relations among adolescents' conflict management with parents and conflict frequency / L. Missotten [et al.] // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 117. P. 37—41. doi:10.1016/j.paid.2017.05.037
17. *Giannotta F., Rydell A.* The role of mother-child relationship in the route from child ADHD to adolescent symptoms of depressed mood // Journal of Adolescence. 2017. Vol. 61. P. 40—49. doi:10.1016/j.adolescence.2017.09.005
18. *Gittins C., Hunt C.* Parental behavioural control in adolescence: How does it affect self-esteem and self-criticism? // Journal of Adolescence. 2019. Vol. 73. P. 26—35. doi:10.1016/j.adolescence.2019.03.004
19. Interdependence of attachment styles and relationship quality in parent-adolescent dyads / C. Chow [et al.] // Journal of Adolescence. 2017. Vol. 61. P. 77—86. doi:10.1016/j.adolescence.2017.09.009
20. *Kildare C., Middenmiss W.* Impact of parents mobile device use on parent-child interaction: A literature review // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 75. P. 579—593. doi:10.1016/j.chb.2017.06.003
21. *Kokkinos M., Algivanolglou I., Voulgaridou I.* Emotion Regulation and Relational Aggression in Adolescents: Parental Attachment as Moderator // Journal of Child and Family Studies. 2019. Vol. 28. № 11. P. 3146—3160. doi:10.1007/s10826-019-01491-9
22. *Mc Daniel B., Coyne S.* Technology interference in the parenting of young children: Implications for mothers' perceptions of coparenting // The Social Science Journal. 2016. Vol. 53. № 4. P. 435—443. doi:10.1016/j.soscij.2016.04.010

23. *Moretti M., Peled M.* Adolescent-parent attachment: Bonds that support healthy development // *Pediatric Child Health*. 2004. Vol. 9. № 8. P. 551—555. doi:10.1093/pch/9.8.551
24. Mother-adolescent conflict types and adolescent adjustment: a person-oriented analysis / M. Huey [et al.] // *Journal of Family Psychology*. 2017. Vol. 31. № 4. P. 504—512. doi:10.1037/fam0000294
25. Parent-adolescent conflict as sequences of reciprocal negative emotion: links with conflict resolution and adolescents' behavior problems / A. Moed [et al.] // *Journal of Youth and Adolescence*. 2015. Vol. 44. № 8. P. 1607—1622. doi:10.1007/s10964-014-0209-5
26. Patterns of Competence and Adjustment among Adolescents from Authoritative, Authoritarian, Indulgent, and Neglectful Families/S. Lamborn[etal.]//*Child Development*. 1991. Vol. 62. № 5. P. 1049—1065. doi:10.1111/j.1467-8624.1991.tb01588.x
27. *Qi W.* Harsh parenting and child aggression: Child moral disengagement as the mediator and negative parental attribution as the moderator // *Child Abuse & Neglect*. 2019. Vol. 91. P. 12—22. doi:10.1016/j.chiabu.2019.02.007
28. *Raboteg-Saric Z., Sakie M.* Relations of Parenting Styles and Friendship Quality to Self-Esteem, Life Satisfaction and Happiness in Adolescents // *Applied Research in Quality of Life*. 2014. Vol. 9. № 3. P. 749—765. doi:10.1007/s11482-013-9268-0
29. *Sağkal A.* Direct and indirect effects of strength-based parenting on adolescents' school outcomes: Exploring the role of mental toughness // *Journal of Adolescence*. 2019. Vol. 76. P. 20—29. doi:10.1016/j.adolescence.2019.08.001
30. *Steinberg L., Sheffield Morris A.* Adolescent Development [Электронный ресурс] // *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52. P. 83—110. URL: http://www.colorado.edu/ibs/jessor/psych7536-805/readings/steinberg_morris-2001_83-110.pdf (дата обращения: 29.08.2019)
31. *Stockdale L.A., Coyne S.M., Padilla-Walker L.M.* Parent and Child Technoference and socioemotional behavioral outcomes: A nationally representative study of 10- to 20-year-Old adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 88. P. 219—226. doi:10.1016/j.chb.2018.06.034
32. The Time-Varying Influences of Peer and Family Support on Adolescent Daily Positive and Negative Affect / S. Weinstein [et al.] // *Journal of youth Adolescence*. 2006. Vol. 35. № 3. P. 420—430. doi:10.1207/s15374424jccp3503_7
33. *Tu K.M., Marks B., El-Sheikh M.* Sleep and mental health: the moderating role of perceived adolescent-parent attachment // *Sleep Health*. 2017. Vol. 3. № 2. P. 90—97. doi:10.1016/j.sleh.2016.12.003
34. *Van Doorn M., Branje S., Meeus W.* Developmental changes in conflict resolution styles in parent-adolescent relationships: a four-wave longitudinal study // *Journal of Youth Adolescence*. 2011. Vol. 40. № 1. P. 97—107. doi:10.1007/s10964-010-9516-7
35. *Yucel D., Vogt Yuan A.* Parents, Siblings, or Friends? Exploring Life Satisfaction among Early Adolescents // *Applied Research in Quality of Life*. 2016. Vol. 11. № 4. P. 1399—1423. doi:10.1007/s11482-015-9444-5

Current research on adolescents' relationships with parents

Avdeeva N.N.,

*candidate of psychological sciences, professor at the chair of developmental psychology named after L.F. Obukhova,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
nnavdeeva@mail.ru*

Hoffman B.Ya.,

*post graduate student, chair of developmental psychology named after L.F. Obukhova,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
brookeahoffman@gmail.com*

The article is based on the materials of foreign sources and discusses the current trends in the relationship of adolescents and their parents. The following problems are discussed: influence of upbringing styles and parental attitudes on various aspects of psychological development of adolescents; contribution of relationships with parents and peers into social and personality development in adolescence; peculiarities of teenagers' attachments to parents; child-parent conflicts. The recent studies of family education and its influence on psychological development confirm the positive role of authoritative parenting style, the negative impact of rigid parenting style on adolescent aggression and so on. It is shown that excessive parental control does not contribute to the development of self-esteem and increases self-criticism in adolescent girls. In relatively new researches devoted to "technofence" the negative impact of technical means (phone, gadgets) on interaction between parents and children is shown. The article stresses the importance of attachment to parents in adolescence; the role of the quality of attachment in formation of autonomy; capacity to solve problems and cope with difficulties associated with Internet addiction; aggression and school performance. The article also presents studies of positive and negative aspects of the impact of conflict with parents on the personality development of adolescents, gender differences in behavior during the conflict between mother and father, the contribution of marital conflicts to psychological development in adolescence.

Keywords: parent-child relationships, type of upbringing, attachment, adolescence, type of upbringing, attachment, adolescence, parent-child conflicts.

REFERENCES

1. Karabanova O.A. Detsko-roditel'skie otnosheniya i praktiki vospitaniya v sem'e: kross-kul'turnyi aspekt [Parent-child relationships and parenting practices in the family: cross-cultural aspect]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*, 2017. Vol. 6, no. 2, pp. 15—26. doi:10.17759/jmfp.2017060202
2. N'yufeld G. Ne upuskaite svoikh detei [Do not miss your children]. M.: Resurs, 2015. 384 p.
3. Einstad G. Samootsenka u detei i podrostkov: kniga dlya roditel'ei [Self-esteem in children and adolescents: a book for parents]. M.: Al'pina Publisher, 2015. 394 p.
4. Weymouth B. et al. A Meta-Analysis of Parent-Adolescent Conflict: Disagreement, Hostility, and Youth Maladjustment. *Journal of Family Theory and Review*, 2016. Vol. 8, no. 1, pp. 95—112. doi:10.1111/jftr.12126
5. Allen J. et al. A Secure Base in Adolescence: Markers of Attachment Security in the Mother—Adolescent Relationship. *Child Development*, 2003. Vol. 74, no. 1, pp. 292—307. doi:10.1111/1467-8624.t01-1-00536
6. Barry C. et al. Adolescent social media use and mental health from adolescent and parent perspectives. *Journal of Adolescence*, 2017. Vol. 61, pp. 1—11. doi:10.1016/j.adolescence.2017.08.005
7. Marceau K. et al. Adolescents', mothers', and fathers' gendered coping strategies during conflict: youth and parent influences on conflict resolution and psychopathology. *Development and Psychopathology*, 2015. Vol. 27, no. 4pt1, pp. 1025—1044. doi:10.1017/S0954579415000668
8. Allen J., Miga E. Attachment in adolescence: A move to the level of emotion regulation. *Journal of social and personal relationships*, 2010. Vol. 27, no. 2, pp. 181—195. doi:10.1177/0265407509360898
9. McElhaney Boykin K. et al. Attachment and Autonomy During Adolescence [Elektronnyi resurs]. In Lerner R.M., Steinberg L. (eds). *Handbook of Adolescent Psychology*. Hoboken, N.J.: John Wiley and Sons, 2009, pp. 358—403. URL: <https://qps.ru/wRPjK> (Accessed 25.11.2019).
10. Chen B.B. Parent-Adolescent Attachment and Academic Adjustment: The Mediating Role of Self-Worth. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 8, pp. 2070—2076. doi:10.1007/s10826-017-0728-2
11. Ching B.H.H., Wu X. Parental conflicts and materialism in adolescents: Emotional insecurity as a mediator. *Journal of Adolescence*, 2018. Vol. 69, pp.189—202. doi:10.1016/j.adolescence.2018.07.019
12. Darling N., Steinberg A. Parenting style as context: an integrative model [Elektronnyi resurs]. *Psychical Bulletin*, 1993. Vol. 113, no. 3, pp. 487—496. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.865.7470&rep=rep1&type=pdf> (Accessed 25.11.2019).

13. De Goede I., Branje S., Meeus W. Developmental changes in adolescents' perceptions of relationships with their parents. *Journal of Youth Adolescence*, 2009. Vol. 38, no. 1, pp. 75—88. doi:10.1007/s10964-008-9286-7
14. Cacioppo M. et al. Do Attachment Styles and Family Functioning Predict Adolescents' Problematic Internet Use? A Relative Weight Analysis. *Journal of Child and Family Studies*, 2019. Vol. 28, no. 5, pp. 1263—1271. doi:10.1007/s10826-019-01357-0
15. Dost-Gözkan A. Adolescent disclosure and secrecy in different relationship contexts and psychological well-being. *Paper presented at the 15th Biennial conference of the European Association for Research on Adolescence*. Cádiz, Spain, 2016.
16. Missotten L. et al. Examining the longitudinal relations among adolescents' conflict management with parents and conflict frequency. *Personality and Individual Differences*, 2017. Vol. 117, pp. 37—41. doi:10.1016/j.paid.2017.05.037
17. Giannotta F., Rydell A. The role of mother-child relationship in the route from child ADHD to adolescent symptoms of depressed mood. *Journal of Adolescence*, 2017. Vol. 61, pp. 40—49. doi:10.1016/j.adolescence.2017.09.005
18. Gittins C., Hunt C. Parental behavioural control in adolescence: How does it affect self-esteem and self-criticism? *Journal of Adolescence*, 2019. Vol. 73, pp. 26—35. doi:10.1016/j.adolescence.2019.03.004
19. Chow C. et al. Interdependence of attachment styles and relationship quality in parent-adolescent dyads. *Journal of Adolescence*, 2017. Vol. 61, pp. 77—86. doi:10.1016/j.adolescence.2017.09.009
20. Kildare C., Middenmiss W. Impact of parents mobile device use on parent-child interaction: A literature review. *Computers in Human Behavior*, 2017. Vol. 75, pp. 579—593. doi:10.1016/j.chb.2017.06.003
21. Kokkinos M., Algiovanoglou I., Voulgaridou I. Emotion Regulation and Relational Aggression in Adolescents: Parental Attachment as Moderator. *Journal of Child and Family Studies*, 2019. Vol. 28, no. 11, pp. 3146—3160. doi:10.1007/s10826-019-01491-9
22. Mc Daniel B., Coyne S. Technology interference in the parenting of young children: Implications for mothers' perceptions of coparenting. *The Social Science Journal*, 2016. Vol. 53, no. 4, pp. 435—443. doi:10.1016/j.soscij.2016.04.010
23. Moretti M., Peled M. Adolescent-parent attachment: Bonds that support healthy development. *Pediatric Child Health*, 2004. Vol. 9, no. 8, pp. 551—555. doi:10.1093/pch/9.8.551
24. Huey M. et al. Mother-adolescent conflict types and adolescent adjustment: a person-oriented analysis. *Journal of Family Psychology*, 2017. Vol. 31, pp. 504—512. doi:10.1037/fam0000294
25. Moed A. et al. Parent-adolescent conflict as sequences of reciprocal negative emotion: links with conflict resolution and adolescents' behavior problems. *Journal of Youth and Adolescence*, 2015. Vol. 44, no. 8, pp. 1607—1622. doi:10.1007/s10964-014-0209-5
26. Lamborn S. et al. Patterns of Competence and Adjustment among Adolescents from Authoritative, Authoritarian, Indulgent, and Neglectful Families. *Child Development*, 1991. Vol. 62, no. 5, pp. 1049—1065. doi:10.1111/j.1467-8624.1991.tb01588.x
27. Qi W. Harsh parenting and child aggression: Child moral disengagement as the mediator and negative parental attribution as the moderator. *Child Abuse & Neglect*, 2019. Vol. 91, pp. 12—22. doi:10.1016/j.chiabu.2019.02.007
28. Raboteg-Saric Z., Sakie M. Relations of Parenting Styles and Friendship Quality to Self-Esteem, Life Satisfaction and Happiness in Adolescents. *Applied Research in Quality of Life*, 2014. Vol. 9, no. 3, pp. 749—765. doi:10.1007/s11482-013-9268-0
29. Sağkal A. Direct and indirect effects of strength-based parenting on adolescents' school outcomes: Exploring the role of mental toughness. *Journal of Adolescence*, 2019. Vol. 76, pp. 20—29. doi:10.1016/j.adolescence.2019.08.001
30. Steinberg L., Sheffield Morris A. Adolescent Development [Elektronnyi resurs]. *Annual Review of Psychology*, 2001. Vol. 52, pp. 83—110. URL: http://www.colorado.edu/ibs/jessor/psych7536-805/readings/steinberg_morris-2001_83-110.pdf (Accessed 29.08.2019).
31. Stockdale L.A., Coyne S.M., Padilla-Walker L.M. Parent and Child Technofence and socioemotional behavioral outcomes: A nationally representative study of 10- to 20-year-Old adolescents. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 88, pp. 219—226. doi:10.1016/j.chb.2018.06.034
32. Weinstein S. et al. The Time-Varying Influences of Peer and Family Support on Adolescent Daily Positive and Negative Affect. *Journal of Youth Adolescence*, 2006. Vol. 35, no. 3, pp. 420—430. doi:10.1207/s15374424jccp3503_7
33. Tu K.M., Marks B., El-Sheikh M. Sleep and mental health: the moderating role of perceived adolescent-parent attachment. *Sleep Health*, 2017. Vol. 3, no. 2, pp. 90—97. doi:10.1016/j.sleh.2016.12.003
34. Van Doorn M., Branje S., Meeus W. Developmental changes in conflict resolution styles in parent-adolescent relationships: a four-wave longitudinal study. *Journal of Youth Adolescence*, 2011. Vol. 40, no. 1, pp. 97—107. doi:10.1007/s10964-010-9516-7
35. Yucel D., Vogt Yuan A. Parents, Siblings, or Friends? Exploring Life Satisfaction among Early Adolescents. *Applied Research in Quality of Life*, 2016. Vol. 11, no. 4, pp. 1399—1423. doi:10.1007/s11482-015-9444-5

Родительские стратегии в использовании детьми цифровых технологий

Смирнова Е.О.,

*доктор психологических наук, профессор кафедры дошкольной педагогики и психологии,
ФГБОУ ВО МГППУ, начальник отдела психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек
Центра прикладных психолого-педагогических исследований, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
smirneo@mail.ru*

Смирнова С.Ю.,

*младший научный сотрудник отдела психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек
Центра прикладных психолого-педагогических исследований, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
svetlanka.vas@gmail.com*

Шеина Е.Г.,

*старший научный сотрудник отдела психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек
Центра прикладных психолого-педагогических исследований, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
leshgp@gmail.com*

В статье представлен обзор исследований, связанных с отношением родителей к использованию цифровых технологий маленькими детьми. Приводятся данные, показывающие возрастание интенсивности и существенное снижение возраста использования мобильных устройств, в том числе смартфонов и планшетов. Показано, что новые технологии существенно меняют отношения детей и родителей. Выделяются и описываются варианты родительского посредничества (медиации) в процессе использования цифровых технологий: ограничительное, активное, совместное использование и др. В заключительной части статьи приведены рекомендации Американской академии педиатрии по использованию медиа маленькими детьми. Подчеркивается необходимость создания Комментария к Конвенции ООН, позволяющего защищать права детей на доступ, защиту и пользование новыми цифровыми ресурсами в эпоху быстрых технологических изменений.

Ключевые слова: родители, дети, ранний и дошкольный возраст, детско-родительские отношения, родительские посреднические стратегии (медиация), мобильные устройства, цифровые технологии, сенсорный экран, рекомендации Американской академии педиатрии.

Для цитаты:

Смирнова Е.О., Смирнова С.Ю., Шеина Е.Г. Родительские стратегии в использовании детьми цифровых технологий [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 79—87. doi: 10.17759/jmfp.2019080408

For citation:

Smirnova E.O., Smirnova S.Yu., Sheina E.G. Parents' strategies to use of digital technology by children [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 79—87 doi: 10.17759/jmfp.2019080408 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Технологические новшества меняют жизнь не только взрослых, но и детей. Появление сенсорного экрана с интуитивно понятным интерфейсом привело к тому, что стремительно снизился возраст использования устройств с сенсорным экраном (телефонами и планшетами). Проникновение цифровых технологий в ранний возраст стало серьезной проблемой, как для специалистов, так и для родителей.

В Соединенных Штатах процент семей с детьми дошкольного возраста, сообщающих о доступе к мобильным устройствам, включая смартфоны и планшеты, постоянно растет. Так в 2011 году 38% детей указанной возрастной группы использовали тот или иной тип мобильного устройства, а к 2013 году этот процент резко вырос до 72%, а к 2017 году использование увеличилось до 84% [26].

В Австралии в 2014—2015 годах, по данным Australian Bureau of Statistics, 94 % детей имели доступ к интернету

с использованием настольных или портативных компьютеров, 86% — с использованием мобильных телефонов, 62% — планшетов [12]. Взаимодействие с экраном стало привычным занятием даже для младенцев и детей раннего возраста. Дети быстро, самостоятельно и успешно совершенствуют свои технические навыки. При этом мотивы использования мобильных устройств связаны преимущественно с развлечениями, а не с учебными и развивающими занятиями [9].

По данным 2014 года, к концу дошкольного возраста 78% российских детей активно пользовались компьютером, причем наиболее востребованным контентом являются компьютерные игры [3].

По данным опроса Mediascope, в России в 2018 году у 44% детей в возрасте 5—7 лет есть собственный смартфон, в возрасте 8—11 лет этот показатель возрастает до 74%. Дети (по словам родителей) все раньше

начинают пользоваться Интернетом. Дети, которым сейчас 8—11 лет, как правило, начинали пользоваться Интернетом в 6—7 лет. Дошкольники, которым сейчас 5—7 лет, становились пользователями Интернета в 4—5 лет [1].

Несмотря на растущую популярность устройств с сенсорным экраном, родителям не хватает данных о преимуществах и рисках, связанных с использованием этих технологий маленькими детьми.

Отношение родителей к новым технологиям

Появление любых новых коммуникативных технологий вызывает опасения, называемые «медиа-паникой» [17].

Так при появлении телевизора родители беспокоились, что у детей станут «квадратные глаза», что насилие на телевидении может сделать детей агрессивными [27].

Новые устройства с сенсорным экраном породили страхи, которые касаются [35]:

- физического здоровья — недостаток сна, расстройства опорно-двигательного аппарата, ослабленные мышцы, плохая осанка, бездумное питание и пр.;
- развития ребенка — речь, когнитивные и социальные навыки; эмоциональный интеллект, академические достижения;
- социальной изоляции и негативных психосоциальных последствий.

Беспокойство родителей вызывает также агрессивный или сексуальный контент Интернета [7].

С появлением новых технологий взаимоотношения детей и родителей приобретают противоречивые тенденции.

С одной стороны, родители пытаются постоянно контролировать своих детей, в том числе их поведение онлайн [10]. С другой стороны, родители переживают несостоятельность такого тотального контроля, они чувствуют себя неуверенными, поскольку не знают, к какому контенту их дети имеют доступ и как это влияет на их жизнь [6].

Более того, родители чувствуют себя обманутыми собственными детьми, поскольку родителей тревожит, что дети находят способы обойти введенные ограничения [33].

Эти страхи в совокупности приводят родителей к ощущению угрозы и заставляют чувствовать себя совершенно неподготовленными к воспитанию детей в качественно новой информационной среде [36].

Во многих семьях возникают конфликты в связи с использованием компьютера; часто они связаны с тем, что установленные взрослыми правила не соблюдаются [8].

В некоторых семьях мать и отец расходятся в своих взглядах на использование компьютера. Такое расхождение проявляется в борьбе родителей за влияние на детей, за обеспечение их права пользоваться компью-

тером или защиту от вредных воздействий цифровых средств [34].

Использование детьми цифровых технологий стало той областью, где родители рискуют почувствовать «техно-вину» из-за того, что постоянно сомневаются в себе и беспокоятся, что делают что-то «не так».

Многие родители, дети которых имеют доступ к сенсорным средствам, считают, что не учат детей пользоваться техникой. Родители, как правило, считают, что их дети в основном самоучки и недооценивают свою собственную роль в овладении детьми этими средствами [29].

Отчасти беспокойство родителей связано с отсутствием социального и культурного опыта использования цифровых средств. Общество только вырабатывает нормы и культуру пользования новыми технологиями.

Эти правила пользования необходимы, потому что многие родители считают, что владение цифровыми средствами необходимо в современном мире наряду с умением читать, считать.

Родители признают определенные достоинства новых технологий, например, их образовательный потенциал: они покупают приложения, которые обучают математике, чтению и т. п.

Еще один способ использования детьми цифровых технологий — видеочаты Skype и подобные им. Они позволяют общаться с родителями и другими родственниками на расстоянии. Это помогает маленьким детям поддерживать семейные отношения.

В исследовании Г. Палайеоргиу с соавторами родители рассматривают планшеты в основном как сложные игрушки и средство развлечения — многие из них (40%) указали, что приобрели планшеты для развлечения своих детей. Второй причиной покупки планшета было социальное давление (10—19%) — планшет покупается ребенку, так как он завидует сверстникам, у которых есть планшет [24].

Варианты родительского посредничества

Собственные гаджеты родителей и их личное отношение к технологиям формируют домашнюю информационную среду и оказывают существенное влияние на поведение и предпочтения детей [15].

Родительское посредничество или медиация (Parental mediation) определяется как набор стратегий, которые родители используют для максимизации выгод и минимизации рисков, которые могут спровоцировать современные цифровые медиа [4]. Это термин 1980-х гг., когда в США вопрос о регулировании доступа детей к СМИ еще не возникал, а стандарты детского телевидения были низкими [21].

Со временем стратегии родительского посредничества при просмотре ТВ стали переноситься на новые виды медиа-устройств [28].

Саймонс К. и другие предложили разделить стратегии родительского посредничества на три основные категории [5].

— Ограничительное посредничество (*Restrictive Mediation*): вводятся жесткие правила, применяются ограничения и контроль в использовании детьми средств массовой информации.

— Активное посредничество (*Active Mediation*): обучающие или оценочные беседы, которые используются для того, чтобы обсудить просмотренный контент и поделиться критическими комментариями на понятном для детей языке.

— Совместное использование (*Co-use or co-viewing or co-playing*): родители участвуют в играх или просмотрах, создают общие интересы, обсуждают содержание общей активности.

Помимо этих трех категорий, новые исследования определяют и описывают две дополнительные модели родительских стратегий медиации [13].

— Совместное обучение (*Participatory learning*): родители и дети вместе изучают цифровые медиа в процессе их использования.

— Дистанционное посредничество (*Distant mediation*): родители контролируют использование детьми средств массовой информации на расстоянии, основываясь на доверии ребенку. Такое доверие накладывает на ребенка определенную ответственность, позволяя детям использовать цифровые средства самостоятельно, сохраняя при этом дистанционный контроль.

Диас П. и другие предлагают оригинальное представление всех родительских стратегий медиации как непрерывную шкалу между двумя полюсами (*continuum*): выполняющие ограничительную функцию («привратники» — *Gatekeepers*) и функцию поддержки («помощники» — *Scaffolders*¹). Авторы связывают посреднические стратегии родителей с защитой прав детей, в данном случае права на доступ к технологиям. Привратники ограничивают доступ детей к технологиям с акцентом опять же на защиту детей и поддержку их физического и психического здоровья (ограничительное посредничество). «Помощники» помогают ребенку приобрести навыки для последующего самостоятельного использования новых технологий [34].

Исследование, проведенное в Сингапуре [13], показало, что стратегии медиации могут быть смешанными и не разделяются на четко описанные выше виды. В том же исследовании показано, что функция «привратника» (ограничительное посредничество) может использоваться в сочетании с активным посредничеством и с объяснением причин, лежащих в основе введенных правил.

Родительские стратегии зависят от многих факторов, таких как индивидуальные особенности детей, отношение родителей к воспитанию, к цифровым тех-

нологиям как к развлечению или как образовательному средству [4].

Важными факторами, влияющими на выбор стратегий медиации, являются также социально-демографические характеристики: страна проживания, социально-экономический статус, а также демографические данные [11].

Результаты европейского исследования [32] показывают, что родители в Нидерландах более активно участвуют в посредничестве между ребенком и Интернетом, чем родители в Эстонии, которые предпочитают делегировать посредничество старшим детям или создавать больше ограничений. В привилегированных семьях родители более активно участвуют в общении ребенка с компьютером, чем дети из бедных семей. На посредничество влияют также уровень образования родителей и цифровая грамотность. При этом менее образованные родители чаще предпочитают ограничительное посредничество.

Важное значение также имеет пол ребенка и родителя: девочки более активно контролируются и ограничиваются, чем мальчики, а матери чаще поддерживают детей и более общительны с ними, чем отцы [18].

Большинство родителей маленьких детей выбирают ограничительные стратегии медиации при использовании детьми цифровых технологий [25].

Рекомендации родителям по использованию цифровых медиа для детей

В настоящее время образовался разрыв между существующими рекомендациями по использованию и реальной практикой взаимодействия детей с цифровыми устройствами. Изменения в технологической сфере происходят быстрее, чем появляются новые исследования и методические рекомендации.

В 2011 году Американская академия педиатрии (ААП) опубликовала рекомендации по использованию медиа маленькими детьми, в которых специалисты однозначно не рекомендовали использовать их детям младше 2 лет [19].

Многие исследования показывают, что многочисленные советы для родителей по сокращению времени взаимодействия детей с медиа устройствами и участием в этом процессе взрослых остаются, как правило, не реализуемыми или соблюдаются крайне редко.

Наблюдения и исследования свидетельствуют о том, что многие дети используют цифровые технологии даже в возрасте одного года [22]. По последним оценкам, дети в возрасте до 2 лет в течение одного дня проводят перед экраном в среднем 1—2 часа, в возрасте от 2 до 5 лет — более трех часов [31].

Как показывают опросы родителей, значительное число дошкольников общаются с компьютером само-

¹ От англ. *scaffolding* — скаффолдинг заключается в дозированной помощи взрослого, выстраивающего пространство зоны ближайшего развития ребенка [подробнее о скаффолдинге см.: 2].

стоятельно, причем время такого общения значительно превосходит установленные требования и рекомендации [26; 30].

Последние обновления рекомендаций ААП лучше вписываются в современную жизнь. В 2016 году ассоциация внесла изменения в существующие рекомендации, которые зависят от возраста ребенка. Признана ценность определенных программ для детей от 18 месяцев; при определенных условиях их использование признается возможным.

Приведем некоторые из рекомендаций, адресованные родителям.

- Избегайте использования цифрового мультимедиа (кроме видеочата) с детьми младше 18—24 месяцев.
- Для детей в возрасте от 18 до 24 месяцев выбирайте высококачественные программы; используйте медиа вместе со своим ребенком. Избегайте самостоятельного использования ребенком медиа в этой возрастной группе.
- Не торопитесь знакомить с технологиями в раннем возрасте; дети быстро овладевают ими, как только начнут использовать их дома или в школе.
- Для детей от 2 до 5 лет ограничивайте пользование экраном не более 1 часа в день совместно с детьми. Помогайте детям понять, что они видят, и применять то, что они узнали.
- Избегайте быстрых программ (маленькие дети их не понимают), приложений с большим количеством отвлекающего контента и любого насилия на экране.
- Выключайте телевизор и другие устройства, когда они не используются.
- Не используйте медиа как единственный способ успокоить ребенка. Хотя бывают ситуации (например, медицинские процедуры, полеты на самолете), когда медиа полезны в качестве успокаивающего средства, существует риск, что их использование в качестве успокоения может привести к проблемам саморегуляции.
- Отслеживайте контент и приложения, которые используются или загружаются. Протестируйте приложение перед тем, как дать его ребенку. Играйте вместе, спрашивайте ребенка, что он думает о приложении.
- Старайтесь не пользоваться мобильными устройствами во время приема пищи, в спальне, а также во время совместных игр. Родители могут установить опцию «Не беспокоить» на своих телефонах в это время.
- Не рекомендуется пользоваться цифровыми устройствами за 1 час до сна; убирайте цифровые устройства из спальни перед сном [18].
- Для детей в возрасте 6 лет и старше установите постоянные ограничения на время использования

медиа — оно не должно занимать время сна, физической и другой необходимой для здоровья активности [20].

Аналогичные рекомендации для родителей и специалистов по раннему детству были опубликованы Национальной ассоциацией образования детей младшего возраста (NAEYC) совместно с Центром Фреда Роджерса [23].

Заключение

В 2017 году результатом международного исследования стала рекомендация разработать и включить в Конвенцию ООН о правах ребенка общий комментарий о детях и цифровой среде [16]. Конвенция была принята в 1989 году, с тех пор цифровые средства и Интернет стали неотъемлемой частью жизни детей, начиная с раннего возраста, однако эти радикальные изменения не нашли своего отражения в Конвенции.

В этот комментарий необходимо включить следующее.

- Международные нормы, обеспечивающие баланс между доступом детей к цифровым средствам и защитой от рисков использования цифровых устройств и интернет.
 - Новые образовательные ресурсы по развитию цифровой грамотности, ориентированные на детей.
 - Механизм, позволяющий учитывать мнения и интересы детей при разработке и внедрении новых цифровых ресурсов.
 - Национальное и международное регулирование в области инноваций, учитывающее права детей.
- Однако создание такого дополнения к Конвенции ООН предполагает консенсус различных специалистов, который в настоящее время отсутствует. Как показано в данной статье, появление у ребенка цифровых средств является серьезным вызовом, как для родителей, так и для специалистов. Эта новая реальность современного детства нуждается в фундаментальных исследованиях, что требует времени, средств и особой методологии. В настоящее время вопрос о доступности и целесообразности использования цифровых средств маленькими детьми решается на уровне здравого смысла. Родители оказываются один на один с этой проблемой. И если в некоторых странах (США, Австралия, Великобритания и др.) появляются рекомендации по использованию цифровых средств маленькими детьми, то в России (как и во многих других странах) создание таких ориентиров для детей разного возраста должно стать предметом серьезных научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Детский Рунет 2018 [Электронный ресурс]: Отраслевой доклад. 2019. 31 р. // Институт исследования Рунета. URL: <http://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2019/02/Detskiy-Runet-2018-Report.pdf> (дата обращения: 12.08.2019).
2. Котляр И.А., Сафронова М.А. Три понятия о реальности детского развития: обучаемость, зона ближайшего развития и скаффолдинг [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 74—83. URL: <http://psyjournals.ru/kip/2011/n2/44482.shtml> (дата обращения: 12.08.2019).

3. Собкин В.С., Скобельцина К.Н. Компьютер в жизни ребенка дошкольника // Дитя человеческое. 2014. № 2. С. 20—24.
4. A qualitative Inquiry into the Contextualized Parental Mediation Practices of Young Children's Digital Media Use at Home / B. Zaman [et al.] // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2016. Vol. 60. № 1. P. 1—22. doi:10.1080/08838151.2015.1127240
5. A qualitative study into parental mediation of adolescents' internet use / K. Symons [et al.] // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 73. P. 423—432. doi:10.1016/j.chb.2017.04.004
6. Blackwell L., Gardiner E., Schoenebeck S. Managing expectations: Technology tensions among parents and teens // Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing (San Francisco, CA, USA, February 27 — March 2, 2016). San Francisco, CA: ACM, 2016. P. 1390—1401. doi:10.1145/2818048.2819928
7. Connell S.L., Lauricella A.R., Wartella E. Parental Co-Use of Media Technology with their Young Children in the USA // Journal of Children and Media. 2015. Vol. 9. № 1. P. 5—21. doi:10.1080/17482798.2015.997440
8. FamiLync: facilitating participatory parental mediation of adolescents' smartphone use / M. Ko [et al.] // ACM International Joint Conference on Pervasive and Ubiquitous Computing (Osaka, Japan — September 07—11, 2015). New York, NY, 2015. P. 867—878. doi:10.1145/2750858.2804283
9. Frechette J., Williams R. Media Education for a Digital Generation. New York: Routledge, 2015. 322 p.
10. Herring S.C. Questioning the Generational Divide: Technological Exoticism in Adult Construction of online youth identity // Youth, Identity, and Digital Media / Ed. D. Buckingham. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 71—92. doi:10.1162/dmal.9780262524834.071
11. Holloway D., Green L., Livingstone S. Zero to eight. Young children and their internet use [Электронный ресурс] // LSE Research Online. 2013. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/52630/> (дата обращения: 12.08.2019).
12. Household use of information technology [Электронный ресурс] // Australian Bureau of Statistics. 2016. URL: <https://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/DSSbyCollectionid/DF7ED8483E4FC702CA256BD00026B4A5?opendocument> (дата обращения: 12.08.2019).
13. Jiw H.J., Lim S.S., Lin J. Level Up! Refreshing Parental Mediation Theory for Our Digital Media Landscape // Communication Theory. 2017. Vol. 27. № 3. P. 309—328. doi:10.1111/comt.12109
14. Kirwil L. Parental Mediation Of Children's Internet Use In Different European Countries // Journal of Children and Media. 2009. Vol. 3. № 4. P. 394—409. doi:10.1080/17482790903233440
15. Lauricella A., Wartella E., Rideout V. Young children's screen time: The complex role of parent and child factors // Journal of Applied Developmental Psychology. 2015. Vol. 36. P. 11—17. doi:10.1016/j.appdev.2014.12.001
16. Livingstone S., Lansdown G., Third A. The Case for a UNCRC General Comment on Children's Rights and Digital Media [Электронный ресурс]: report for Children's Commissioner for England. London: LSE Consulting, 2017. 36 p. URL: <https://www.childrenscommissioner.gov.uk/wp-content/uploads/2017/06/Case-for-general-comment-on-digital-media.pdf> (дата обращения: 12.08.2019).
17. Marvin C. When Old Technologies Were New: Thinking About Electric Communication in the Late Nineteenth Century. Oxford: Oxford University Press, 1990. 269 p.
18. Media and Young Minds [Электронный ресурс] / American Academy of Pediatrics. Council on Communications and Media // Pediatrics. 2016. Vol. 138. № 5. e20162591. 8 p. URL: <https://pediatrics.aappublications.org/content/pediatrics/138/5/e20162591.full.pdf> (дата обращения: 12.08.2019).
19. Media Use by Children Younger Than 2 Years [Электронный ресурс] / American Academy of Pediatrics. Council on Communications and Media // Pediatrics. 2011. Vol. 128. № 5. P. 1040—1045. URL: <https://pediatrics.aappublications.org/content/128/5/1040> (дата обращения: 22.08.2019).
20. Media use in school-aged children and adolescents [Электронный ресурс] / American Academy of Pediatrics. Council on Communications and Media // Pediatrics. 2016. Vol. 138. № 5. e20162592. 8 p. URL: <https://pediatrics.aappublications.org/content/pediatrics/138/5/e20162592.full.pdf> (дата обращения: 12.08.2019).
21. Mendoza K. Surveying parental mediation: Connections, challenges, and questions for media literacy [Электронный ресурс] // Journal of Media Literacy Education. 2009. Vol. 1. № 1. P. 28—41. URL: <https://digitalcommons.uri.edu/jmle/vol1/iss1/3> (дата обращения: 18.05.2018).
22. Mifsud C.L., Petrova R. Young children (0—8) and digital technology: The national report for Malta [Электронный ресурс]. Msida: University of Malta: EU Joint Research Centre, 2017. 48 p. URL: http://www.um.edu.mt/__data/assets/pdf_file/0012/314400/YoungChildrenandDigitalTechnology-TheNationalReportforMalta.pdf (дата обращения: 18.05.2018).
23. National Association for the Education of Young Children, Fred Rogers Center for Early Learning Children's Media at Saint Vincent College. Technology and interactive media as tools in early childhood programs serving children from birth through age 8 [Электронный ресурс] / National Association for the Education of Young Children and the Fred Rogers Center for Early Learning and Children's Media at Saint Vincent College. Washington, DC: Fred Rogers Center. 2012. 15 p. URL: http://www.naeyc.org/files/naeyc/file/positions/PS_technology_WEB2.pdf (дата обращения: 13.06.2019).

24. Parental Mediation of Tablet Educational Use at Home and at School: Facilitators or Preventers? [Электронный ресурс] / G. Palaigeorgiou [et al.] // International Conference on Interactive Mobile Communication, Technologies and Learning (Thessaloniki, Greece, 3 November — 1 December, 2017). Cham: Springer, 2017. P. 924—935. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-75175-7_90 (дата обращения: 12.08.2019).
25. *Plowman L.* Researching young children's everyday uses of technology in the family home // *Interacting with Computers*. 2015. Vol. 27. № 1. P. 36—46. doi:10.1093/iwc/iwu031
26. *Rideout V.* The Common Sense census: Media use by kids age zero to eight. San Francisco, CA: Common Sense Media, 2017. P. 263—283.
27. *Roberts M., Powell J.* Effects of Television Viewing on Child Development [Электронный ресурс] // *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/effects-of-television-viewing-1995158> (дата обращения: 12.08.2019).
28. *Rodino-Colocino M.* Domesticity and new media // *Media & Society*. 2017. Vol. 9. № 2. P. 364—371. doi:10.1177/1461444807075019
29. *Stephen C., Stephenson O., Adey C.* Young children engaging with technologies at home: The influence of family context // *Journal of Early Childhood Research*. 2013. Vol. 11. № 2. P. 149—164. doi:10.1177/1476718X12466215
30. Technology in the lives of educators and early childhood programs: Trends in access, use and professional development from 2012 to 2014 [Электронный ресурс] / C. Blackwell [et al.]. Washington, DC: Fred Rogers Center, 2015. 26 p. URL: <http://www.fredrogerscenter.org/wp-content/uploads/2015/07/Blackwell-Wartella-Lauricella-Robb-Tech-in-the-Lives-of-Educators-and-Early-Childhood-Programs.pdf> (дата обращения: 12.08.2019).
31. The Common Sense Census. Media use by kids age zero to eight 2017 [Электронный ресурс] // Common Sense Media. 2017. URL: <https://www.commonsensemedia.org/research/the-common-sense-census-media-use-by-kids-age-zero-to-eight-2017> (дата обращения: 25.05.2019).
32. The effectiveness of parental mediation / M. Garmendia [et al.] // *Children, risk and safety on the internet: Research and policy challenges in comparative perspective* / Eds. S. Livingstone, L. Haddon, A. Görzig. Bristol: Policy Press Scholarship Online, 2013. P. 231—244.
33. The mobile Internet: Access, use, opportunities and divides among European children / G. Mascheroni [et al.] // *New Media & Society*. 2016. Vol. 18. № 8. P. 1657—1679. doi:10.1177/1461444814567986
34. The role of parents in the engagement of young children with digital technologies: Exploring tensions between rights of access and protection, from 'Gatekeepers' to 'Scaffolders' / P. Dias [et al.] // *Global Studies of Childhood*. 2016. Vol. 6. № 4. P. 414—427. doi:10.1177/2043610616676024
35. Very Young Children Online: Media discourse and parental practice [Электронный ресурс] / K. Jaunzems [et al.] // *Peer Reviewed Proceedings of the 8th Annual Conference Popular Culture Association of Australia and New Zealand* (Wellington, New Zealand, 10—11 July, 2017). Wellington, 2017. P. 67—77. URL: http://popcaanz.com/wp-content/uploads/2017/11/E-ECOLOGIES_Jaunzems-2017.pdf (дата обращения: 12.08.2019).
36. *Yardi S., Bruckman A.* Social and Technical Challenges in Parenting Teens' Social Media Use // *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (Vancouver, BC, Canada, May 07—12, 2011). New York: ACM, 2011. P. 3237—3246. doi:10.1145/1978942.1979422

Parents' strategies to use of digital technology by children

Smirnova E.O.,

doctor of psychological sciences, professor at the chair of preschool pedagogy and psychology, head of the department of psycho-pedagogical expertise of toys and games at the Center of applied psycho-pedagogical investigations, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, smirneo@mail.ru

Smirnova S.Yu.,

junior research fellow, department of psycho-pedagogical expertise of toys and games at the Center of applied psycho-pedagogical investigations, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, svetlanka.vas@gmail.com

Sheina E.G.,

senior research fellow, department of psycho-pedagogical expertise of toys and games at the Center of applied psycho-pedagogical investigations, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, leshgp@gmail.com

The article provides a review of studies concerning the parent's attitude to digital technology utilization of their young children. Data presented show an increase in intensity and a significant decrease in the age at which children start using mobile devices, including smartphones and tablets. It is shown that new technologies significantly change the relationship of children and parents. Variants of parental mediation strategies in the process of using digital technologies are highlighted and described: restrictive, active, co-use, etc. This paper is concluded with recommendations from the American Academy of Pediatrics for use of media by young children. The need to make a General Comment on the United Nations Convention on the Rights of the Child, which protects children's access, protection and participation rights in use of new digital resources in an era of rapid technological change, is emphasized.

Keywords: parents, early childhood, preschoolers, parent-child relationships, parental mediation, mobile devices, digital technologies, touch screen, recommendations of the American Academy of Pediatrics.

REFERENCES

1. Detskii Runet 2018 [Children's Runet 2018] [Elektronnyi resurs]: otraslevoi doklad. *Institut issledovaniya Runeta [Runet Research Institute]*. URL: <http://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2019/02/Detskiy-Runet-2018-Report.pdf> (Accessed 12.08.2019). (In Russ.).
2. Kotlyar I.A., Safronova M.A. Tri ponyatiya o real'nosti detskogo razvitiya: obuchaemost', zona blizhaishego razvitiya i skaffolding [Three concepts of the reality of child development: learning, the zone of proximal development and scaffolding] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2011, no. 2, pp. 74—83. URL: <http://psyjournals.ru/kip/2011/n2/44482.shtml> (Accessed 12.08.2019). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
3. Sobkin V.S., Skobel'tsina K.N. Komp'yuter v zhizni rebenka doshkol'nika [The computer in the life of a preschooler's child]. *Ditya chelovecheskoe [Human child]*, 2014, no. 2, pp. 20—24. (In Russ.).
4. Zaman B. et al. A qualitative Inquiry into the Contextualized Parental Mediation Practices of Young Children's Digital Media Use at Home. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2016. Vol. 60, no. 1, pp. 1—22. doi:10.1080/08838151.2015.1127240
5. Symons K. et al. A qualitative study into parental mediation of adolescents' internet use. *Computers in Human Behavior*, 2017. Vol. 73, pp. 423—432. doi:10.1016/j.chb.2017.04.004
6. Blackwell L., Gardiner E., Schoenebeck S. Managing expectations: Technology tensions among parents and teens. *Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing (San Francisco, CA, USA, February 27 — March 2, 2016)*. San Francisco, CA: ACM, 2016, pp. 1390—1401. doi:10.1145/2818048.2819928
7. Connell S.L., Lauricella A.R., Wartella E. Parental Co-Use of Media Technology with their Young Children in the USA. *Journal of Children and Media*, 2015. Vol. 9, no. 1, pp. 5—21. doi:10.1080/17482798.2015.997440
8. Ko M. et al. FamLync: facilitating participatory parental mediation of adolescents' smartphone use. *ACM International Joint Conference on Pervasive and Ubiquitous Computing (Osaka, Japan — September 07—11, 2015)*. New York, NY, 2015, pp. 867—878. doi:10.1145/2750858.2804283
9. Frechette J., Williams R. *Media Education for a Digital Generation*. New York: Routledge, 2015. 322 p.
10. Herring S.C. Questioning the Generational Divide: Technological Exoticism in Adult Construction of online youth identity. In Buckingham D. (ed.) *Youth, Identity, and Digital Media*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008, pp. 71—92. doi:10.1162/dmal.9780262524834.071

11. Holloway D., Green L., Livingstone S. Zero to eight. Young children and their internet use [Elektronnyi resurs]. *LSE Research Online*. 2013. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/52630/> (Accessed 12.08.2019).
12. Household use of information technology [Elektronnyi resurs]. *Australian Bureau of Statistics*. 2016. URL: <https://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/allprimarymainfeatures/F855C098BB0D7E84CA25825D00792A48?opendocument> (Accessed 12.08.2019).
13. Jiow H.J., Lim S.S., Lin J. Level Up! Refreshing Parental Mediation Theory for Our Digital Media Landscape. *Communication Theory*, 2017. Vol. 27, no. 3, pp. 309—328. doi:10.1111/comt.12109
14. Kirwil L. Parental Mediation of children's internet use in different European countries. *Journal of Children and Media*, 2009. Vol. 3, no. 4, pp. 394—409. doi:10.1080/17482790903233440
15. Lauricella A., Wartella E., Rideout V. Young children's screen time: The complex role of parent and child factors. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2015. Vol. 36, pp. 11—17. doi:10.1016/j.appdev.2014.12.001
16. Livingstone S., Lansdown G., Third A. The Case for a UNCRC General Comment on Children's Rights and Digital Media: report for Children's Commissioner for England [Elektronnyi resurs]. London: LSE Consulting, 2017. 36 p. URL: <https://www.childrenscommissioner.gov.uk/wp-content/uploads/2017/06/Case-for-general-comment-on-digital-media.pdf> (Accessed 12.08.2019).
17. Marvin C. When Old Technologies Were New: Thinking About Electric Communication in the Late Nineteenth Century. Oxford: Oxford University Press, 1990. 269 p.
18. Media and Young Minds [Elektronnyi resurs]. *American Academy of Pediatrics. Council on Communications and Media, Pediatrics*, 2016. Vol. 138, no. 5. e20162591. 8 p. URL: <https://pediatrics.aappublications.org/content/pediatrics/138/5/e20162591.full.pdf> (Accessed 12.08.2019).
19. Media Use by Children Younger Than 2 Years [Elektronnyi resurs]. *American Academy of Pediatrics. Council on Communications and Media. Pediatrics*, 2011. Vol. 128, no. 5, pp. 1040—1045. URL: <https://pediatrics.aappublications.org/content/128/5/1040> (Accessed 22.08.2019).
20. Media use in school-aged children and adolescents [Elektronnyi resurs]. *American Academy of Pediatrics. Council on Communications and Media. Pediatrics*, 2016. Vol. 138, no. 5, e20162592. 8 p. URL: <https://pediatrics.aappublications.org/content/pediatrics/138/5/e20162592.full.pdf> (Accessed 12.08.2019).
21. Mendoza K. Surveying parental mediation: Connections, challenges, and questions for media literacy [Elektronnyi resurs]. *Journal of Media Literacy Education*, 2009. Vol. 1, no. 1, pp. 28—41. URL: <https://digitalcommons.uri.edu/jmle/vol1/iss1/3> (Accessed 18.05.2018).
22. Mifsud C.L., Petrova R. Young children (0—8) and digital technology: The national report for Malta [Elektronnyi resurs]. Msida: University of Malta: EU Joint Research Centre. EU Joint Research Centre, 2017. 48 p. URL: http://www.um.edu.mt/__data/assets/pdf_file/0012/314400/YoungChildrenandDigitalTechnology-TheNationalReportforMalta.pdf (Accessed 18.05.2018).
23. National Association for the Education of Young Children, Fred Rogers Center for Early Learning Children's Media at Saint Vincent College. Technology and interactive media as tools in early childhood programs serving children from birth through age 8 [Elektronnyi resurs]. *National Association for the Education of Young Children and the Fred Rogers Center for Early Learning and Children's Media at Saint Vincent College*. Washington, DC: Fred Rogers Center, 2012, 15 p. URL: http://www.naeyc.org/files/naeyc/file/positions/PS_technology_WEB2.pdf (Accessed 13.06.2019).
24. Palaigeorgiou G. et al. Parental Mediation of Tablet Educational Use at Home and at School: Facilitators or Preventers? [Elektronnyi resurs]. *International Conference on Interactive Mobile Communication, Technologies and Learning (Thessaloniki, Greece, 3 November — 1 December, 2017)*. Cham: Springer, 2017, pp. 924—935. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-75175-7_90 (Accessed 12.08.2019).
25. Plowman L. Researching young children's everyday uses of technology in the family home. *Interacting with Computers*, 2015. Vol. 27, no. 1, pp. 36—46. doi:10.1093/iwc/iwu031
26. Rideout V. The Common Sense census: Media use by kids age zero to eight. San Francisco, CA: Common Sense Media, 2017, pp. 263—283.
27. Roberts M., Powell J. Effects of Television Viewing on Child Development [Elektronnyi resurs]. *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/effects-of-television-viewing-1995158> (Accessed 12.08.2019).
28. Rodino-Colocino M. Domesticity and new media. *Media & Society*, 2017. Vol. 9, no. 2, pp. 364—371. doi:10.1177/1461444807075019
29. Stephen C., Stephenson O., Adey C. Young children engaging with technologies at home: The influence of family context. *Journal of Early Childhood Research*, 2013. Vol. 11, no. 2, pp. 149—164. doi:10.1177/1476718X12466215
30. Blackwell C. et al. Technology in the lives of educators and early childhood programs: Trends in access, use and professional development from 2012 to 2014 [Elektronnyi resurs]. Washington, DC: Fred Rogers Center, 2015. 26 p. URL: <http://www.fredrogerscenter.org/wp-content/uploads/2015/07/Blackwell-Wartella-Lauricella-Robb-Tech-in-the-Lives-of-Educators-and-Early-Childhood-Programs.pdf> (Accessed 12.08.2019).
31. The Common Sense Census. Media use by kids age zero to eight 2017 [Elektronnyi resurs]. *Common Sense Media*, 2017. URL: <https://www.commonsensemedia.org/research/the-common-sense-census-media-use-by-kids-age-zero-to-eight-2017> (Accessed 25.05.2019).

32. Garmendia M. et al. The effectiveness of parental mediation. In Livingstone S., Haddon L., Görzig A. (eds). *Children, risk and safety on the internet: Research and policy challenges in comparative perspective*. Bristol: Policy Press Scholarship Online, 2013, pp. 231—244.
33. Mascheroni G. et al. The mobile Internet: Access, use, opportunities and divides among European children. *New Media & Society*, 2016. Vol. 18, no. 8, pp. 1657—1679. doi:10.1177/1461444814567986
34. Dias P. et al. The role of parents in the engagement of young children with digital technologies: Exploring tensions between rights of access and protection, from 'Gatekeepers' to 'Scaffolders'. *Global Studies of Childhood*, 2016. Vol. 6, no. 4, pp. 414—427. doi:10.1177/2043610616676024
35. Jaunzems K. et al. Very Young Children Online: Media discourse and parental practice [Elektronnyi resurs]. *Peer Reviewed Proceedings of the 8th Annual Conference Popular Culture Association of Australia and New Zealand (Wellington, New Zealand, 10—11 July, 2017)*. Wellington, 2017, pp. 67—77. URL: http://popcaanz.com/wp-content/uploads/2017/11/E-ECOLOGIES_Jaunzems-2017.pdf (Accessed 12.08.2019).
36. Yardi S., Bruckman A. Social and Technical Challenges in Parenting Teens' Social Media Use. *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (Vancouver, BC, Canada, May 07—12, 2011)*. New York: ACM, 2011, pp. 3237—3246. doi:10.1145/1978942.1979422

Исследования роли привязанности в жизни человека. Обзор зарубежных исследований

*Дианова Е.С.,
магистр (психология), педагог-психолог, частный детский сад «LEGACY»,
Москва, Россия,
katerina17601@gmail.com*

В настоящее время теория привязанности охватывает все больше областей исследования. Начиная свое развитие с изучения детей, сейчас исследователи привязанности все больше уделяют внимание психике взрослого человека. При этом все больше исследований посвящены связи привязанности и психопатологии. В данной статье представлены научные исследования, проведенные за последние пять лет, которые по-новому открывают проблему привязанности. В работах исследуются проблемы романтической привязанности, влияния привязанности на протекание беременности, проблемы связи привязанности и психопатологии у взрослых людей, особенности психотерапии пациентов с разными типами привязанности и дается краткий обзор исследований детской привязанности, где также большое внимание уделяется разного рода психопатологиям. Настоящий обзор не только представляет новые научные данные по теории привязанности, но и намечает новые векторы исследования по данной проблематике.

Ключевые слова: привязанность, взрослый возраст, романтические отношения, психопатология, надежная привязанность, тревожно-амбивалентная привязанность, избегающая привязанность, дезорганизованная привязанность.

Для цитаты:

Дианова Е.С. Исследования роли привязанности в жизни человека. Обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 88—96. doi: 10.17759/jmfp.2019080409

For citation:

Dianova E.S. Research into the role of attachment in a person's life. Overview of foreign research [Elektronnyy resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 88—96. doi: 10.17759/jmfp.2019080409 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

В основе теории привязанности лежат отношения между двумя людьми, их межличностные связи, которые определяют весь душевный и психологический строй личности. Поскольку первые связи с другим человеком возникают в младенческом возрасте, естественно, что в центре исследований привязанности обычно находится опыт отношений, полученный в раннем детстве [1].

В настоящее время в рамках теории привязанности все больше исследований проводится по изучению психики взрослого человека. Исследователи немного отошли от изучения ребенка, и главный вопрос, который они ставят перед собой — как опыт эмоциональной привязанности, полученный в детстве, влияет на жизнь взрослого человека?

Привязанность в романтических отношениях

Так, достаточно активно изучаются особенности привязанности во взрослом возрасте, в частности — особенности романтических отношений у людей с разными типами привязанности. Опыт ранних отношений способствует формированию модели себя и Другого, которые в дальнейшем могут влиять на поведение человека в близких отношениях. В одном из

недавних исследований изучалось, как люди с разными типами привязанности выражают ревность в романтических отношениях [19]. Полученные результаты показали, что только надежная привязанность имеет положительную корреляционную связь с положительными проявлениями ревности, которые не разрушают отношения, а делают их прочнее. Люди с тревожно-амбивалентной привязанностью больше всего склонны к негативным проявлениям ревности — они сверхэмоциональны, агрессивны. В то время как люди с избегающим типом привязанности, наоборот, демонстрируют дезактивирующие стратегии поведения: избегание партнера, отрицание собственного чувства ревности. Поведенческие стратегии людей с ненадежными типами привязанности негативно влияют на их близкие отношения, в то время как люди с безопасной привязанностью способны более адекватно и конструктивно реагировать на возникающие трудности в отношениях, что делает их более прочными и стабильными.

Однако действительно ли надежная привязанность является необходимым условием формирования благополучных отношений? Ю.У. Гирм, К.Р. Агню, Л.Э. ван дер Дрифт и др. показали, что люди с надежной привязанностью более подвержены стрессам и их удовлетворенность отношениями сильно падает в

конфликтных, неопределенных и трудных ситуациях во взаимоотношениях с партнерами, потому как в отличие от людей с ненадежными (тревожно-амбивалентной и избегающей) типами привязанности, люди с надежной привязанностью ожидают, что их отношения будут более прочными и стабильными в течении времени, и поэтому тяжелее переживают возникающие трудности в отношениях. [24] Интересно, что у людей с ненадежными типами привязанности в такой же ситуации не снижается уровень удовлетворенности отношениями. Авторы объясняют это тем, что такие люди больше привыкли, что их отношения нестабильны и непредсказуемы и приспособлены к ним. Однако это не значит, что ненадежные типы привязанности являются полезными защитными факторами в отношениях, потому как общее благополучие в отношениях у людей с ненадежными типами привязанности ниже, чем у людей с надежной привязанностью. Помимо этого, авторы показали динамичный характер привязанности. Согласно результатам, типы привязанности могут менять свою выраженность в зависимости от качества отношений с партнером. Надежная привязанность может как ослабевать, приближаясь к тревожно-амбивалентной или избегающей привязанности, так и укрепляться в определенные периоды отношений. Так же и ненадежные типы привязанности могут как укрепляться, так и ослабевать, приближаясь к надежной привязанности. Важно, что эти изменения затрагивают привязанность к романтическому партнеру, но могут также влиять и на глобальную привязанность, сформированную в детстве. Чуткое, заботливое, поддерживающее отношение партнера может ослабить имеющуюся глобальную ненадежную привязанность своего возлюбленного, способствуя формированию глобальной надежной привязанности, и наоборот — игнорирующее, не поддерживающее отношение может способствовать формированию глобальных ненадежных типов привязанности [24].

Привязанность, беременность и ее последствия

Сейчас появилось довольно много исследований привязанности, изучающих опыт беременности и ее последствий для матерей. Проведенные исследования показали, что качество романтической привязанности супругов влияют на отношение матери к своему не родившемуся ребенку [27]. Матери с избегающей и тревожно-амбивалентной привязанностью показывали более низкий уровень взаимоотношений со своим еще не родившимся ребенком. Авторы предположили, что это может быть связано с тем, что матери с избегающей привязанностью не имеют опыт близких, отзывчивых отношений и не могут дать его своему ребенку. А матери с тревожно-амбивалентной привязанностью настолько зациклены на себе, своих потребностях и переживаниях, связанных с объектом привязанности

(романтическим партнером), что ребенок становится вторичной фигурой.

Также исследования показали, что существует связь между типами привязанности к партнеру и опытом рождения у матерей. [27; 22] Матери, имеющие тревожно-амбивалентный тип привязанности, сообщали о более высоких уровнях воспринимаемой боли во время родов, женщины с избегающим типом привязанности во время родов чувствовали себя менее уважаемыми со стороны врачей. Ayers и др. [25] сообщают о том, что женщины с ненадежными типами привязанности более подвержены симптомам посттравматического стресса. С. Рейс, Дж. Бреннан, Д. Якович и К. Джордж, изучая связь между привязанностью и субъективным опытом рождения у матерей, показали, что женщины с ненадежными типами привязанности сообщают о более низком уровне поддержки и удовлетворенности родами в целом [3]. Авторы указывают, что этим матерям требуется особая поддержка и сопровождение во время родов.

Привязанность и психопатология у матерей

Ненадежная привязанность также является фактором риска возникновения послеродовой депрессии у матерей. Nasir Warfa, Melissa Harper и др. [4] установили, что женщины с тревожно-амбивалентным типом привязанности больше подвержены послеродовой депрессии, чем женщины с избегающей привязанностью. Факторами, связанными со стилем привязанности и одновременно выступающими факторами риска послеродовой депрессии, являются низкий экономический статус, переживание несчастий в детстве (предательство, насилие и/или потеря), родительская психопатология и невротизм. Другими факторами риска ПНД, связанными со стилем привязанности взрослых в контексте интимных отношений, являются низкая партнерская поддержка, низкий уровень функционирования супружеских отношений, низкий уровень удовлетворенности отношениями.

В группу особого риска попадают родители, которые пережили потерю ребенка. В одном из недавних исследований [5] было установлено, что родители с разными типами привязанности по-разному реагируют на утрату младенца. Родители с тревожно-амбивалентным типом привязанности продемонстрировали самые высокие оценки по шкалам тяжести травмы (TSC-33), Несмотря на то, что потеря ребенка является разрушительным событием для любых родителей независимо от того, какой тип привязанности у них сформирован, родители с надежным типом привязанности продемонстрировали самые низкие показатели психопатологии по сравнению с родителями с ненадежными типами привязанности. Эти данные указывают на то, что надежная привязанность может выступать механизмом, защищающим от разного рода психопатологий, связанных со стрессом. Авторы подчеркивают

важность измерения привязанности человека после серьезной психологической травмы, поскольку ненадежные типы привязанности могут мешать справляться с травмой даже при терапевтическом и медицинском вмешательстве.

Подобные исследования очень важны, потому что различные психопатологии у матерей (будь то депрессия, ПТСР и др.) способны влиять на психологическое благополучие всей семьи — на взаимоотношения супругов, качество воспитания и эмоционального общения с ребенком. Таким образом, в семьях с матерями, имеющими те или иные нарушения психического функционирования, дети больше подвержены формированию ненадежных типов привязанности.

Однако Р. Шпи, П.С. Стеркенбург, Э. ван Ренсбург и С. Шенгель пришли к другому выводу. Они исследовали привязанность детей к своим матерям с диагнозом ВИЧ и психозами, связанными с данной болезнью [7]. Они предположили, что дети, матери которых больны ВИЧ и страдают в связи с этим от психозов, растут в сложных, небезопасных отношениях с матерями, что способствует формированию ненадежной привязанности. Авторы исследовали две группы семей: с матерями с ВИЧ и психозами и с матерями с ВИЧ, но без психозов. Результаты не показали различий в распределении типов привязанности в этих двух группах, на основе чего был сделан вывод о несущественной роли психоза матерей в формировании ненадежной привязанности у детей. Но вместе с этим авторы полагают, что такие результаты могут быть обусловлены стадией ремиссии, так как матери с психозами проходили специальное лечение [7]. Авторы также сообщают, что ненадежная привязанность может быть обусловлена не столько болезнью, сколько ее негативными последствиями, такими, например, как низкий социально-экономический статус. Также результаты исследования показали, что основную роль в качестве привязанности в таких семьях играет не диагноз матерей, а эмоциональная поддержка со стороны окружающих людей. Иначе говоря, надежная привязанность у детей была выше в тех семьях матерей с ВИЧ, в которых им оказывалась эмоциональная поддержка другими людьми.

Привязанность и психопатология у взрослых

В другом исследовании, посвященном связи привязанности и религиозности у больных шизофренией, авторы обнаружили большую распространенность у больных ненадежной избегающей привязанности [6]. Изучая духовность у лиц, страдающих шизофренией, в сравнении с контрольной группой здоровых людей, авторы рассматривают духовную фигуру (Бога) как фигуру привязанности. Надежная привязанность к духовной фигуре может формироваться двумя спосо-

бами: 1) развиваясь на основе полученного в детстве опыта надежной привязанности; 2) развиваясь как некий механизм компенсации на основе ненадежной привязанности, сформированной в детстве. Согласно полученным результатам, 64% людей с шизофренией имели привязанность к духовной фигуре, из них 29% имели надежную привязанность и 36% — ненадежную. В контрольной группе 78% людей имели привязанность к духовной фигуре, из них 67% — надежную и 11% — ненадежную. Качество привязанности определялось на основе анализа интервью.

Результаты показали, что надежная привязанность к духовной фигуре у лиц с шизофренией связана с более низким уровнем симптомов и более высоким уровнем функционирования в обществе (совладание с проблемами самооценки, депрессией, взаимоотношения с окружающими, наличие смысла жизни). Наличие ненадежной привязанности также связано с более низким уровнем симптомов и более высоким уровнем функционирования в обществе. Таким образом, даже ненадежная духовная фигура привязанности — лучше, чем ее отсутствие, — отмечают авторы [6].

Обзор свежих зарубежных исследований показывает, что все больше теория привязанности охватывает область психопатологии, занимаясь изучением связей между типами привязанности и различными психическими нарушениями. Фонаги и др. [15] предположили, что предрасположенность к личностным расстройствам связана с отсутствием доверия, вызванного опытом ненадежной привязанности в детстве. Такие люди постоянно сталкиваются с тем, что не знают, кому и чему верить, воспринимают мир как ненадежный и угрожающий, и некоторые развивают неадаптивные способы функционирования в обществе, совершают преступления. [20; 18; 15]. К. Гарофало и С. Богаэртс [18] опросили 84 человека, совершивших насилие над детьми. Результаты сопоставлялись с контрольной выборкой, куда входили люди, не совершавшие преступления и схожие по демографическим характеристикам (пол, возраст, образование, семейный и профессиональный статус). Согласно результатам, большая часть выборки людей, совершивших насилие, имела ненадежную привязанность, преимущественно избегающего типа, что указывает на то, что такие люди некомфортно чувствуют себя в близких отношениях. При этом результаты по тесту ADP-IV показали значительно высокие показатели по всем личностным расстройствам, за исключением обсессивно-компульсивного расстройства личности [18].

Авторы показали, что тревожно-амбивалентный и избегающий типы привязанности имеют связь с личностными расстройствами, а также, что эту связь опосредует опыт нарушения доверия в детстве. Избегающий тип привязанности связан с шизоидным, шизотипическим и антисоциальным личностным расстройством, поэтому, утверждают авторы, эти люди могут иметь внутреннее представление о других как о ненадежных,

что может привести к социальной замкнутости или антагонистическим взглядам [18]. Тревножно-амбивалентный тип привязанности связан с пограничным, гистрионным и в меньшей степени обсессивно-компульсивным расстройствами личности. Авторы утверждают, что эти люди могут отчаянно стремиться к интимным отношениям, резко реагировать на угрозу расставания со значимыми другими и не выносить одиночества [18]. Зависимое и параноидальное расстройства личности связаны одновременно с избегающей и тревожно-амбивалентной привязанностью. Авторы полагают, что эти люди могут представлять комбинацию избегающих и тревожных характеристик привязанности.

Корреляции между привязанностью и доверием были более сильными в контрольной выборке. Авторы объясняют это тем, что у людей, совершивших насилие, другие факторы могут являться определяющими в уровне их доверия — стигматизация, взаимодействие с системой правосудия [18]. Поэтому механизмы, способствующие возникновению и поддержанию чувства недоверия у людей, совершивших насилие над детьми, требуют дополнительного изучения.

Насилие является серьезной проблемой для общества и, наверное, поэтому сейчас этому вопросу уделяется особое внимание. П. Велотти, С.Б. Зобель, Г. Роже и Р. Тамбелли [15] попытались понять, какую роль в насилии над интимным партнером играет ненадежная привязанность. Авторы подчеркивают, что насилие не определяется исключительно привязанностью, существуют и другие факторы риска, способные толкнуть человека на такое преступление, однако им удалось выявить определенные связи между ненадежными типами привязанности и насилием. Результаты показали, что люди с тревожно-амбивалентным типом привязанности с тревогой относятся к своим партнерам [15]. Как известно, такие люди склонны к гиперактивации системы привязанности. Когда их потребности в привязанности не удовлетворяются, они часто не способны регулировать свои эмоциональные аффекты и прибегают к экстремальным стратегиям поведения, что часто выражается в агрессии. Авторы пишут, что насилие было идентифицировано как одна из таких стратегий регулирования эмоциональных аффектов, которую могут использовать эти люди, когда испытывают слишком большое разочарование в отношениях [15]. В отношении жертв насилия также были сделаны выводы. Жертвы насилия с тревожно-амбивалентным типом привязанности гораздо дольше подвергались насилию со стороны своего партнера. Авторы объясняют это тем, что такие люди часто боятся остаться одни, мысль о потере партнера воспринимается ими как невыносимая и вызывает столько беспокойства, что они готовы терпеть все, лишь бы не оставаться одни. Также часто такие люди имеют негативные представления о себе, что заставляет их думать о том,

что у них недостаточно ресурсов, чтобы прекратить эти отношения [15].

Люди с избегающей привязанностью прибегают к насилию с целью контролировать своего партнера при помощи страха, который они вселяют в него своими агрессивными действиями. Жертвы насилия, имеющие избегающий тип привязанности, также часто не могут прекратить такие отношения. Как правило, эти люди не могут обратиться за помощью, так как убеждены, что не могут показывать свои трудности и проблемы, потому что ожидают, что другие им откажут. Помимо этого они могут быть ошибочно убеждены, что психологически не восприимчивы к угрозам своего партнера [15].

Еще одной небольшой, но важной областью исследования является исследование привязанности при расстройствах пищевого поведения. Недавние исследования [21; 23] показывают, что теория привязанности может раскрывать потенциальные причины расстройств пищевого поведения, механизмы поддержания симптомов данного расстройства у взрослых. Giorgio A Tasca и др. [23] пришли к выводу, что ненадежная привязанность связана с симптомами расстройства пищевого поведения. Они сообщают, что люди с данным расстройством имели опыт жестокого обращения (физическое, сексуальное, эмоциональное насилие) или иной травматичный опыт (пренебрежение со стороны фигуры привязанности, смерть родителя). Результаты показывают, что неблагоприятный опыт взаимодействия с родителями в детстве может привести к формированию ненадежной привязанности, которая, в свою очередь, может сделать некоторых людей уязвимыми к симптомам расстройства пищевого поведения [23]. Авторы объясняют это тем, что часто в центре болезней, связанных с питанием, лежат неадекватные представления о себе, которые, как известно, начинают формироваться в детстве посредством общения с самыми близкими людьми — родителями.

Роль привязанности в психотерапии

Качество привязанности также влияет на процесс лечения пациентов, страдающих от разного рода психопатологий, в частности от расстройства пищевого поведения [23]. Люди с избегающей привязанностью часто отказывались или прекращали лечение, они также были неспособны к формированию и поддержанию терапевтического альянса. Напротив, у больных с тревожно-амбивалентной привязанностью почти не наблюдалось отказов от лечения. Авторы предположили, что такие люди, как правило, постоянно ищут поддержки у других и больше ориентированы на здоровье, что делает их более восприимчивыми к терапевтическому вмешательству [23].

Однако для эффективной терапии важны не только чувства клиента, но и чувства терапевта. С. Даниэль,

С. Ланн и С. Поулсен провели интересное исследование [23] эмоциональных реакций терапевтов на пациентов с разными типами привязанности, страдающими нервной булимией. В исследовании приняли участие психотерапевты психоаналитического и когнитивно-бихевиорального (КБТ) направления.

Вопреки ожиданиям, надежная привязанность клиента не предсказывает меньшее или большее количество позитивных чувств у терапевтов, хотя прошлые исследования указывают на то, что надежная привязанность клиентов является важным предиктором лучших терапевтических альянсов и лучших результатов лечения. [6] Результаты исследования показали, что терапевты-психоаналитики чувствовали себя более безразличными или скучающими с пациентами, имеющими избегающий тип привязанности, тогда как КБТ-терапевты чувствовали себя более подавленными с пациентами, имеющими тревожно-амбивалентную привязанность. Авторы полагают, что реакции терапевтов могут быть обусловлены теоретическим основанием их подходов [23]. Психоаналитики ожидают большее проявление эмоций и чувств (особенно негативных) со стороны клиента, так как привыкли с ними работать. Пациенты с избегающим типом привязанности мало выражают свои эмоции, более закрыты, отстранены, не давая, таким образом, психоаналитически ориентированным терапевтам материала для работы, в результате чего терапевты чувствуют сложности включения в работу. КБТ-терапевты уделяют в своей работе гораздо меньше внимания чувствам и ориентированы на прямой, структурированный процесс работы непосредственно с самим симптомом, и чувства клиента здесь являются помехой. Полученные данные свидетельствуют о том, что такие факторы, как привязанность, следует учитывать при подборе психотерапевта для людей с разными типами привязанности, в том числе страдающих от нервной булимии [23].

Привязанность в детском возрасте

Несмотря на то, что в последнее время появляется все больше исследований по привязанности взрослых, исследователи продолжают изучение детской привязанности. Так, в одном исследовании изучался уровень понимания детьми эмоций с разными типами привязанности к отцу и матери [9]. Была найдена положительная связь между пониманием детьми эмоций и надежной привязанностью.

Интересное исследование провели М. Ведл, К. Котршаль, А. Юлиус и А. Битц [8]. Они изучали, как дети с избегающей и дезорганизованной привязанностью ведут себя в стрессовых ситуациях, имея при этом поддержку со стороны собаки, и также особенности их взаимодействия с собакой в зависимости от типа привязанности. Дети с дезорганизованной привязанностью проявляли больше физического контакта по отношению к собаке, больше разговаривали с ней, чем

дети с избегающей привязанностью. Таким образом, поведенческие тенденции избегания социальных контактов с людьми, характерные для детей с избегающей привязанностью, также способны влиять на взаимодействие человека с собакой [8].

На сегодняшний день существует мало исследований, изучающих привязанность у детей с психическими нарушениями. Одно из них было проведено в 2017 году. [2] Авторы пришли к выводу, что несмотря на атипичное развитие детей с аутизмом, последствия надежной привязанности для этих детей такие же, как и для обычно развивающихся детей. Дети с аутизмом и с надежной привязанностью проявляли более высокий уровень эмпатии по сравнению с детьми с ненадежными типами привязанности, они обладали более высокими языковыми и когнитивными способностями. Матери таких детей во взаимодействии были более чувствительны, а дети, в свою очередь, чаще инициировали контакт с ними и были более восприимчивы к контактам со стороны родителей, чем дети с ненадежными типами привязанности [2]. Результаты данного исследования показывают, что материнская чувствительность может способствовать формированию надежной привязанности у детей с аутизмом так же, как и для типично развивающихся детей.

Нарушение привязанности способно нанести значительный вред психике ребенка, не зря нарушение эмоциональной связи с опекуном внесено в DSM-IV как Реактивное расстройство привязанности. К. Джонкман, М. Оостерман, К. Шуэнгель и др. [13] исследовали особенности заторможенных и расторможенных симптомов расстройства привязанности у приемных детей. Авторы обнаружили, что больше случаев физического насилия было у детей с расторможенным расстройством привязанности, что соответствует включению фактора сурового воспитания в критерии DSM-5. Авторы также показали, что дети с заторможенным и расторможенным расстройствами привязанности имеют разные возможности восстановления. Симптомы расторможенности снижались гораздо меньше при помещении ребенка в приемную семью, тогда как заторможенные симптомы исчезали быстрее. Помимо этого, авторами также было обнаружено существование смешанного типа детей, которые проявляли заторможенные и расторможенные симптомы расстройства привязанности, которые исчезали труднее всего [13]. В связи с этим приемным семьям с детьми с расторможенными и смешанными симптомами требуется особая психологическая помощь.

Теория привязанности изучает человека на разных этапах онтогенеза. Много внимания исследователями привязанности уделяется также подростковому возрасту, так как он считается самым противоречивым, трудным и в тоже время является возрастом глубоких трансформаций. К. Лачкович, Г. Фонзо, Б. Бендиксен и др. [11] исследовали связь типов привязанности подростков с развитием защитных механизмов, а также связь между типами привязанности и проблемным

поведением, в основе которого лежат различные психопатологии. Результаты показали, что надежная привязанность связана с более высоким уровнем зрелых защитных механизмов и более низким уровнем незрелых защитных механизмов. Таким образом, авторы показали, что в зависимости от качества привязанности развиваются либо зрелые, либо незрелые защитные механизмы. При этом незрелые защитные механизмы неспособны сдерживать последствия ненадежной привязанности, что приводит к различным психопатологиям у подростков [11], например, к депрессии. Б. Керстис, С. Аслунд и К. Соннби указывают на то, что одним из защитных механизмов, способных выработать в какой-то степени резистентность к депрессивному состоянию, является надежная привязанность к родителям [21].

Еще одно недавнее исследование доказывает важнейший защитный потенциал надежной привязанности. Авторы [26] исследовали роль привязанности в восстановлении после школьной травмы (школьной стрельбы). Результаты исследования показали, что студенты, имеющие надежную привязанность, быстрее восстанавливались после школьной травмы, имели меньше симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Итак, последние исследования показывают, что теория привязанности открывает новый, полезный материал для понимания психики человека. Начиная свое становление с изучения психики ребенка, сейчас теория привязанности все больше изучает взрослого человека, особенно в последние годы все больше затрагивая область психопатологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 139—150. URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=34644> (дата обращения: 28.11.2019).
2. A short-term longitudinal study of correlates and sequelae of attachment security in autism / A. Rozga [et al.] // Attachment & Human Development. 2018. Vol. 20. № 2. P. 160—180. doi:10.1080/14616734.2017.1383489
3. Adult attachment and birth experience: importance of a secure base and safe haven during childbirth / S. Reisz [et al.] // Journal of Reproductive and Infant Psychology. 2019. Vol. 37. № 1. P. 26—43. doi:10.1080/02646838.2018.1509303
4. Adult attachment style as a risk factor for maternal postnatal depression: a systematic review / N. Warfa [et al.] // BMC Psychology. 2014. Vol. 2. № 56. doi:10.1186/s40359-014-0056-x
5. Adult attachment styles and the psychological response to infant bereavement / M. Shevlin [et al.] // European Journal of Psychotraumatology. 2014. Vol. 5. № 1. doi:10.3402/ejpt.v5.23295
6. Attachment and coping in psychosis in relation to spiritual figures / P. Huguelet [et al.] // BMC Psychiatry. 2015. Vol. 15. № 237. 12 p. doi:10.1186/s12888-015-0617-4
7. Attachment relationships of preschool-aged children of mothers with HIV and HIV-related psychosis / R. Spies [et al.] // Attachment & Human Development. 2016. Vol. 18. № 5. P. 473—486. doi:10.1080/14616734.2016.1184291
8. Children with Avoidant or Disorganized Attachment Relate Differently to a Dog and to Humans During a Socially Stressful Situation / M. Wedl [et al.] // Anthrozoös. 2015. Vol. 28. № 4. P. 601—610. doi:10.1080/08927936.2015.1070002
9. Children's emotion understanding in relation to attachment to mother and father / L. Psychogiou [et al.] // British Journal of Developmental Psychology. 2018. Vol. 36. № 4. P. 557—572. doi:10.1111/bjdp.12239
10. Daniel S., Lunn S., Poulsen S. Client Attachment and Therapist Feelings in the Treatment of Bulimia Nervosa // Psychotherapy. 2015. Vol. 52. № 2. P. 247—257. doi:10.1037/a0038886
11. Defense mechanism is predicted by attachment and mediates the maladaptive influence of insecure attachment on adolescent mental health / C. Laczkovics [et al.] // Current Psychology. 2018. 9 p. doi:10.1007/s12144-018-9839-1
12. Diener M.J., Monroe J.M. The relationship between adult attachment style and therapeutic alliance in individual psychotherapy: A meta-analytic review // Psychotherapy: Theory, Research and Practice. 2011. Vol. 48. № 3. P. 237—248. doi:10.1037/a0022425
13. Disturbances in attachment: inhibited and disinhibited symptoms in foster children / C.S. Jonkman [et al.] // Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health. 2014. Vol. 8. № 21. P. 35—45. doi:10.1186/1753-2000-8-21
14. Effects of fat mass and obesity-associated (FTO) gene polymorphisms on binge eating in women with binge-eating disorder: The moderating influence of attachment style / J.D. Cameron [et al.] // Nutrition. 2019. Vol. 61. P. 208—212. doi:10.1016/j.nut.2018.11.006
15. Exploring Relationships: A Systematic Review on Intimate Partner Violence and Attachment / P. Velotti [et al.] // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Article 1166. 42 p. doi:10.3389/fpsyg.2018.01166
16. Fonagy P., Allison E. The role of mentalizing and epistemic trust in the therapeutic relationship // Psychotherapy. 2014. Vol. 51. № 3. P. 372—380. doi:10.1037/a0036505
17. Fonagy P., Luyten P., Allison E. Epistemic petrification and the restoration of epistemic trust: A new conceptualization of borderline personality disorder and its psychosocial treatment // Journal of Personality Disorders. 2015. № 29. P. 575—609. doi:10.1521/pedi.2015.29.5.575
18. Garofalo C., Bogaerts S. Attachment and Personality Disorders Among Child Molesters: The Role of Trust // Sexual Abuse. 2017. Vol. 31. № 1. P. 97—124. doi:10.1177/1079063217720928

19. Gender differences in romantic jealousy and attachment styles / O. Güçlü [et al.] // *Psychiatry and Clinical Psychopharmacology*. 2017. Vol. 27. № 4. P. 359—365. doi:10.1080/24750573.2017.1367554
20. Hypermentalizing, attachment, and epistemic trust in adolescent BPD: Clinical illustrations / S. Bo [et al.] // *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*. 2017. Vol. 8. № 2. P. 172—182. doi:10.1037/per0000161
21. Kerstis B., Åslund C., Sonnby K. More secure attachment to the father and the mother is associated with fewer depressive symptoms in adolescents // *Uppsala Journal of Medical Sciences*. 2018. Vol. 123. № 1. P. 62—67. doi:10.1080/03009734.2018.1439552
22. Quinn K., Spiby H., Slade P. A longitudinal study exploring the role of adult attachment in relation to perceptions of pain in labour, childbirth memory and acute traumatic stress responses // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 2015. Vol. 33. № 3. P. 256—267. doi:10.1080/02646838.2015.1030733
23. Tasca G.A. Attachment and eating disorders: a research update // *Current Opinion in Psychology*. 2019. Vol. 25. P. 59—64. doi:10.1016/j.copsyc.2018.03.003
24. The Ebbs and Flows of Attachment: Within-Person Variation in Attachment Undermine Secure Individuals' Relationship Wellbeing across Time / Yuthika U. Girme [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018. Vol. 114. № 3. P. 397—421. doi:10.1037/pspi0000115
25. The role of adult attachment style, birth intervention and support in posttraumatic stress after childbirth: A prospective study / S. Ayers [et al.] // *Journal of Affective Disorders*. 2014. Vol. 155. P. 295—298. doi:10.1016/j.jad.2013.10.022
26. The role of attachment in recovery after a school-shooting trauma / T. Turunen [et al.] // *European Journal of Psychotraumatology*. 2014. Vol. 5. № 1. doi:10.3402/ejpt.v5.22728
27. Walsh J., Hepper E.G., Marshall B.J. Investigating attachment, caregiving, and mental health: a model of maternal-fetal relationships // *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2014. Vol. 14:383. 9 p. doi:10.1186/s12884-014-0383-1

Research into the role of attachment in a person's life. Overview of foreign research

*Dianova E.S.,
master in psychology, psychologist, Private kindergarten «LEGACY», Moscow, Russia,
katerina17601@gmail.com*

Attachment theory currently covers more and more research areas. Starting its development with the study of children, now researchers of attachment are increasingly paying attention to the psyche of an adult. Moreover, more and more studies are devoted to the relationship of attachment and psychopathology. This article presents the scientific researches that have been carried out over the past five years and re-open the problem of attachment. The studies investigate the problems of romantic attachment, the effects of attachment on the course of pregnancy, the relationship of attachment and psychopathology in adults, the specificity of psychotherapy for patients with different types of attachment, and give a brief overview of studies of child attachment, which also focuses on psychopathology. This review doesn't only present new scientific data on the theory of attachment, but also outlines new vectors of research on this issue.

Keywords: attachment, adulthood, romantic relationships, psychopathology, secure attachment, anxious-ambivalent attachment, avoidant attachment, disorganized attachment.

REFERENCES

1. Smirnova E.O. Teoriya privyazannosti: kontseptsiya i eksperiment [Attachment Theory: Concept and Experiment] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy psikhologii [Psychology Issues]*, 1995, no. 3, pp. 139—150. URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=34644> (Accessed 28.11.2019). (In Russ.).
2. Rozga A. et al. A short-term longitudinal study of correlates and sequelae of attachment security in autism. *Attachment & Human Development*, 2018. Vol. 20, no. 2, pp. 160—180. doi:10.1080/14616734.2017.1383489
3. Reisz S. et al. Adult attachment and birth experience: importance of a secure base and safe haven during childbirth. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 2019. Vol. 37, no. 1, pp. 26—43. doi:10.1080/02646838.2018.1509303
4. Warfa N. et al. Adult attachment style as a risk factor for maternal postnatal depression: a systematic review. *BMC Psychology*, 2014. Vol. 2, no. 56. doi:10.1186/s40359-014-0056-x
5. Shevlin M. et al. Adult attachment styles and the psychological response to infant bereavement. *European Journal of Psychotraumatology*, 2014. Vol. 5, no. 1. doi:10.3402/ejpt.v5.23295
6. Huguelet P. et al. Attachment and coping in psychosis in relation to spiritual figures. *BMC Psychiatry*, 2015. Vol. 15, no. 237, 12 p. doi:10.1186/s12888-015-0617-4
7. Spies R. et al. Attachment relationships of preschool-aged children of mothers with HIV and HIV-related psychosis. *Attachment & Human Development*, 2016. Vol. 18, no. 5, pp. 473—486. doi:10.1080/14616734.2016.1184291
8. Wedl M. et al. Children with Avoidant or Disorganized Attachment Relate Differently to a Dog and to Humans During a Socially Stressful Situation. *Anthrozoös*, 2015. Vol. 28, no. 4, pp. 601—610. doi:10.1080/08927936.2015.1070002
9. Psychogiou L. et al. Children's emotion understanding in relation to attachment to mother and father. *British Journal of Developmental Psychology*, 2018. Vol. 36, no. 4, pp. 557—572. doi:10.1111/bjdp.12239
10. Daniel S., Lunn S., Poulsen S. Client Attachment and Therapist Feelings in the Treatment of Bulimia Nervosa. *Psychotherapy*, 2015. Vol. 52, no. 2, pp. 247—257. doi:10.1037/a0038886
11. Laczkovics C. et al. Defense mechanism is predicted by attachment and mediates the maladaptive influence of insecure attachment on adolescent mental health. *Current Psychology*, 2018. doi:10.1007/s12144-018-9839-1
12. Diener M.J., Monroe J.M. The relationship between adult attachment style and therapeutic alliance in individual psychotherapy: A meta-analytic review. *Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 2011. Vol. 48, no. 3, pp. 237—248. doi:10.1037/a0022425
13. Jonkman C.S. et al. Disturbances in attachment: inhibited and disinhibited symptoms in foster children. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 2014. Vol. 8, no. 21, pp. 35—45. doi:10.1186/1753-2000-8-21
14. Cameron J.D. et al. Effects of fat mass and obesity-associated (FTO) gene polymorphisms on binge eating in women with binge-eating disorder: The moderating influence of attachment style. *Nutrition*, 2019. Vol. 61, pp. 208—212. doi:10.1016/j.nut.2018.11.006
15. Velotti P. et al. Exploring Relationships: A Systematic Review on Intimate Partner Violence and Attachment. *Frontiers in Psychology*, 2018. Vol. 9, article 1166, 42 p. doi:10.3389/fpsyg.2018.01166
16. Fonagy P., Allison E. The role of mentalizing and epistemic trust in the therapeutic relationship. *Psychotherapy*, 2014. Vol. 51, no. 3, pp. 372—380. doi:10.1037/a0036505
17. Fonagy P., Luyten P., Allison E. Epistemic petrification and the restoration of epistemic trust: A new conceptualization of borderline personality disorder and its psychosocial treatment. *Journal of Personality Disorders*, 2015, no. 29, pp. 575—609. doi:10.1521/pedi.2015.29.5.575

18. Garofalo C., Bogaerts S. Attachment and Personality Disorders Among Child Molesters: The Role of Trust. *Sexual Abuse*, 2017. Vol. 31, no. 1, pp. 97—124. doi:10.1177/1079063217720928
19. Güçlü O. et al. Gender differences in romantic jealousy and attachment styles. *Psychiatry and Clinical Psychopharmacology*, 2017. Vol. 27, no. 4, pp. 359—365. doi:10.1080/24750573.2017.1367554
20. Bo S. et al. Hypermentalizing, attachment, and epistemic trust in adolescent BPD: Clinical illustrations. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*, 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 172—182. doi:10.1037/per0000161
21. Kerstis B., Åslund C., Sonnby K. More secure attachment to the father and the mother is associated with fewer depressive symptoms in adolescents. *Uppsala Journal of Medical Sciences*, 2018. Vol. 123, no. 1, pp. 62—67. doi:10.1080/03009734.2018.1439552
22. Quinn K., Spiby H., Slade P. A longitudinal study exploring the role of adult attachment in relation to perceptions of pain in labour, childbirth memory and acute traumatic stress responses. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 2015. Vol. 33, no. 3, pp. 256—267. doi:10.1080/02646838.2015.1030733
23. Tasca G.A. Attachment and eating disorders: a research update. *Current Opinion in Psychology*, 2019. Vol. 25, pp. 59—64. doi:10.1016/j.copsyc.2018.03.003
24. Girme Yuthika U. et al. The Ebbs and Flows of Attachment: Within-Person Variation in Attachment Undermine Secure Individuals' Relationship Wellbeing across Time. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2018. Vol. 114, no. 3, pp. 397—421. doi:10.1037/pspi0000115
25. Ayers S. et al. The role of adult attachment style, birth intervention and support in posttraumatic stress after childbirth: A prospective study. *Journal of Affective Disorders*, 2014. Vol. 155, pp. 295—298. doi:10.1016/j.jad.2013.10.022
26. Turunen T. et al. The role of attachment in recovery after a school-shooting trauma. *European Journal of Psychotraumatology*, 2014. Vol. 5, no. 1. doi:10.3402/ejpt.v5.22728
27. Walsh J., Hepper E.G., Marshall B.J. Investigating attachment, caregiving, and mental health: a model of maternal-fetal relationships. *BMC Pregnancy and Childbirth*, 2014. Vol. 14:383. 9 p. doi:10.1186/s12884-014-0383-1

Прародители и внуки (обзор зарубежных исследований)

Булыгина М.В.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры детской и семейной психотерапии
факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
buluginamv@mgppu.ru

Комарова С.В.,

магистрант программы «Детская и семейная психотерапия» факультета консультативной
и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
scomarova@mail.ru

Статья посвящена обзору зарубежных исследований межпоколенных отношений. В ней анализируются детско-прародительские отношения, а также фигура прародителя и понимание им своей роли в системе отношений с членами семьи, принадлежащими к разным поколениям. Постановка фигуры, относящейся к старшему поколению семьи, в центр внимания позволяет искать и находить новые факторы, определяющие характер и качество отношений между бабушками/дедушками и внуками. В статье также рассматривается специфика отношений с внуками прародителей из расширенных семей и прародителей, проживающих отдельно.

Ключевые слова: детско-прародительские отношения, прародители, внуки, отдельно проживающие прародители, расширенные семьи.

Для цитаты:

Булыгина М.В., Комарова С.В. Прародители и внуки (обзор зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 97—105. doi:10.17759/jmfp.2019080410

For citation:

Bulygina M.V., Komarova S.V. Grandparents and grandchildren (review of foreign studies) [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 97—105. doi: 10.17759/jmfp.2019080410 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

В настоящее время большинство эмпирических исследований сосредоточено вокруг детско-родительских отношений. Детско-прародительские отношения исследованы значительно в меньшей степени. Тем не менее, увеличение продолжительности жизни способствует росту количества бабушек и дедушек, в той или иной степени вовлеченных в отношения с внуками разного возраста. Согласно теории семейных систем, внутри любой семьи существуют подструктуры, формирующие диадические отношения между поколениями: родитель—ребенок, прародитель—внук. Каждый тип отношений имеет свои уникальные особенности, оказывая разное влияние на членов семьи и создавая особенную семейную среду, которая становится важной детерминантой развития ребенка. Актуальность данной темы состоит в том, что гармоничные детско-прародительские отношения могут быть условием социальной поддержки и удовлетворенности в семьях. Кроме того, поддержка прародителей может быть существенным ресурсом для среднего поколения и источником эффективного социального взаимодействия для внуков [3; 7; 8; 9; 23; 30; 34]. В исследовании итальянских ученых Замберлетти Дж., Каврини Дж., Томассини С. (2018) подчеркнута, что неформальный прародительский уход за детьми оказывает существенное влияние на формирование индивидуальных особенностей детей [35].

В исследовании, которое провели Гертс Т., Ван Тилбург Т., Поортман А., Дикстра П. (2014), было показано, что по сравнению с 1992 к 2006 году почти в 2 раза увеличилось время, которое прародители Нидерландов тратят на занятия и воспитание внуков. Это увеличение объяснялось увеличением занятости матерей, снижением количества старших детей, которые могли бы присматривать за младшими. При этом также было замечено, что вовлеченность прародителей в воспитание внуков могла бы быть еще выше, если бы не вырос уровень профессиональной занятости самих прародителей [8]. В докладе Глейзера К. и др., сделанном на основе лонгитюдного исследования в Европе, было показано, что британские бабушки и дедушки почти в два раза больше, чем прародители из других стран, участвуют в воспитании внуков [32].

История вопроса

Пионерами исследования детско-прародительских отношений были Б.Л. Нойгартен и К.К. Вайнштейн (1964), которые выделили несколько типов взаимодействия бабушек и дедушек с внуками: формальный (formal); дистанцированный (distant) и непринужденный (funseeking). При *формальном* типе бабушки и дедушки придерживаются традиций взаимодействия с

внуками, которые явно отличаются от родительских ролей. *Дистантный* тип характеризуется редкими контактами, в основном по ритуальным поводам. Для *непринужденного* типа специфичны приятельские отношения с внуками, поиск совместных развлечений.

С середины 1970-х годов наблюдается усиление научного интереса к прародительству. Это в значительной степени обусловлено удлинением жизненного периода, который люди стали проживать в роли прародителей [19]. На этом этапе исследований стало очевидно, что, несмотря на общественную заданность прародительских ролей, они сильно разнятся между собой, были выявлены разные стили прародительского отношения [6]. Одну из типологий стилей прародительства предложили Черлин А.Ю. и Фюрстенберг Ф.Ф. (1985), в ней учтены такие параметры, как *непосредственное личное общение, совместные занятия, близость в отношениях, психологическая поддержка, инструментальная помощь и авторитарность*. Этими учеными были выделены следующие типы:

- *влиятельные* прародители, имеющие высокие показатели по всем изучаемым параметрам: непосредственное личное общение, совместные занятия, близость в отношениях, психологическая поддержка, инструментальная помощь и авторитарность;
- *поддерживающие* прародители, имеющие высокие показатели по всем параметрам, кроме авторитарности;
- *пассивные* прародители, имеющие средние или ниже среднего показатели по всем параметрам;
- *авторитарные* прародители, имеющие высокий показатель по параметру авторитарность и средние или ниже среднего показатели по всем остальным параметрам;
- *отстраненные* прародители, имеющие самые низкие показатели по всем параметрам.

Позднее, в исследовании Мюллера М.М., Вильгельма Б., Элдера Г.Х.Дж. (2002), было уточнено, что указанные типы свойственны конкретным внутрисемейным ситуациям, но не характеризуют отношения прародителей со всеми их внуками. Так, примерно 1/3 отстраненных прародителей в интервью признались, что с другим внуком (внучкой) у них сложились более близкие отношения.

В первой половине 2000-х Смит П.К. (2005) описывает прародителей как хорошо образованных, в большинстве своем живущих отдельно от внуков и воспринимающих свою роль как помощников, а не стражей порядка. В этот период активно исследовалась роль прародителей в неполных или разведенных семьях. Расширенные (многопоколенные) семьи, по замечанию Ахтара П., Малика Ю.А., Бегера С., в этот период воспринимались как нетипичные и игнорировались исследователями [1].

В последнее десятилетие наблюдается новый всплеск интереса к прародителям с точки зрения их влияния на развитие внуков. Учеными активно исследуются различные параметры детско-прародительских

отношений в их связи с психологическими особенностями и социальными компетенциями детей. Большое внимание уделяется разным возрастным группам внуков, активно исследуются подростковый, юношеский возраста и ранняя зрелость в контексте трансформации структуры и содержания детско-прародительских отношений. Основной фокус современных исследований направлен в сторону изучения внутреннего содержания отношений между прародителями и внуками, в частности оценки этих отношений с позиции ребенка [3; 6; 7; 9; 12; 25].

Факторы, влияющие на вовлеченность прародителей в отношения с внуками

В первую очередь принято выделять *пол прародителя*. Тансканен А.О., Даниэлсбака М. показали, что внуки в большей степени подвержены влиянию бабушек, чем дедушек [15]. Бабушки более довольны своими отношениями с внуками, в то время как дедушки чаще всего балуют внуков. Роберто К.А., Аллен К.Р., Блишнер Р. замечают, что в семьях дедушки часто играют роль главы семьи или государственного министра, а бабушки — роль министра внутренних дел, обеспечивая уход за детьми и поддерживая благоприятные эмоциональные отношения [21].

Исследовав более 5500 прародителей 60—85 лет из 11 стран Европы, норвежский ученый Кнудсен К. обнаружил, что в более пожилых парах прародителей вовлеченность дедушек в отношения с внуками возрастает по сравнению с более молодыми прародителями, а разница между вовлеченностью бабушек и дедушек с возрастом уменьшается [23].

Линия родства прародителя также имеет значение. В работах Тансканена А.О., Даниэлсбаки М. (2012) было выявлено, что бабушки по материнской линии больше других прародителей вовлечены в детско-прародительские отношения и имеют самые близкие отношения с внуками. На втором месте по вовлеченности находятся дедушки по материнской линии, далее идут прародители по отцовской линии. Результаты исследования Хайда В., Гиббса И. (1993) свидетельствуют, что матери матерей играют более активную роль в жизни девочек, чем матери отцов, они способствуют становлению их чувства безопасности и влияют на формирование их мировоззрения.

В то же время фактор линии родства нельзя назвать однозначным. Аггар-Шварц С., Тан Дж., Бьюкенен А. показали, что в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств прародители по отцовской линии могут иметь более близкие отношения с внуками, чем прародители по материнской линии [3].

Существенное влияние на характер детско-прародительских отношений оказывает *возраст прародителей и внуков*. Выявлено, что более взрослые внуки иначе взаимодействуют с прародителями, меняется частота и содержание их общения. От заботы, воспита-

ния, совместных развлечений и чтения сказок в более раннем возрасте по мере взросления внуков прародители переходят к отношениям наставничества, менторства, автобиографическим рассказам и разговорам по душам. Также на более поздней стадии жизни у пожилых людей отмечается снижение активности, возникают проблемы со здоровьем, некоторые прародители начинают нуждаться в заботе и уходе со стороны подросших внуков и взрослых детей. В подобных случаях часть семейных ресурсов (забота, контроль и др.), традиционно предназначенных ребенку, перенаправляется на прародителей, что может привести к напряжению в отношениях с ребенком, неполному удовлетворению его возрастных потребностей [4; 13; 25].

Само прародительство воспринимается по-разному в разном возрасте. Согласно исследованиям, оптимальным возрастом для получения максимального удовлетворения от роли бабушки/дедушки является период от 50 до 66 лет. Раньше 50 лет прародительство может восприниматься как помеха реализации личных целей, а после 66 лет может сказываться недостаток физических сил и появляться разочарование из-за невозможности полноценной реализации в этой роли [6].

Керр С. отмечает, что отношения с прародителями наиболее близки в раннем и дошкольном возрасте, дети получают максимальные преимущества от личного общения с прародителями, их физического присутствия и непосредственных выражений любви. В подростковом возрасте наблюдаются снижение частоты контактов и тенденция к отдалению, но далее в юности и ранней взрослости происходит новое сближение и переосмысление отношений [19; 22]. В работе Бангертера Л. и др. 1/3 опрошенных прародителей заявили, что их отношения с внуками стали менее близкими при достижении внуками подросткового возраста [6]. По данным Росс Н. и др. по мере взросления внуков, происходят изменения в содержании их отношений с бабушками и дедушками. В раннем возрасте прародители и внуки чаще взаимодействуют во время осуществления прародителями ухода за детьми, а также в ходе совместного посещения мероприятий, игр и обучения навыкам, а к подростковому возрасту преимущественным содержанием взаимодействия становятся разговоры, советы и поддержка [29].

В исследовании Даниэльсбакки М. и др. также было выявлено, что вовлеченность прародителей в жизнь ребенка к 11—16 годам уменьшается. Снижение общения между прародителями и внуками связано с меняющейся системой ценностей подростков и закономерным для них переключением от отношений со взрослыми на формирование близких отношений со сверстниками [11]. Кроме того, период подростничества внуков часто совпадает с серьезными изменениями в жизни самих прародителей: прекращением профессиональной деятельности, возрастным ухудшением здоровья, сопровождающимися изменениями в их системе ценностей. В результате подобных жизненных обстоятельств внуки могут выпадать из фокуса актив-

ного внимания и сосредоточения душевных сил прародителей, как и сама роль прародительства [6].

Тем не менее, есть исследования, показывающие, что отношения с прародителями не только не становятся менее близкими (независимо от частоты контактов), но в некоторых случаях, напротив, становятся более значимыми именно в подростковом возрасте, например, в ситуациях острых конфликтов с родителями, либо серьезных изменений в семье, таких как развод или тяжелое заболевание кого-то из членов семьи. В этом случае прародители могут либо выступать подобием буфера между конфликтующими родителями и подростками, либо надежной опорой в дестабилизированной семейной ситуации [4; 5]. Так, по данным Йоргасон Дж. и др., подростки из разведенных семей воспринимают отношения с прародителями как наиболее стабильные [33].

Отношения прародителей с родителями могут быть серьезным фактором, поддерживающим или мешающим общению прародителей с внуками. Вплоть до старшего подросткового возраста родители часто являются посредниками между прародителями и детьми, создавая или минимизируя ситуации взаимодействия между ними. Ключевым параметром, определяющим позицию родителей, является характер их отношения со старшим поколением.

Сложной ситуацией для поддержания контакта детей с бабушкой и дедушкой становится *развод родителей*. Яппенс М., Ван Бавель Дж. считают, что прародители со стороны родителя, проживающего отдельно от ребенка, в результате разрыва отношений попадают в группу высокого риска потери возможности близких отношений с внуком [6; 17]. В исследовании Альбертини М., Тоси М. (2018), на примере Италии, показано, что дети младше 14 лет, которые после развода родителей редко (1 раз в неделю и реже) встречаются с родителем *нерезидентом* (проживающим отдельно), значительно меньше получают внимание и помощь бабушки и дедушки со стороны родителя нерезидента, в отличие от случаев интенсивных отношений с родителем, проживающим отдельно [1].

По другим данным, в процессе и после развода родительской пары часто происходит увеличение контактов детей с прародителями. Данные Эренберга М., Смита Т. (2003) демонстрируют положительное влияние дедушек и бабушек на адаптацию детей после развода. Кроме того, бабушками было отмечено увеличение личных контактов с внуками после развода родительской пары. В исследовании Henderson С. было показано, что молодые люди 17—20 лет из разведенных семей, в отличие от сверстников из полных семей, выделяют их отношения с бабушками по материнской линии как фактор, помогающий их адаптации к жизни. По мнению автора, эти результаты показывают, что связь молодых людей с их бабушками по материнской линии после развода родителей положительно повлияла на их психологическое функционирование и адаптацию [14].

В работе Солиз Дж. были выделены роли прародителей в поддержке внуков во время и после развода родительской пары:

1) *эмпатические прародители* демонстрируют эмоциональную поддержку и являются источником для эмоциональной стабильности и утешения внука во время развода родителей;

2) роль бабушки и/или дедушки как *историка семьи*, позволяет ребенку уменьшить двусмысленность или неопределенность ситуации разделения родителей;

3) роль прародителя, *поддерживающего нормальные отношения*, обеспечивает ребенку и после развода родителей непрерывный, устойчивый семейный контекст, за счет сохранения привычного уклада и продолжения отношений с зятем/невесткой [30].

Гладстон Дж. (1989) также анализировал механизмы взаимодействия прародителей с внуками после развода родительской пары. Был сделан вывод, что бабушки и дедушки, чутко пересматривающие отношения между взрослыми детьми и их супругами после распада брака, не только сохраняют отношения с внуками, но и фактически расширяют контакты внуков с другими родственниками.

Помимо перечисленных внешних факторов на характер детско-прародительских отношений оказывают влияние и собственно психологические факторы. К ним, в первую очередь, относятся *вовлеченность в отношения* и *эмоциональная близость*, т. е. такие аспекты отношений, которые делают общение прародителей с внуками субъективно значимыми. Эмпирические данные, которые получили Агтар-Шварц С. (2015); Ахтар П., Малик Дж., Бегер С. (2017); Хакояма А., Малоун Бич Э. (2013); Крисикова Е., Стасова Л. (2014), Йоргасон Дж., Падиля-Уолкер Л., Джексон Дж. (2011), Марголис Р., Райт Л. (2017), свидетельствуют о том, что при наличии близких отношений значимость внешних факторов ослабевает. То есть прародители стремятся видеться и взаимодействовать с внуками чаще, несмотря на физическое расстояние, отношения с родителями, линию родства, возраст и пр., если между ними и внуками установлены близкие отношения, основанные на привязанности [2; 4; 16; 20; 24; 33].

Исследователи разделяют вовлеченность прародителей в отношения с внуками на эмоциональную и функциональную. *Эмоциональная вовлеченность* связывается с принятием ответственности и заботой о внуках и реализуется через авторитетную, паритетную либо контролирующую позицию. Именно эмоциональная вовлеченность способствует формированию близких детско-прародительских отношений посредством разной степени принятия и эмоциональной поддержки, которые проявляются в форме дисциплинирования, наставничества, подбадривания, советов, обучения навыкам, заботы, разделения общих интересов и увлечений. *Функциональная вовлеченность* понимается как внешнее участие в жизни внуков, реализующееся через помогающую позицию. Помощь прародителей при этом ограничивается требованием конкретной ситуации и может

быть описана как инструментальная, т. е. связанная с предоставлением необходимых физических ресурсов, например, денег, продуктов, бытовых и прочих услуг. Вовлеченность такого типа, даже при очень частых контактах прародителей с внуками, не является достаточным условием для формирования эмоциональной близости [18; 21; 15].

Говоря об эмоциональной вовлеченности прародителя, как правило, имеют в виду объем непосредственного контакта с внуком (внучкой), а также содержание совместных занятий. Результаты проводимых исследований демонстрируют прямую связь между количеством и качеством контактов и эмоциональной близостью в отношениях прародителей с внуками [10; 21; 27; 33].

Отношения с прародителями детей из расширенных и нуклеарных семей

В настоящее время в зарубежных психологических исследованиях происходит переоценка взгляда на нуклеарный тип семьи как наиболее типичный. На выборках из разных этнических групп в разных частях света показано, что расширенные семьи (где все три поколения: прародители, родители и дети живут под одной крышей) не просто сосуществуют наряду с нуклеарными, а в некоторых типах культур, например азиатских, такие семьи являются даже более распространенными [2]. Сложившаяся в настоящее время в западных странах социально-экономическая ситуация также способствует увеличению числа многопоколенных семей. Так, в США по данным Forbes, в 2014 году впервые за последние сто тридцать лет был зарегистрирован 30% рост числа расширенных семей, а проживание с родителями стало самым распространенным образом жизни среди молодых людей 18—34 лет. Молодые супруги с детьми, исходя из экономических соображений, проживают вместе со своими родителями. Однако даже обретая финансовую стабильность и имея возможность жить своим домом, они продолжают делать выбор в пользу расширенного типа семьи. По мнению Snelling S., данная ситуация свидетельствует о происходящем постепенном сдвиге в системе ценностей американцев от личной независимости к взаимозависимости между членами семьи. Американские специалисты считают такую тенденцию позитивной как для семей, так и для страны в целом, так как отношения внутри семьи, объединенной одним домом и финансовыми средствами, благоприятны для психологического развития и социализации ребенка [27]. В связи с повышением стоимости жизни растет уровень занятости родителей, возрастает количество бикарьерных семей, в которых оба родителя работают полный день и не имеют возможности проводить достаточно времени с детьми. Также продолжает расти число разводов, увеличивается количество раздельно проживающих родителей, испытывающих еще больше трудностей в уходе за детьми. Привлечение старшего

поколения к воспитанию и уходу за детьми способствует смягчению неблагоприятных последствий современной семейной среды [5].

Однако отношение исследователей к расширенным семьям вовсе не однозначно — отмечаются как позитивные, так и негативные аспекты совместного проживания нескольких поколений. Akhtar P. и др. указывают на то, что присутствие прародителей в семье влияет на представление детей об отношениях с родителями и формирование навыков эффективного социального взаимодействия. Обнаружено, что эмоциональная близость с прародителями в расширенной семье ослабляет отцовский авторитет и способствует развитию чрезмерной напористости в поведении ребенка. Также эмоциональная близость с прародителями снижает оценку авторитарности матери подростком и способствует проявлению его самоуверенности. Исследователи заключают, что близкие отношения с прародителями смягчают нежелательные последствия влияния стиля родительского поведения на развитие социальных компетенций ребенка [2].

Замечено, что за счет совместного проживания в расширенных семьях прародители имеют более высокий статус и как следствие большее влияние на развитие ребенка, чем прародители, проживающие отдельно, даже в том случае, если вовлеченность в отношения с внуком отдельно проживающего прародителя сопоставима с вовлеченностью прародителей в расширенной семье. Это связано с тем, что дети и подростки более склонны усваивать ценности, советы и нормы от уважаемой авторитетной фигуры, играющей важную роль в семье, объединенной единым домом и финансовыми средствами [21].

Тем не менее, как выявлено в исследованиях Крисиковой Е., Стасовой Л. (2014), Левитан Дж. (2016), проживание прародителей и внуков под одной крышей не может автоматически гарантировать более высокого качества отношений между ними. Более того, как отмечает Левитан Дж, частое взаимодействие прародителей и внуков в расширенных семьях может быть не только источником формирования эмоциональной близости, но и причиной нежелательных столкновений и негативных переживаний [20; 21; 25].

Еще одним неоднозначным моментом является воспитательная позиция прародителей. Зачастую в расширенных семьях бабушки и дедушки принимают на себя родительские роли и активно участвуют в воспитании ребенка, дисциплинируют его, являются агентами его социализации [2]. Чаще всего такую позицию занимают авторитарные прародители. По данным Мюллер М. (2003) отношения таких прародителей с внуками очень близки, но одновременно окрашены высокой степенью напряженности и конфликтности. Вместе с тем, сами прародители этой группы считают свои отношения с внуками очень близкими и уверены в том, что родители детей одобряют и поощряют их стиль взаимодействия с внуками [26]. Однако, с точки зрения развития ребенка, такой стиль взаимо-

действия может приводить к размыванию семейных ролей. Это может быть особенно критично для подростков, перед которыми стоит задача автономии и становления собственной идентичности. В отношениях с авторитарными прародителями у них наблюдаются те же сложности, что и в отношениях с родителями: повышение напряженности и конфликтности, снижение эмоциональной близости [28].

В случае отдельного проживания прародителей и внуков зачастую пространственная удаленность выделяется как предиктор сложностей в формировании близких детско-прародительских отношений. Тем не менее, целый ряд работ показывает, что частота контактов (непосредственных личных или с помощью технических средств) и эмоциональная вовлеченность играют более важную роль в формировании близких отношений, чем фактическое расстояние между прародителями и внуками [5; 34]. Так, Крисикова Е., Стасова Л. не обнаружили значимых различий в характере совместных занятий, интенсивности общения и степени доверия между прародителями и внуками в расширенных и нуклеарных семьях [21]. Общение прародителей и внуков может происходить по интернету, по телефону, они могут встречаться по праздникам, во время школьных каникул.

Было выявлено, что отдельно проживающие прародители способствуют развитию социальных и коммуникативных навыков внуков. Йоргасон Дж. и др. установили, что эмоционально близкие отношения с отдельно проживающими прародителями оказывают уникальное влияние на развитие навыков просоциального поведения у подростков. Авторы предполагают, что это связано с частым взаимодействием с другими взрослыми за пределами нуклеарной семьи. Кроме того, авторы считают, что по сравнению с прародителями в расширенных семьях отдельно проживающие бабушки и дедушки менее склонны к принятию позиции, сопоставимой с родительской. Как следствие, они больше сосредоточены не на контроле поведения внуков, а на общении с ними, развитии их самостоятельности [33].

Показано, что отдельно проживающие бабушки и дедушки могут стать так называемыми вторыми родителями, предоставляющими ребенку второй дом. В статье Пик Р. дом прародителей определяется как безопасное переходное пространство между домом детей и внешним миром. Маленькие дети во время визитов к прародителям обнаруживают, что за пределами дома может быть не страшно, приятно и интересно. Подростки в близких отношениях с прародителями могут на расстоянии от домашних конфликтов снять эмоциональное напряжение и получить необходимую поддержку [15].

Выводы

Обобщая результаты исследований, можно отметить, что качество детско-прародительских отношений

определяется совокупностью факторов. Наиболее значимы из них эмоциональная близость, вовлеченность бабушки/дедушки в отношения с внуком и воспитательная позиция прародителя. Детско-прародительские отношения в расширенных и нуклеарных семьях отличаются своеобразием. В расширенных семьях отношения детей с прародителями более близкие, но при этом могут сопровождаться большей напряженностью и конфликтностью. При условии негибкого отношения прародителя к внуку, взятии на себя родительской роли, качество детско-прародительских отношений может переживать сложности и дестабилизировать ситуацию в семье. Отдельно проживающие прародители способны к формированию эмоционально близких

отношений с внуками на основе собственной эмоциональной вовлеченности и регулярного контакта. Уникальный вклад отдельно проживающих прародителей заключается в их относительной независимости от родительской семьи внуков. У них есть больше возможностей стать безопасной гаванью для внуков, буфером между чрезмерно контролирующими или требовательными родителями, особым пространством для эмоциональной разрядки и поддержки. Также отдельно проживающие прародители обогащают социальный опыт внуков иными, чем в родительской семье, жизненным укладом и способами взаимодействия, способствуя развитию у детей более высоких социальных и коммуникативных навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Akhtar P., Malik J.A., Begeer S. The grandparents' influence: parenting styles and social competence among children of joint families // *Journal of Child & Family Studies*. 2017. Vol. 26. № 2. P. 603—611. doi:10.1007/s10826-016-0576-5
2. Albertini M., Tosi M. Grandparenting after parental divorce: The association between non-resident parent-child meetings and grandparenting in Italy // *European Journal of Ageing*. 2018. Vol. 15. № 3. P. 277—286. doi:10.1007/s10433-018-0478-z
3. Arpino B., Bordone V. Does grand-parenting pay off? The effect of child care on grandparents' cognitive functioning // *Journal of Marriage and Family*. 2014. Vol. 76. № 2. P. 337—351. doi:10.1111/jomf.12096
4. Attar-Schwartz S. Emotional Closeness to Parents and Grandparents: A Moderated Mediation Model Predicting Adolescent Adjustment // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2015. Vol. 85. № 5. P. 495—503. doi:10.1037/ort0000082
5. Attar-Schwartz S., Tan J., Buchanan A. Adolescents' perspectives on relationships with grandparents: The contribution of adolescent, grandparent, and parent—grandparent relationship variables // *Children and Youth Services Review*. 2009. № 31. № 9. P. 1057—1066. doi:10.1016/j.chilyouth.2009.05.007
6. Bangert L.R., Waldron V.R. Turning points in long distance grandparent—grandchild relationships // *Journal of Aging Studies*. 2014. Vol. 29. P. 88—97. doi:10.1016/j.jaging.2014.01.004
7. Baxter J., Warren D. Grandparents in their young grandchildren's lives [Электронный ресурс] // *The Longitudinal Study of Australian Children: Annual Statistical Report*. Melbourne: AIFS, 2015. P. 13—40. URL: <https://growingupinaustralia.gov.au/sites/default/files/asr2015.pdf> (дата обращения: 04.12.2019).
8. Child care by grandparents: Changes between 1992 and 2006 / T. Geurts [et al.] // *Ageing and Society*. 2014. Vol. 35. № 6. P. 1318—1334. doi:10.1017/S0144686X14000270
9. Cook K. Family labour: Responsibility and control // *Journal of Family Studies*. 2014. Vol. 20. № 2. P. 102—103. doi:10.1080/13229400.2014.11081999
10. Craig L., Jenkins B. Grandparental childcare in Australia: Gender differences in the correlates of providing regular grandparental care while parents work // *Community, Work & Family*. 2015. Vol. 19. № 3. P. 281—301. doi:10.1080/13668803.2015.1027176
11. Danielsbacka M., Tanskanen A.O., Rotkirch A. Impact of Genetic Relatedness and Emotional Closeness on Intergenerational Relations // *Journal of Marriage and Family*. 2015. Vol. 77. № 4. P. 889—907. doi:10.1111/jomf.12206
12. Di Gessa G., Glaser K., Tinker A. The health impact of intensive and non-intensive grandchild care in Europe: new evidence from SHARE // *Journal of Gerontology: Social Sciences*. 2016. Vol. 71. № 5. P. 867—879. doi:10.1093/geronb/gbv055
13. Ferguson S.J. Contemporary Grandparenting: Changing Family Relationships in Global Contexts // *Contemporary Sociology*. 2014. Vol. 43. № 5. P. 653—655. doi:10.1177/0094306114545742b
14. Grandmother—Grandchild Relationship Quality Predicts Psychological Adjustment Among Youth From Divorced Families / C.E. Henderson [et al.] // *Journal of Family Issues*. 2009. Vol. 30. № 9. P. 1245—1264. doi:10.1177/0192513X09334913
15. Grandparents and the extended family: understanding the importance of wider family relationships for children and their parents [Электронный ресурс] // *Understanding Childhood*. 2014. URL: <http://www.understandingchildhood.net/posts/grandparents-and-the-extended-family> (дата обращения: 04.12.2019).
16. Nakoyama A., Malone Beach E.E. Predictors of Grandparent—Grandchild Closeness: An Ecological Perspective // *Journal of Intergenerational Relationships*. 2013. Vol. 11. № 1. P. 32—49. doi:10.1080/15350770.2013.753834
17. Jappens M., Van Bavel J. Parental Divorce, Residence Arrangements, and Contact Between Grandchildren and Grandparents // *Journal of Marriage and Family*. 2016. Vol. 78. № 2. P. 451—467. doi:10.1111/jomf.12275
18. Kazimi A., Sadruddin M.M., Khowaja M. Contribution of Grandparents in Meeting Educational Challenges of Exceptional Child—Highlighting Ordeals and Confrontations in Local Context to Understanding Global Circumstances // *International Research Journal of Arts and Humanities*. 2016. Vol. 44. № 44. P. 51—58.

19. *Kemp C.L.* Grandparent—grandchild ties. Reflections on continuity and change across three generations // *Journal of Family Issues*. 2007. Vol. 28. № 7. P. 855—881. doi:10.1177/0192513X07299599
20. *Krisikova E., Stasova L.* Relationships between children and their grandparents and importance of older generations in lives of today's families // *SHS Web of Conferences*. 2014. № 10. 7 p. doi:10.1051/shsconf/20141000044
21. *Levetan J.L., Wild L.G.* The implications of maternal grandmother coresidence and involvement for adolescent adjustment in South Africa // *International Journal of Psychology*. 2016. Vol. 51. № 5. P. 356—365. doi:10.1002/ijop.12178
22. *Liu R.X.* Gender Differences in Grandparent Attachment Among Chinese Students // *International Journal of School Health*. 2016. Vol. 3. № 2. doi:10.17795/intjsh.32195
23. *Margolis R.* The Changing Demography of Grandparenthood // *Journal of Marriage and Family*. 2016. Vol. 78. № 3. P. 610—622. doi:10.1111/jomf.12286
24. *Margolis R., Wright L.* Older Adults with Three Generations of Kin: Prevalence, Correlates and Transfers [Электронный ресурс] // *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2017. Vol. 72. № 6. P. 1067—1072. URL: <https://academic.oup.com/psychsocgerontology/article/72/6/1067/2632014> (дата обращения: 04.12.2019).
25. *Moorman S.M., Stokes J.E.* Solidarity in the Grandparent—Adult Grandchild Relationship and Trajectories of Depressive Symptoms // *The Gerontologist*. 2016. Vol. 56. № 3. P. 408—420. doi:10.1093/geront/gnu056
26. *Mueller M.M., Elder G.H. Jr.* Family Contingencies Across the Generations: Grandparent-Grandchild Relationships in Holistic Perspective // *Journal of Marriage and Family*. 2003. Vol. 65. № 2. P. 404—417. doi:10.1111/j.1741-3737.2003.00404.x
27. Multigenerational living is back and that's a good thing [Электронный ресурс] // *Forbes*. 2016. URL: <https://www.forbes.com/sites/nextavenue/2016/10/09/multigenerational-living-is-back-and-thats-a-good-thing/#7a72f2c55807> (дата обращения: 04.12.2019).
28. *Pilkauskas N.V., Dunifon R.E.* Understanding Grandfamilies: Characteristics of Grandparents, Nonresident Parents, and Children // *Journal of Marriage and Family*. 2016. Vol. 78. № 3. P. 623—633. doi:10.1111/jomf.12291
29. Relationships between grandparents and teenage grandchildren [Электронный ресурс] / N. Ross [et al.] // *CRFR Research briefing*. 2005. № 23. 4 p. URL: <https://www.era.lib.ed.ac.uk/bitstream/handle/1842/2778/rb23grandparents.pdf;sequence=1> (дата обращения: 04.12.2019).
30. *Soliz J.* Intergenerational Support and the Role of Grandparents in Post-Divorce Families: retrospective Accounts of Young Adult Grandchildren // *Qualitative Research Reports in Communication*. 2008. Vol. 9. № 1. P. 72—80. doi:10.1080/17459430802400373
31. *Stangeland S.* Grandfathers play a more prominent role [Электронный ресурс] // *ScienceNorway*. 2012. URL: <http://sciencenorway.com/grandfathers-play-more-prominent-role> (дата обращения: 04.12.2019).
32. Trends in the prevalence of grandparents living with grandchild(ren) in selected European countries and the United States / K. Glaser [et al.] // *European Journal of Ageing*. 2018. Vol. 15. № 3. P. 237—250. doi:10.1007/s10433-018-0474-3
33. *Yorgason J.B., Padilla-Walker L., Jackson J.* Nonresidential grandparents' emotional and financial involvement in relation to early adolescent grandchild outcomes // *Journal of research of adolescence*. 2011. Vol. 21. № 3. P. 552—558. doi:10.1111/j.1532-7795.2010.00735.x
34. *Young C., Denson L.A.* Psychological health and provision of grandchild care in non-custodial baby boomer grandparents // *Journal of Family Studies*. 2014. Vol. 20. № 1. P. 88—100. doi:10.5172/jfs.2014.20.1.88
35. *Zamberletti J., Cavrini G., Tomassini C.* Grandparents providing childcare in Italy // *European Journal of Ageing*. 2018. Vol. 15. № 3. P. 265—275. doi:10.1007/s10433-018-0479-y

Grandparents and grandchildren (review of foreign studies)

Bulygina M.V.,

candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of child and family psychotherapy, department of psychological counseling, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, buluginamv@mgppu.ru

Komarova S.V.,

student in the master's program «Child and family psychotherapy», department of psychological counseling, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, scomarova@mail.ru

The article reviews foreign studies of intergenerational relationships. It analyzes grandchild-grandparent relations, as well as the figure of the grandparent and his/her understanding of his/her role in the system of relations with family members belonging to different generations. Putting a figure belonging to the older generation of the family in the spotlight made it possible to look for and find new factors that determine the nature and quality of the relationship between grandparents and grandchildren. The article also examines the specificity of interrelations between grandchildren and grandparents living in extended families or separately from their children and grandchildren.

Keywords: child-grandparent relations, grandparents, grandchildren, grandparents living apart, extended families.

REFERENCES

1. Akhtar P., Malik J.A., Begeer S. The grandparents' influence: parenting styles and social competence among children of joint families. *Journal of Child & Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. 603—611. doi:10.1007/s10826-016-0576-5
2. Albertini M., Tosi M. Grandparenting after parental divorce: The association between non-resident parent-child meetings and grandparenting in Italy. *European Journal of Ageing*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 277—286. doi:10.1007/s10433-018-0478-z
3. Arpino B., Bordone V. Does grand-parenting pay off? The effect of child care on grandparents' cognitive functioning. *Journal of Marriage and Family*, 2014. Vol. 76, no. 2, pp. 337—351. doi:10.1111/jomf.12096
4. Attar-Schwartz S. Emotional Closeness to Parents and Grandparents: A Moderated Mediation Model Predicting Adolescent Adjustment. *American Journal of Orthopsychiatry*, 2015. Vol. 85, no. 5, pp. 495—503. doi:10.1037/ort0000082
5. Attar-Schwartz S., Tan J., Buchanan A. Adolescents' perspectives on relationships with grandparents: The contribution of adolescent, grandparent, and parent-grandparent relationship variables. *Children and Youth Services Review*, 2009, no. 31, no. 9, pp. 1057—1066. doi:10.1016/j.chilyouth.2009.05.007
6. Bangerter L.R., Waldron V.R. Turning points in long distance grandparent—grandchild relationships. *Journal of Aging Studies*, 2014. Vol. 29, pp. 88—97. doi:10.1016/j.jaging.2014.01.004
7. Baxter J., Warren D. Grandparents in their young grandchildren's lives. In Australian Institute of Family Studies [Elektronnyi resurs]. *The Longitudinal Study of Australian Children Annual Statistical Report*. Melbourne: AIFS, 2015, pp. 13—40. URL: <https://growingupinaustralia.gov.au/sites/default/files/asr2015.pdf> (Accessed 04.12.2019).
8. Geurts T. et al. Child care by grandparents: Changes between 1992 and 2006. *Ageing and Society*, 2014. Vol. 35, no. 6, pp. 1318—1334. doi:10.1017/S0144686X14000270
9. Cook K. Family labour: Responsibility and control. *Journal of Family Studies*, 2014. Vol. 20, no. 2, pp. 102—103. doi:10.1080/13229400.2014.11081999
10. Craig L., Jenkins B. Grandparental childcare in Australia: Gender differences in the correlates of providing regular grandparental care while parents work. *Community, Work & Family*, 2015. Vol. 19, no. 3, pp. 281—301. doi:10.1080/13668803.2015.1027176
11. Danielsbacka M., Tanskanen A.O., Rotkirch A. Impact of Genetic Relatedness and Emotional Closeness on Intergenerational Relations. *Journal of Marriage and Family*, 2015. Vol. 77, no. 4, pp. 889—907. doi:10.1111/jomf.12206
12. Di Gessa G., Glaser K., Tinker A. The health impact of intensive and non-intensive grandchild care in Europe: new evidence from SHARE. *Journal of Gerontology: Social Sciences*, 2016. Vol. 71, no. 5, pp. 867—879. doi:10.1093/geronb/gbv055
13. Ferguson S.J. Contemporary Grandparenting: Changing Family Relationships in Global Contexts. *Contemporary Sociology*, 2014. Vol. 43, no. 5, pp. 653—655. doi:10.1177/0094306114545742b
14. Henderson C.E. et al. Grandmother-Grandchild Relationship Quality Predicts Psychological Adjustment Among Youth From Divorced Families. *Journal of Family Issues*, 2009. Vol. 30, no. 9, pp. 1245—1264. doi:10.1177/0192513X09334913
15. Grandparents and the extended family: understanding the importance of wider family relationships for children and their parents [Elektronnyi resurs]. *Understanding Childhood*. 2014. URL: <http://www.understandingchildhood.net/posts/grandparents-and-the-extended-family> (Accessed 04.12.2019).

16. Nakoyama A., MaloneBeach E.E. Predictors of Grandparent-Grandchild Closeness: An Ecological Perspective. *Journal of Intergenerational Relationships*, 2013. Vol. 11, no. 1, pp. 32—49. doi:080/15350770.2013.753834
17. Jappens M., Van Bavel J. Parental Divorce, Residence Arrangements, and Contact Between Grandchildren and Grandparents. *Journal of Marriage and Family*, 2016. Vol. 78, no. 2, pp. 451—467. doi:10.1111/jomf.12275
18. Kazimi A., Sadruddin M.M., Khowaja M. Contribution of Grandparents in Meeting Educational Challenges of Exceptional Child—Highlighting Ordeals and Confrontations in Local Context to Understanding Global Circumstances. *International Research Journal of Arts and Humanities*, 2016. Vol. 44, no. 44, pp. 51—58.
19. Kemp C.L. Grandparent—grandchild ties. Reflections on continuity and change across three generations. *Journal of Family Issues*, 2007. Vol. 28, no. 7, pp. 855—881. doi:10.1177/0192513X07299599
20. Krisikova E., Stasova L. Relationships between children and their grandparents and importance of older generations in lives of today's families. *SHS Web of Conferences*, 2014, no. 10, 7 p. doi:10.1051/shsconf/20141000044
21. Levetan J.L., Wild L.G. The implications of maternal grandmother coresidence and involvement for adolescent adjustment in South Africa. *International Journal of Psychology*, 2016. Vol. 51, no. 5, pp. 356—365. doi:10.1002/ijop.12178
22. Liu R.X. Gender Differences in Grandparent Attachment Among Chinese Students. *Int J School Health*, 2016. Vol. 3, no. 2. doi:10.17795/intjsh.32195
23. Margolis R. The Changing Demography of Grandparenthood. *Journal of Marriage and Family*, 2016. Vol. 78, no. 3, pp. 610—622. doi:10.1111/jomf.12286
24. Margolis R., Wright L. Older Adults with Three Generations of Kin: Prevalence, Correlates and Transfers [Elektronnyi resurs]. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 2017. Vol. 72, no. 6, pp. 1067—1072. URL: <https://academic.oup.com/psychsocgerontology/article/72/6/1067/2632014> (Accessed 04.12.2019).
25. Moorman S.M., Stokes J.E. Solidarity in the Grandparent—Adult Grandchild Relationship and Trajectories of Depressive Symptoms. *The Gerontologist*, 2016. Vol. 56, no. 3, pp. 408—420. doi:10.1093/geront/gnu056
26. Mueller M.M., Elder G.H. Jr. Family Contingencies Across the Generations: Grandparent-Grandchild Relationships in Holistic Perspective. *Journal of Marriage and Family*, 2003. Vol. 65, no. 2, pp. 404—417. doi:10.1111/j.1741-3737.2003.00404.x
27. Multigenerational living is back and that's a good thing [Электронный ресурс]. *Forbes*. 2016. URL: <https://www.forbes.com/sites/nextavenue/2016/10/09/multigenerational-living-is-back-and-thats-a-good-thing/#7a72f2c55807> (Accessed 04.12.2019).
28. Pilkauskas N.V., Dunifon R.E. Understanding Grandfamilies: Characteristics of Grandparents, Nonresident Parents, and Children. *Journal of Marriage and Family*, 2016. Vol. 78, no. 3, pp. 623—633. doi:10.1111/jomf.12291
29. Ross N. et al. Relationships between grandparents and teenage grandchildren [Elektronnyi resurs]. *CRFR Research briefing*, 2005, no. 23. 4 p. URL: <https://www.era.lib.ed.ac.uk/bitstream/handle/1842/2778/rb23grandparents.pdf;sequence=1> (Accessed 04.12.2019).
30. Soliz J. Intergenerational Support and the Role of Grandparents in Post-Divorce Families: retrospective Accounts of Young Adult Grandchildren. *Qualitative Research Reports in Communication*, 2008. Vol. 9, no. 1, pp. 72—80. doi:10.1080/17459430802400373
31. Stangeland S. Grandfathers play a more prominent role [Elektronnyi resurs]. *ScienceNorway*, 2012. URL: <http://sciencenordic.com/grandfathers-play-more-prominent-role> (Accessed 04.12.2019).
32. Glaser K. et al. Trends in the prevalence of grandparents living with grandchild(ren) in selected European countries and the United States. *European Journal of Ageing*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 237—250. doi:10.1007/s10433-018-0474-3
33. Yorgason J.B., Padilla-Walker L., Jackson J. Nonresidential grandparents' emotional and financial involvement in relation to early adolescent grandchild outcomes. *Journal of research of adolescence*, 2011. Vol. 21, no. 3, pp. 552—558. doi:10.1111/j.1532-7795.2010.00735.x
34. Young C., Denson L.A. Psychological health and provision of grandchild care in non-custodial baby boomer grandparents. *Journal of Family Studies*, 2014. Vol. 20, no. 1, pp. 88—100. doi:10.5172/jfs.2014.20.1.88
35. Zamberletti J., Cavrini G., Tomassini C. Grandparents providing childcare in Italy. *European Journal of Ageing*, 2018. Vol. 15. № 3, pp. 265—275. doi:10.1007/s10433-018-0479-y

*Вне тематики номера
Outside of the theme rooms*

**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ
GENERAL PSYCHOLOGY**

Методы диагностики эмоционального интеллекта

Кочетова Ю.А.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии имени Л.Ф. Обухова
факультета психологии образования ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
kochetovayua@mgppu.ru

Климакова М.В.,

аспирант кафедры возрастной психологии имени Л.Ф. Обухова факультета психологии образования
ФГБОУ ВО МГППУ Москва, Россия,
mk-217@yandex.ru

Проблема диагностики эмоционального интеллекта значима как для прикладной психологии, так и для теоретических исследований в этой области знаний. Цель статьи — обзор методик диагностики эмоционального интеллекта. Диагностический инструментальный исследования динамики развития эмоционального интеллекта зависит от объяснительной модели эмоционального интеллекта. При этом в рамках одного методического подхода различны как диагностические инструменты, так и измеряемые ими компоненты эмоционального интеллекта. Исходя из этих особенностей проблемы, выдвигают принципы создания диагностических методик. Обобщив упомянутые особенности и принципы, мы можем условно разделить диагностический методический материал на группы следующим образом: описание конкретной ситуации в заданиях; формулировка заданий, исключающая неоднозначное их понимание; формулировка заданий, позволяющая избежать сознательного контроля и социально желательных ответов; выделение объективных критериев оценки ответов; измерение не черт личности, а способностей; возможность прогнозирования поведения человека в сферах, связанных с эмоциональными проявлениями.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, диагностика, диагностические методики, опросник, тест, принципы создания (разработки) тестов.

Для цитаты:

Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Методы диагностики эмоционального интеллекта [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 106—114. doi:10.17759/jmfp.2019080411

For citation:

Kochetova Yu.A., Klimakova M.V. Methods for diagnosing emotional intelligence [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 106—114. doi: 10.17759/jmfp.2019080411 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Достаточно большое количество исследований посвящено эмоциональному интеллекту. Как для теоретических исследований в психолого-педагогической сфере, так и для прикладной психологии проблема диагностики эмоционального интеллекта имеет огромное значение.

В настоящее время проблема эмоционального интеллекта исследуется в связи с большим количеством других вопросов, происходит накопление знаний об эмоциональном интеллекте и его взаимосвязях с различными социально-психологическими факторами, такими как использование социальных сетей, коммуникативные навыки, академическая успешность,

буллинг, кибербуллинг, риск самоубийства и др. [12; 19; 10; 23] Результаты этих исследований часто противоречивы. Исследователями используются разные шкалы для измерения эмоционального интеллекта, основанные на разных моделях эмоционального интеллекта, поэтому вопрос о том, каким инструментом пользуются исследователи, является значимым и актуальным [3].

Диагностический инструментальный, предлагаемый для целей исследования развития эмоционального интеллекта, разнообразен и непосредственно зависит от базовой модели эмоционального интеллекта. Современные методы диагностики эмоционального

интеллекта исследователи условно разделяют на две группы — методы, основанные на решении задач (на моделях способности), и методы, основанные на самоотчете (на смешанных моделях) [5]. Даже в рамках одного методического подхода различаются диагностические инструменты и измеряемые ими компоненты эмоционального интеллекта.

И в отечественной, и в зарубежной психологии существует множество моделей эмоционального интеллекта, часть из которых основана только на когнитивных способностях к различению и идентификации эмоции (модели способностей), часть включают и личностные характеристики, такие как эмпатия, уверенность в себе, стрессоустойчивость и т. д. (смешанные модели). Но, тем не менее, существуют такие компоненты эмоционального интеллекта, которые присутствуют в каждой из моделей, вне зависимости от ее типа — это способность к пониманию эмоций и способность к управлению эмоциями. Аналогично, методы диагностики эмоционального интеллекта основываются на его моделях и, соответственно, измеряют компоненты, представленные в моделях, среди которых присутствуют такие компоненты, как способность к пониманию своих и чужих эмоций и способность к управлению своими и чужими эмоциями.

Несмотря на рост числа исследований эмоционального интеллекта в последние годы в отечественной и зарубежной психологии, до настоящего времени не было создано единой модели, единого подхода к эмоциональному интеллекту, а, следовательно, и единого подхода к его диагностике.

Цель статьи — обзор существующих методов диагностики эмоционального интеллекта.

Методы, основанные на решении задач

В современных зарубежных исследованиях авторы отдают предпочтение методам, основанным на решении задач; в этом случае испытуемым предлагаются для решения задачи на определение эмоций, умение описывать их, на понимание их состава и взаимосвязи, на способность управлять ими. Как правило, такие задания содержат несколько вариантов ответов, а баллы подсчитываются исходя из заданных стандартов [5].

Сюда относятся следующие тесты.

- MSCEITV2.0 (MayerSalovey-Caruso Emotional Intelligence Test), 2002. Тест Майера—Сэлоуэя—Карузо состоит из 4 факторов [15]: идентификация эмоций, повышение эффективности мышления, понимание эмоций, управление эмоциями [16].

- LEAS (Level of Emotional Awareness). Направлен на измерение осознания разнообразных эмоций — как базовых, так и сложных. В тесте приведены открытые задания, без заранее заданных вариантов ответа (20 сценариев). Испытуемому предлагается ответить, что бы он испытывал в заданной ситуации и что бы испытывал другой участвующий в ней персонаж.

Предполагается, что в ответах испытуемых можно различить 6 уровней понимания эмоций.

- EARS (Emotional Accuracy Research Scale). Направлен на распознавание эмоций в межличностном контексте. Содержит 8 сценариев (каждый состоит из 3 рассказов с 12 вариантами завершений). Испытуемый должен выбрать настроение, которое вероятнее всего испытывает персонаж рассказов [7, с. 3—24].

- TIEFBA. Разработан испанскими исследователями в 2017 г. Существует в двух вариантах шкалы для подростков и детей. Тест представляет собой 12 ситуаций, направленных на измерение внутриличностного или межличностного эмоционального интеллекта. Для каждой из ситуаций испытуемого просят описать эмоции, мысли и убеждения фигурирующего в ситуациях персонажа и тот способ управления эмоциями, который будет наиболее эффективен. Тест оценивает способности к пониманию собственной эмоциональной сферы и управлению ею, а также, благодаря этому, повышает продуктивность мыслительной деятельности [13].

Один из наиболее широко используемых методов данной группы — тест Майера—Сэлоуэя—Карузо, на котором базируется большое количество исследований, особенно в зарубежной психологии.

Примером может служить недавнее исследование Карлито К.Н. (Тюбингенский университет, Тюбинген) (2018), включающее в себя диагностику эмоционального интеллекта с помощью этого теста; была обнаружена связь эмоционального интеллекта со способностью воспринимать и интерпретировать голосовую экспрессию, причем более сильная, чем связь со способностью воспринимать и интерпретировать лицезубую экспрессию [5]. Примечательно, что эта связь у испытуемых наблюдалась независимо от наличия задачи оценить эмоциональную информацию; в результате авторы выдвигают гипотезу о том, что чувствительность к голосовой экспрессии может быть фактором развития эмоциональной компетентности.

В качестве несомненного плюса методик данной группы мы можем выделить отсутствие опоры на самовосприятие, а следовательно, возможность получения более объективных данных об уровне развития эмоционального интеллекта. Кроме того, методы, основанные на решении задач, направлены на исследование уровня развития когнитивных способностей, обуславливающих понимание и управление эмоциями, и не включают в себя исследование личностных черт.

Однако у методик данной группы существуют и недостатки. Л.Г. Матвеева, Д.В. Горшенин подчеркивают, что ситуация решения задач в условиях диагностики отличается от решения задач, предлагаемых жизнью (естественно, что эти задачи различно окрашены мотивационно и эмоционально), и подобная ситуация переноса искажает суть задач. Тем не менее, многие исследователи утверждают, что подобные методы менее уязвимы к проявлению такого феномена, как

социальная желательность, так как они не основаны на самовосприятии [13], что позволяет получить более объективный результат. Также невозможно не подчеркнуть, что тесты, основанные на решении задач, достаточно трудоемки, требуют больших затрат времени на обработку и проведение, они также труднее в обработке, чем тесты самоотчета. Это создает сложности с их применением на практике, особенно если необходимо провести одновременную диагностику большого числа испытуемых, как это требуется школьным или социальным психологам. Кроме того, в русскоязычной версии общедоступна из описанных методик только MSCEIT V2.0.

Методы, основанные на самоотчете и самооценке

Методы, основанные на самоотчете и самооценке, предлагают работу с абстрактными ситуациями, с которыми испытуемый должен согласиться или не согласиться («другие легко доверяют мне») или с более конкретными ситуациями («я паникую, когда мне нужно противостоять человеку, который зол»), этим они похожи на задачные тесты. В качестве оценки предполагается только частота встречаемости тех или иных ответов в выборке испытуемых [5].

Наиболее используемые методики данной группы следующие.

- Опросник «EQ-i» Р. Бар-Она (Bar-On Emotional Quotient Inventory). Разработан для оценки эмоционального интеллекта по модели Р. Бар-Она. Дает общую оценку эмоционального интеллекта, состоит из 5 шкал и 15 связанных с ними подшкал: познание себя (осознание своих эмоций, уверенность в себе, самоуважение, самоактуализация, независимость), межличностные отношения (эмпатия, социальная ответственность, межличностные взаимоотношения), адаптация (решение проблем, связь с реальностью, гибкость), управление стрессовыми ситуациями (устойчивость к стрессу, контроль за импульсивностью), преобладающее настроение (счастье, оптимизм). Содержит 133 утверждения, каждое из которых испытуемый должен оценить по шкале от «Очень редко или вообще никогда» до «Очень часто или всегда». Детская версия включает 51 утверждение [9].

- Опросник «EQ» Н. Холла (N. Hall Emotional Intelligence Self-Evaluation). Предназначен для выявления способностей понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе принятия решений. Содержит 5 шкал (эмоциональная осведомленность; управление своими эмоциями; самомотивация; эмпатия; распознавание эмоций других людей) и состоит из 30 утверждений, каждое из которых необходимо оценить количественно от «-3» до «+3» [1].

- Опросник SSRI (Schutte et al. Self-Report Index). Опросник Н. Шутте направлен на измерение 4 «ветвей» ЭИ, описываемых моделью Дж. Мэйера,

П. Сэлоуэя и Д. Карузо. Содержит 33 утверждения, каждое из которых испытуемый должен оценить по одной из 5 шкал, от «Это совершенно не обо мне» до «Это точно про меня» [8, с. 3—24].

- WLEIS (Wong & Law Emotional Intelligence Scale). Тест основан на модели эмоционального интеллекта Дж. Мэйера, П. Сэловэя и Д. Карузо, состоит из 16 вопросов и предназначен для оценки способностей личности распознавать и регулировать собственные эмоции. Каждое утверждение испытуемый должен оценить по 7-балльной шкале, от «полностью не согласен» до «полностью согласен» (Wong & Law, 2002).

- Опросник эмоционального интеллекта Trait (TEIQue). Состоит из 153 утверждений, с которыми испытуемый должен выразить степень согласия, опираясь на 7-балльную шкалу. Описывает четыре фактора: эмоциональное благополучие, самоконтроль, эмоциональность и коммуникабельность. Существует краткая версия — TEIQue-SF, состоящая из 30 утверждений, описывающих те же 4 фактора [18].

- Опросник EI (Emotional intelligence inventory). Разработан на основе модели Дж. Мэйера, П. Сэловэя и Д. Карузо в 2006 г. Измеряет 4 компонента эмоционального интеллекта: эмпатию, самоконтроль, использование эмоций (в мышлении) и управление отношениями. Состоит из 41 утверждения и оценивается испытуемым по 5-балльной шкале — от «никогда» до «всегда» [22].

- Trait-Meta Mood Scale (TMMS). Шкала состоит из 30 утверждений и описывает следующие компоненты эмоционального интеллекта: внимание к эмоциям (степень, в которой люди думают или замечают свои чувства); понимание эмоций (степень, в которой индивидуумы могут идентифицировать, понимать и различать свои чувства), способность регулировать эмоции (способность к регуляции настроения и негативных эмоциональных переживаний) [18].

- Опросник эмоционального интеллекта «ЭИИ» Д.В. Люсина. Включает 2 шкалы: шкала межличностного эмоционального интеллекта (понимание чужих эмоций; управление чужими эмоциями) и шкала внутриличностного эмоционального интеллекта (осознание своих эмоций; управление своими эмоциями; контроль экспрессии), а также 6 подшкал. Состоит из 46 утверждений, каждое из которых испытуемый должен оценить по одной из 4 шкал, от (1) «Совсем не согласен» до (4) «Полностью согласен» [4].

- Методика диагностики эмоционального интеллекта «МЭИ» М.А. Манойловой. Представляет собой опросник из 40 утверждений. Испытуемый оценивает степень своего согласия с каждым утверждением по 5-балльной шкале. Опросник содержит 4 субшкалы и 3 интегральных индекса: общего уровня, выраженности внутриличностного (способность к осознанию и принятию своих чувств, самоконтроль) и межличностного (способность к распознаванию, пониманию и изменению эмоциональных состояний других людей) аспектов эмоционального интеллекта.

В зарубежных исследованиях методы, основанные на самоотчете, часто используются в сочетании с методами, основанными на решении задач. Примером может служить исследование связи между эмоциональным интеллектом и чертами психопатии, в котором использовались тест Дж. Мэйера, П. Сэловэя, Д. Карузо; Trait-Meta Mood Scale (TMMS); SSRI; WLEIS. Это исследование выявило и продемонстрировало связь между эмоциональным интеллектом и чертами психопатии (с фактором «образ жизни» шкалы PCL-R) в большей степени при использовании методик, основанных на решении задач. При использовании методик, основанных на самоотчете, скольконибудь значимой связи выявлено не было и полученные результаты были противоречивыми [24].

Очевидным плюсом этой группы методов является простота проведения и обработки полученных данных, возможность протестировать большое количество испытуемых. Однако в этой группе методов можно выделить несколько существенных недостатков. Тесты этой группы основаны на самовосприятии, а одним из недостатков методик, использующих опору на самоотчет, является эффект социальной желательности, искажающий результаты. Также одним из главных недостатков методик этой группы называют опору на самоотчет; иными словами, диагностический инструмент измеряет лишь «некоторую комбинацию личностных черт» (Д.В. Люсин, 2006, с. 5), а не способность. Также испытуемые могут неправильно понять вопросы теста [11], особенно если эти вопросы сложно сформулированы: чем проще сформулирован вопрос, тем однозначнее (проще) ответы на него, что говорит о более однозначном понимании сути вопроса [5]. Также исследования с помощью методик данной группы часто показывают противоречивые результаты, так как эти тесты основаны на восприятии, которое не всегда соответствует реальным способностям личности [18]. Так, например, значимые различия в уровне эмоционального интеллекта были выявлены Н.Р. Харродом между девочками и мальчиками-подростками: у мальчиков уровень эмоционального интеллекта в целом ниже. В то же время, согласно результатам исследования Д.Д. Гуастелло, значимые различия по уровню эмоционального интеллекта обнаружены только у родителей (у женщин эмоциональный интеллект развит больше, чем у мужчин), в то время как у детей таких различий выявлено не было. Г. Орме в своих исследованиях (2003 г.) обнаружил отсутствие различий между мужчинами и женщинами по уровню эмоционального интеллекта.

Проективные методы

Необходимо подчеркнуть, что многие авторы отмечают, что методы диагностики эмоционального интеллекта, основанные на самоотчете, и методы, основанные на решении задач, показывают низкие корреляции между собой [7; 22].

По мнению Д.В. Люсина, старшего научного сотрудника лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН, доцента Института психологии имени Л.С. Выготского РГГУ, ведущего научного сотрудника лаборатории когнитивных исследований НИУ «Высшая школа экономики», Москва, «... эти два типа методик (задачи и опросники) измеряют либо вообще довольно разные конструкты, либо разные стороны эмоционального интеллекта» [4, с. 5].

В настоящее время исследователями ведется работа по преодолению данного противоречия. Так, М. Фьори (Университет прикладных наук Западной Швейцарии, Делемон) в 2009 г. выдвинула предположение, согласно которому в качестве инструмента исследования эмоционального интеллекта должны выступить проективные методы диагностики, которые позволят в исследовании опираться на бессознательные, автоматические процессы, лежащие в основе эмоционального интеллекта и позволяющие избежать сознательного контроля и эффекта социальной желательности [11].

В настоящее время проективных методов диагностики эмоционального интеллекта не так много, что, вероятно, связано с трудностью разработки системы интерпретации.

В 2008 г. М.А. Нгуен (Университет Хоа Сен, Хошимин) предложил несколько проективных методик диагностики эмоционального интеллекта для детей дошкольного возраста, показывающих уровень развития эмоционального интеллекта — высокий, средний или низкий [6].

- «Дорисовывание: мир вещей — мир людей — мир эмоций». Методика выявляет эмоциональную ориентацию ребенка на мир вещей или мир людей и содержит 3 геометрические фигуры — круг, овал и треугольник, которые детям предлагается дорисовать так, чтобы получились рисунки со смыслом.

- «Три желания». Методика выявляет эмоциональную ориентацию ребенка на себя или других людей. В ходе диагностики ребенку предлагается нарисовать любые три желания, а затем проводится беседа по результатам выполнения.

- «Что — почему — как». Методика выявляет степень готовности ребенка учитывать эмоциональное состояние другого человека, сопереживать, заботиться о нем. В ходе методики детям зачитывают текст (тексты для мальчиков и девочек разные), а затем просят ребенка ответить на вопросы.

Т.А. Бусыгиной, С.А. Исхановой (отечественными исследователями из Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, Самара) была предложена проективная методика диагностики эмоционального интеллекта для учителей.

- «Реплики, фрустрирующие учителя». Методика используется для диагностики эмоционального интеллекта педагогов и представляет собой 22 высказывания, содержащих возможность фрустрации, на которые педагог должен дать спонтанную речевую реакцию. Обработка проводится путем контент-анализа [2].

Принципы разработки методик диагностики эмоционального интеллекта

Таким образом, мы можем выделить противоречие, которое существует на сегодняшний день — это различные подходы к тому, что является компонентами эмоционального интеллекта, и, соответственно, различные подходы к изучению эмоционального интеллекта. Каждый из этих подходов имеет свои достоинства и свои недостатки, которые выделяются исследователями.

М. Бракетт, С. Риверс, С. Шифман, С. Лернер и П. Сэловей (Йельский университет, Йель) (цит. по: Brackett et al., 2006) подчеркивают, что результаты, полученные в тестах самооценки, не показывают сильной корреляции с измеренными способностями восприятия, использования, понимания и управления эмоциями [18].

Дж. Мэйер, (Университет Нью-Гэмпшира, Нью-Гэмпшир) П. Сэловей и Д. Карузо (Йельский университет, Йель) указывают, что смешанные модели включают в себя черты личности, многими исследователями не относимые к эмоциональному интеллекту, — оптимизм, эмпатия [15].

Тем не менее, важно отметить, что, несмотря на различия в методах и инструментах диагностики, есть те компоненты, которые присутствуют во всех моделях эмоционального интеллекта и во всех диагностических инструментах, — это способность к пониманию своих и чужих эмоций и способность к управлению ими. Это дает возможность для выделения некоторых принципов, которые могут быть использованы при разработке методик диагностики эмоционального интеллекта.

Таким образом, существующие разногласия в определениях эмоционального интеллекта, компонентов, из которых он состоит, а также в подходах к его изучению привели к тому, что в настоящее время исследователями выдвигаются определенные критерии и требования к разработке методик диагностики эмоционального интеллекта.

Так, Р. Робертс (Сиднейский университет, Сидней), М. Зайднер (Хайфский университет, Хайфа) и Дж. Мэттьюс (Университет Центральной Флориды, Орlando) полагают, что для дальнейшего прогресса в изучении эмоционального интеллекта необходимо создать единый метод его измерения, который оценивал бы эмоциональный интеллект как форму познавательной способности и был бы валидным, надежным и стандартизированным [20].

Л.Г. Матвеева, Д.В. Горешин (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск) считают, что задания, с помощью которых проводится измерение эмоционального интеллекта, должны быть дивергентны и конкретны, т. е. должны описывать конкретную эмоционально насыщенную ситуацию, которую требуется разрешить, и предлагать несколько вариантов ответа. «Возможным вариантом задания может являться необходимость описания конкретной эмоциональной ситуации по определенной схеме, стандарт-

ной или индивидуально преобразованной на основе стандартной» [5].

Р. Робертс, М. Зайднер и Дж. Мэттьюс указывают, что ответы необходимо оценивать в соответствии с определенными объективными критериями, показывающими, насколько ответы соответствуют требованиям [20].

Дж. Мэйер, П. Сэловей и Д. Карузо подчеркивают, что тест, измеряющий эмоциональный интеллект, должен фокусироваться на тех конструкциях, которые непосредственно относятся к эмоциональному интеллекту, а не чертам личности. Соответственно, он не должен показывать корреляции с личностными чертами, измеряемыми личностными опросниками и описываемыми пятифакторной моделью личностных черт «Большая пятерка» [15].

К. МакКенни Р. Робертс (Сиднейский университет, Сидней) в 2008 г. выдвинули несколько ключевых принципов, которым должна соответствовать методика, измеряющая эмоциональный интеллект: во-первых, результаты должны коррелировать с результатами тестов интеллекта (так как обычно все тесты интеллекта коррелируют между собой); во-вторых, тесты эмоционального интеллекта должны показывать более сильные корреляции друг с другом, чем с тестами интеллекта; в-третьих, результаты должны прогнозировать поведение человека в сферах, относящихся к эмоциям, в-четвертых, результаты должны показывать умеренную связь с личностью [14].

К. Пекар, А. Баккер, Д. Ван дер Линден и М. Борн (Университет Эразма Роттердамского, Роттердам) (цит. по: K.A. Rekaaret al., 2018) подчеркивают, что для создания надежного инструмента для измерения должны быть использованы два основных компонента эмоционального интеллекта, которые теоретически обоснованы и фигурируют во всех моделях эмоционального интеллекта: способность понимать эмоции и способность регулировать их. Авторы подчеркивают, что именно эти два компонента, являются ведущими в понимании эмоционального интеллекта [21].

Таким образом, соответствие той или иной методики выделенным компонентам эмоционального интеллекта может являться главным принципом, который должен быть использован при разработке диагностической методики или при ее оценке.

К. Майнерс, С. Кот, Ф. Ливенс (Сингапурский университет Управления, Сингапур) (цит. по: Miners S. et al., 2018) предлагают следующие принципы для создания более точной методики диагностики эмоционального интеллекта:

- установить четкое, краткое и законченное определение конструкции эмоционального интеллекта и всех его компонентов для избежания лишних включений или исключений теоретических процессов (например, определением такой конструкции, как способность к распознаванию эмоций, может служить следующее объяснение: способность точно идентифицировать эмоции);

- описать процесс функционирования того или иного компонента эмоционального интеллекта (например, описанием функционирования способности к распознаванию эмоций может служить следующее: обращение внимания на информацию об эмоциях другого (тон, выражение лица), сравнение этой информации с информацией о протекании той или иной эмоции, интерпретирование данной эмоции и ее интенсивности в конкретном контексте);

- описать процесс выбора вариантов социального взаимодействия или реакции на основании той информации, которая была получена в процессе работы эмоционального интеллекта.

Как отмечают авторы, подобный подход может помочь исследователям оценить действенность существующих методик и создавать новые методики, что улучшит качество исследований [19].

Выводы

Диагностический инструментарий, используемый в исследованиях развития эмоционального интеллекта, разнообразен и непосредственно зависит от модели эмоционального интеллекта. В рамках одного методического подхода различаются диагностические инструменты и те компоненты эмоционального интеллекта,

которые они измеряют. Несмотря на увеличивающееся количество исследований, посвященных эмоциональному интеллекту в последние годы, не было создано единой модели, единого подхода к эмоциональному интеллекту, а, следовательно, и единого подхода к диагностике. В связи с этим многие исследователи выдвигают критерии, которые должны быть реализованы при создании диагностических методик.

Обобщив данные критерии, мы можем выделить следующие принципы создания тестов: описание конкретной ситуации в заданиях; формулировка заданий так, чтобы они понимались однозначно; формулировка заданий, позволяющая избежать сознательного контроля и социально желательных ответов, опора на автоматические процессы, лежащие в основе эмоционального интеллекта; выделение объективных критериев оценки ответов; измерение не черт личности, а способностей; использование только таких компонентов эмоционального интеллекта, которые фигурируют во всех моделях эмоционального интеллекта — способность понимать эмоции и способность регулировать их; значимая корреляция тестов эмоционального интеллекта друг с другом и с тестами интеллекта; формулировка краткого определения для каждого компонента, описание процесса его функционирования; возможность прогнозирования поведения человека в сферах, связанных с эмоциональными проявлениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюк: ПГУ, 2011. 388 с.
2. Бусыгина Т.А., Ихсанова С.Г. Опыт проективной диагностики эмоционального интеллекта учителей // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 2. С. 1441—1447.
3. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Гендерные различия в эмоциональном интеллекте у старших подростков // Психолого-педагогические исследования. 2017. № 4(9). С. 65—74. doi:10.17759/psyedu.2017090407.
4. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн [Электронный ресурс] // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3—22. URL: https://www.researchgate.net/publication/311706448_Novaa_metodika_dla_izmerenia_emocionalnogo_intellekta_oprosnik_EmIn (дата обращения: 29.10.2019).
5. Матвеева Л.Г., Горшенин Д.В. Опыт разработки методики диагностики эмоционального интеллекта [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 4. С. 149—160. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2007-4-4/26959874.html> (дата обращения: 29.10.2019).
6. Неуен Минь Ань. Диагностика уровня развития эмоционального интеллекта старшего дошкольника [Электронный ресурс] // Ребенок в детском саду. 2008. № 1. С. 83—85. URL: https://studylib.ru/doc/513420/diagnostika-urovnya-razvitiya-e-mocional_nogo-intellekta (дата обращения: 29.10.2019).
7. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Эмоциональный интеллект: модель, структура теста (MSCEIT V2.0), русскоязычная адаптация [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный научный журнал). 2009. № 6(8). URL: <http://psystudy.ru/num/2009n6-8/243-sergienko-vetrova8#e3> (дата обращения: 29.10.2019).
8. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике [Электронный ресурс] / Р.Д. Робертс [и др.] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 4. С. 3—24. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2004-1-4/27497347.html> (дата обращения: 29.10.2019).
9. Bar-On R. Emotional Quotient Inventory: a measure of emotional intelligence. NY: Multi-Health Systems, Inc. 2008. 36 p.
10. Cyberbullying victimization, self-esteem and suicidal ideation in adolescence: Does emotional intelligence play a buffering role? [Электронный ресурс] / N. Extremera [et al.] // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. P. 367. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00367> (дата обращения: 29.10.2019).
11. Fiori M. A new look at emotional intelligence: A dual-process framework // Personality and Social Psychology Review. 2009. Vol. 13. № 1. P. 21—44. doi:10.1177/1088868308326909

12. *Hornung O., Dittes S., Smolnik S.* When emotions go social — Understanding the role of emotional intelligence in social network use [Электронный ресурс] // Twenty-six European Conference on Information Systems (ECIS2018). Portsmouth, UK. 2018. 11 p. URL: <http://ecis2018.eu/wp-content/uploads/2018/09/1715-doc.pdf> (дата обращения: 29.10.2019).
13. La relación del Test de Inteligencia Emocional de la Fundación Botín (TIEFBA) con el ajuste personal y escolar de adolescentes españoles [Электронный ресурс] / P. Fernández-Berrocal [et al.] // *Revista de Psicodidáctica*. 2018. Vol. 23. № 1. P. 1—8. doi:10.1016/j.psicod.2017.07.001
14. *MacCann C., Roberts R.D.* New paradigms for assessing emotional intelligence: Theory and data // *Emotion*. 2008. Vol. 8. № 4. P. 540—551. doi:10.1037/a0012746
15. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* Emotional Intelligence: New Ability or Eclectic Traits // *American Psychological Association*. 2008. Vol. 63. № 6. P. 503—517. doi:10.1037/0003-066X.63.6.503
16. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* MSCEIT — Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test [Электронный ресурс]. Toronto: Multi-Health Systems, Inc. 2002. 14 p. URL: <https://humancapitaltalent.co.za/wp-content/uploads/2018/11/MSCEIT-Personal-Summary-Report.pdf> (дата обращения: 29.10.2019).
17. *Miners C., Cote S., Lievens F.* Assessing the validity of emotional intelligence measures // *Emotion Review*. 2018. Vol. 10. № 1. P. 87—95. doi:10.1177/1754073917693688
18. Neurobiological correlates of Emotional Intelligence in voice and face perception networks / K.N. Karle [et al.] // *Social and Affective Neuroscience*. 2018. Vol. 13. № 2. P. 233—244. doi:10.1093/scan/nsy001
19. Perceived emotional intelligence as a moderator variable between cybervictimization and its emotional impact / P. Elipe [et al.] // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. Article 486, 11 p. doi:10.3389/fpsyg.2015.00486
20. *Roberts R.D., Zeidner M., Matthews G.* Does emotional intelligence meet traditional standards for an intelligence? Some new data and conclusions // *Emotion*. 2001. Vol. 1. № 3. P. 196—231. doi:10.1037//1528-3542.1.3.196
21. Self- and other-focused emotional intelligence: development and validation of the Rotterdam Emotional Intelligence Scale (REIS) / K.A. Pekaar [et al.] // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 120. P. 222—223. doi:10.1016/j.paid.2017.08.045
22. *Tapia M., Marsh G.E.* A validation of the emotional intelligence inventory // *Psicothema*. 2006. Vol. 18. P. 55—58
23. The relationship between emotional intelligence and the different roles in cyberbullying among high school students in Tehran / K. Razjouyan [et al.] // *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*. 2018. Vol. 3. № 12. doi:10.5812/ijpbs.11560
24. The relationship between the three models of emotional intelligence and psychopathy: a systematic review / R. Gomez-Leal [et al.] // *Frontiers in Psychiatry*. 2018. Vol. 9. Article 307, 11 p. doi:10.3389/fpsyg.2018.00307

Methods for diagnosing emotional intelligence

Kochetova Yu.A.,

candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of developmental psychology named after L.F. Obukhova, department of psychology of education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, juliya25@mail.ru

Klimakova M.V.,

post-graduate student at the chair of developmental psychology named after L.F. Obukhova, department of psychology of education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, mk-217@yandex.ru

The problem of diagnostics of emotional intelligence is important both for applied psychology and for theoretical research in this field of knowledge. The purpose of the article is to review the methods of diagnosing emotional intelligence. The diagnostic toolkit for research of the dynamics of emotional intelligence depends on the explanatory model of emotional intelligence. At the same time, within the framework of one methodical approach, both diagnostic tools and the components of emotional intelligence measured by them are different. Based on these features of the problem one can put forward the principles of designing the diagnostic techniques. Summarizing these features and principles, we can figuratively divide diagnostic methodical material into groups as follows: describing the specific situation of the tasks; task wording that excludes ambiguous understanding of them; the wording of the assignments to avoid conscious control and socially desirable responses; highlighting objective criteria for assessing responses; measuring not personality traits, but abilities; possibility to predict human behavior in areas associated with emotional manifestations.

Keywords: emotional intelligence, diagnostics, diagnostic techniques, questionnaire, test, principles of designing tests.

REFERENCES

1. Andreeva I.N. Emotsional'nyi intellekt kak fenomen sovremennoi psikhologii [Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology]. Novopolotsk: PGU, 2011. 388 p. (In Russ.).
2. Busygina T.A., Ikhsanova S.G. Opyt proektivnoi diagnostiki emotsional'nogo intellekta uchitelei [The experience of projective diagnosis of emotional intelligence of teachers]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 2012, no. 2, pp. 1441—1447. (In Russ.).
3. Kochetova Yu.A., Klimakova M.V. Gendernye razlichiya v emotsional'nom intellekte u starshikh podrostkov [Gender Differences in Emotional Intelligence in Adolescence]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological-Educational Studies]*, 2017. Vol. 4, no. 9, pp. 65—74. doi:10.17759/psyedu.2017090407. (In Russ; Abstr. in Engl.).
4. Lyusin D.V. Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [Elektronnyi resurs] [New Technique for Measuring Emotional Intelligence: EmIn Questionnaire]. *Psikhologicheskaya diagnostika [Psychological diagnosis]*, 2006, no. 4, pp. 3—22. URL: https://www.researchgate.net/publication/311706448_Novaa_metodika_dla_izmereniya_emotsionalnogo_intellekta_oprosnik_EmIn (Accessed 29.10.2019). (In Russ.).
5. Matveeva L.G., Gorshenin D.V. Opyt razrabotki metodiki diagnostiki emotsional'nogo intellekta [Elektronnyi resurs] [Experience in developing methods for the diagnosis of emotional intelligence]. *Psikhologiya. Zhurnal VShE [Psychology. HSE Journal]*, 2007, Vol. 4, no. 4, pp. 149—160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/opyt-razrabotki-metodiki-diagnostiki-emotsionalnogo-intellekta> (Accessed 29.10.2019). (In Russ.).
6. Nguen Min' An'. Diagnostika urovnya razvitiya emotsional'nogo intellekta starshego doshkol'nika [Elektronnyi resurs] [Diagnosis of the level of development of emotional intelligence of a senior preschooler]. *Rebenok v detskom sadu [Baby in kindergarten]*, 2008, no. 1, pp. 83—85. URL: https://studylib.ru/doc/513420/diagnostika-urovnya-razvitiya-e-motsional_nogo-intellekta (Accessed 29.10.2019). (In Russ.).
7. Sergienko E.A., Vetrova I.I. Emotsional'nyi intellekt: model', struktura testa (MSCEIT V2.0), russkoyazychnaya adaptatsiya [Elektronnyi resurs] [Emotional intelligence: model, test structure (MSCEIT V2.0), Russian-language adaptation]. *Psikhologicheskie issledovaniya (ehlektronnyi nauchnyi zhurnal) [Psychological research (electronic scientific journal)]*, 2009. Vol. 6, no. 8. URL: <http://psystudy.ru/num/2009n6-8/243-sergienko-vetrova8#e3> (Accessed 29.10.2019). (In Russ; Abstr. in Engl.).
8. Roberts R.D. et al. Emotsional'nyi intellekt: problemy teorii, izmereniya i primeneniya na praktike [Elektronnyi resurs] [Emotional intelligence: problems of theory, measurement and application in practice]. *Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki [Journal of Higher School of Economics]*. Moscow, 2004. Vol. 1, no. 4 pp. 3—24. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2004-1-4/27497347.html> (Accessed 29.10.2019). (In Russ.).

9. Bar-On R. Emotional Quotient Inventory: a measure of emotional intelligence. NY: Multi-Health Systems, Inc. 2008. 36 p.
10. Extremera N. et al. Cyberbullying victimization, self-esteem and suicidal ideation in adolescence: Does emotional intelligence play a buffering role? [Elektronnyi resurs]. *Frontiers in Psychology*, 2018. Vol. 9, pp. 367. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00367> (Accessed 29.10.2019).
11. Fiori M. A new look at emotional intelligence: A dual-process framework. *Personality and Social Psychology Review*, 2009. Vol. 13, no. 1, pp. 21—44. doi:10.1177/1088868308326909
12. Hornung O., Dittes S., Smolnik S. When emotions go social — Understanding the role of emotional intelligence in social network use [Elektronnyi resurs]. *Twenty-six European Conference on Information Systems (ECIS2018)*, Portsmouth, UK. 2018. URL: <http://ecis2018.eu/wp-content/uploads/2018/09/1715-doc.pdf> (Accessed 29.10.2019).
13. Fernández-Berrocal P. et al. La relación del Test de Inteligencia Emocional de la Fundación Botín (TIEFBA) con el ajuste personal y escolar de adolescentes españoles [Elektronnyi resurs]. *Revista de Psicodidáctica*, 2018. Vol. 23, no. 1, pp. 1—8. doi:10.1016/j.psicod.2017.07.001
14. MacCann C., Roberts R. D. New paradigms for assessing emotional intelligence: Theory and data. *Emotion*, 2008. Vol. 8, no. 4, pp. 540—551. doi:10.1037/a0012746
15. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. R. Emotional Intelligence: New Ability or Eclectic Traits. *American Psychological Association*, 2008. Vol. 63, no. 6, pp. 503—517. doi:10.1037/0003-066X.63.6.503
16. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. R. MSCEIT — Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test [Elektronnyi resurs]. Toronto: Multi-Health Systems, Inc. 2002. 14 p. URL: <https://humancapitaltalent.co.za/wp-content/uploads/2018/11/MSCEIT-Personal-Summary-Report.pdf> (Accessed 29.10.2019).
17. Miners C., Cote S., Lievens F. Assessing the validity of emotional intelligence measures. *Emotion review*, 2018. Vol. 10, no. 1, pp. 87—95. doi:10.1177/1754073917693688
18. Karle K.N. et al. Neurobiological correlates of Emotional Intelligence in voice and face perception networks. *Social and Affective Neuroscience*, 2018. Vol. 13, no. 2, pp. 233—244. doi:10.1093/scan/nsy001
19. Elipe P. et al. Perceived emotional intelligence as a moderator variable between cyberbullying victimization and its emotional impact. *Frontiers in Psychology*, 2015. Vol. 6, Article 486, 11 p. doi:10.3389/fpsyg.2015.00486
20. Roberts R.D., Zeidner M., Matthews G. Does emotional intelligence meet traditional standards for an intelligence? Some new data and conclusions. *Emotion*, 2001. Vol. 1, no. 3, pp. 196—231. doi:10.1037//1528-3542.1.3.196
21. Pekaar K.A. et al. Self- and other-focused emotional intelligence: development and validation of the Rotterdam Emotional Intelligence Scale (REIS). *Personality and Individual Differences*, 2018. Vol. 120, pp. 222—223. doi:10.1016/j.paid.2017.08.045
22. Tapia M., Marsh G. E. A validation of the emotional intelligence inventory. *Psicothema*, 2006. Vol. 18, pp. 55—58
23. Razjouyan K. et al. The relationship between emotional intelligence and the different roles in cyberbullying among high school students in Tehran. *Iranian journal of psychiatry and behavioral sciences*, 2018. Vol. 3, no. 12. doi:10.5812/ijpbs.11560
24. Gomez-Leal R. et al. The relationship between the three models of emotional intelligence and psychopathy: a systematic review. *Frontiers in Psychiatry*, 2018. Vol. 9. Article 307. 11 p. doi:10.3389/fpsyg.2018.00307

Наши авторы

Авдеева Наталия Николаевна — кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обухова факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *nnavdeeva@mail.ru*

Аникина Варвара Олеговна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей факультета психологии, ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, *v.anikina@spbu.ru*

Булыгина Мария Вячеславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры детской и семейной психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *buluginamv@mgppu.ru*

Дедова Ольга Витальевна — старший преподаватель кафедры зарубежной и русской филологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *olgadedova2007@gmail.com*

Дианова Екатерина Сергеевна — магистр (психология), педагог-психолог, Частный детский сад «LEGACY», Москва, Россия, *katerina17601@gmail.com*

Ермолова Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *yermolova@mail.ru*

Ерохина Елизавета Александровна — магистрант кафедры детской и семейной психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *eaerokhina@gmail.com*

Иволина Татьяна Викторовна — старший преподаватель кафедры зарубежной и русской филологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *ivolina-tatyana@yandex.ru*

Калина Инга Андреевна — аспирант кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, *ingrit.13@mail.ru*

Климакова Мария Вячеславовна — аспирант кафедры возрастной психологии имени Л.Ф. Обухова факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *mk-217@yandex.ru*

Комарова Светлана Валерьевна — магистрант программы «Детская и семейная психотерапия» факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *scomarova@mail.ru*

Кочетова Юлия Андреевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии имени Л.Ф. Обухова, факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *kochetovayua@mgppu.ru*

Литвинов Александр Викторович — кандидат педагогических наук, профессор кафедры зарубежной и русской филологии, ФГБОУ ВО МГППУ; доцент кафедры иностранных языков экономического факультета, РУДН, Москва, Россия, *alisal01@yandex.ru*

Мельдо Элина Владимировна — магистр кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей факультета психологии, ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, *tusik.93@mail.ru*

Прохорова Анна Александровна — магистрант кафедры детской и семейной психотерапии факультета консультативной и клинической психотерапии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *anya.prokhorova@gmail.com*

Савеньшева Светлана Станиславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, *owlsveta@mail.ru*

Смирнова Елена Олеговна — доктор психологических наук, профессор кафедры дошкольной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО МГППУ; начальник отдела психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек Центра прикладных психолого-педагогических исследований, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *smirneo@mail.ru*

Наши авторы

Смирнова Светлана Юрьевна — младший научный сотрудник отдела психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек Центра прикладных психолого-педагогических исследований, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *svetlanka.vas@gmail.com*

Филиппова Елена Валентиновна — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой детской и семейной психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *e.v.filippova@mail.ru*

Хоффман Брук Эшли — аспирант факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *brookeahoffman@gmail.com*

Чеботарева Елена Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры детской и семейной психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *chebotarevu@yandex.ru*

Шейна Елена Георгиевна — старший научный сотрудник отдела психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек Центра прикладных психолого-педагогических исследований, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *leshgp@gmail.com*

Our authors

Avdeeva Natalia Nikolaevna — candidate of psychological sciences, professor at the chair of developmental psychology named after L.F. Obukhova, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
nnavdeeva@mail.ru

Anikina Varvara Olegovna — candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of early intervention and mental health, department of psychology, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
v.anikina@spbu.ru

Bulygina Maria Vyacheslavovna — candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of child and family psychotherapy, department of psychological counseling, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
buluginamv@mgppu.ru

Dedova Olga Vital'evna — assistant professor of the Department of Foreign and Russian philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
olgadedova2007@gmail.com

Dianova Ekaterina Sergeevna — master in psychology, psychologist, Private kindergarten «LEGACY», Moscow, Russia,
katerina17601@gmail.com

Ermolova Tatiana Viktorovna — candidate of psychological sciences, head of the chair of foreign and Russian philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
yermolova@mail.ru

Erokhina Elizaveta Aleksandrovna — master degree student at the chair of child and family psychotherapy, department of psychological counseling, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
eaerokhina@gmail.com

Ivolina Tat'yana Viktorovna — assistant professor of the Department of Foreign and Russian philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ivolina-tatyana@yandex.ru

Kalina Inga Andreevna — post-graduate student at the chair of developmental and differential psychology, department of psychology, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
ingrit.13@mail.ru

Klimakova Maria Vyacheslavovna — post-graduate student at the chair of developmental psychology named after L.F. Obukhova, department of psychology of education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
mk-217@yandex.ru

Komarova Svetlana Valer'evna — student in the master's program «Child and family psychotherapy», department of psychological counseling, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
scomarova@mail.ru

Kochetova Yuliya Andreevna — candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of developmental psychology named after L.F. Obukhova, department of psychology of education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
juliya25@mail.ru

Litvinov Aleksandr Victorovich — candidate of pedagogical sciences, professor of the chair of foreign and Russian philology, Moscow State University of Psychology & Education, associate professor at Foreign Languages Department at the Faculty of Economics (RUDN University), Moscow, Russia,
alisal01@yandex.ru

Meldo Elina Vladimirovna — student in the master's program at the chair of early intervention and mental health, department of psychology, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
tusik.93@mail.ru

Prokhorova Anna Aleksandrovna — master degree student at the chair of child and family psychotherapy, department of psychological counseling, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
anya.prokhorova@gmail.com

Savenysheva Svetlana Stanislavovna — candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of developmental and differential psychology, department of psychology, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
owlsveta@mail.ru

Smirnova Elena Olegovna — doctor of psychological sciences, professor at the chair of preschool pedagogy and psychology, head of the department of psycho-pedagogical expertise of toys and games at the Center of applied psycho-pedagogical investigations, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
smirneo@mail.ru

Our authors

Smirnova Svetlana Yur'evna — junior research fellow, department of psycho-pedagogical expertise of toys and games at the Center of applied psycho-pedagogical investigations, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
svetlanka.vas@gmail.com

Filippova Elena Valentinovna — candidate of psychological sciences, professor, head of the chair of child and family psychotherapy, department of psychological counseling, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
e.v.filippova@mail.ru

Hoffman Brooke Ashley — post graduate student, chair of developmental psychology named after L.F. Obukhova, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
brookeahoffman@gmail.com

Chebotareva Elena Yurievna — candidate of psychological sciences, associate professor at the chair of child and family psychotherapy, department of psychological counseling, Moscow State University of Psychology & Education, associate professor of the psychology department, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia,
chebotarevy@yandex.ru

Sheina Elena Georgievna — senior research fellow, department of psycho-pedagogical expertise of toys and games at the Center of applied psycho-pedagogical investigations, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
leshgp@gmail.com